В.Ю.Мурзин

Скифская архаика СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

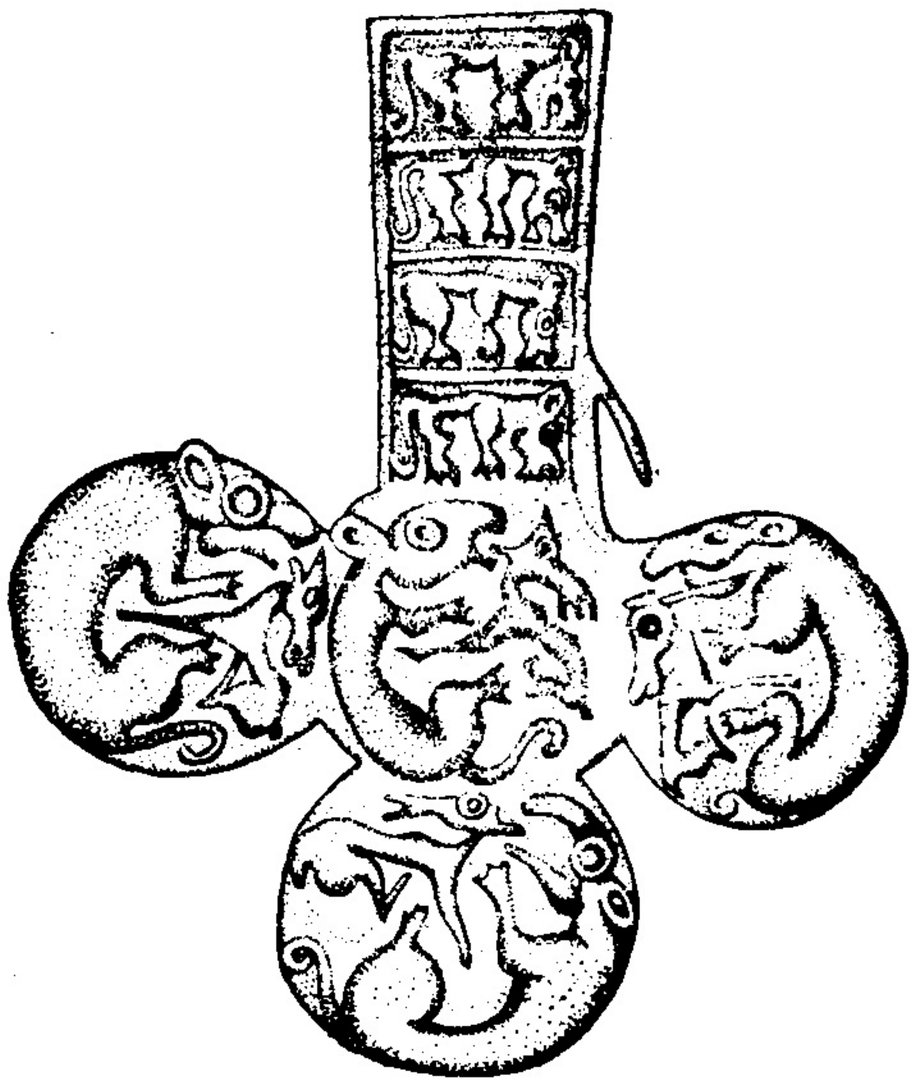
Наукова думка

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В.Ю.Мурзин

Скифская архаика СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1984

В монографии рассматриваются древнейшие скифские археологические памятники, расположенные в степной зоне Северного Причерноморья. В первой части работы дается свод скифских памятников VII—V вв. до н. э., во второй — подробный анализ погребального обряда и материальной культуры ранних скифов. Особое внимание уделяется вопросам происхождения этих компонентов древнейшей скифской культуры. Достаточно подробно исследуется проблема возникновения Северо-Причерноморской Скифии, намечаются основные этапы ее развития.

Для историков, археологов, преподавателей и студентов исторических факультетов, всех, кто интересуется древней историей нашей страны.

Ответственный редактор *Б. Н. Мозолевский*

Рецензенты *Г. Т. Ковпаненко,*
Л. И. Крушельницкая

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии и документалистике

М $\frac{0507000000\text{-}019}{\text{М221 (04)-84}}$ 55-84

© Издательство «Наукова думка», 1984

ВВЕДЕНИЕ

Одной из насущных проблем современной науки о скифах является проблема решения целого комплекса вопросов, связанных с древнейшим периодом существования Скифии,— ее ранняя история и этногеография, сложение и развитие комплекса материальной культуры, формирование погребального обряда и т. д. Тем не менее единственной работой, специально исследующей историю архаической Скифии, до настоящего времени остается монография И. В. Яценко [236]. Однако с момента ее опубликования в скифской археологии произошли значительные изменения, подготовившие почву для возвращения к данной теме.

Актуальность этой задачи определяется значительными изменениями в представлениях о позднейшем предскифском периоде; увеличением числа известных раннескифских памятников в степной части Северного Причерноморья; расширением представлений о пределах распространения памятников раннескифской культуры к востоку от Дона и, что особенно важно, исследованием ряда раннескифских погребальных памятников в степных районах Северного Кавказа. Названные выше обстоятельства приобретают особое значение при решении двух важнейших и взаимосвязанных вопросов архаической скифской истории — вопроса о путях формирования скифской культуры и проблемы сложения северопричерноморской Скифии.

Как известно, основоположником скифологии как особой отрасли историко-археологической науки по праву считается М. И. Ростовцев. Рассматривая в своих работах практически все вопросы, связанные с историей и археологией Скифии, М. И. Ростовцев не уделял особого внимания происхождению скифов и их культуры, по-видимому, считая эту проблему достаточно ясной. По его представлению, к VI в. до н. э. обширные степи Прикубанья и Северного

Причерноморья оказались заселенными пришлыми скифами-иранцами, что и определило культурную и этническую однородность этих областей [169, с. 34—35]. Однако М. И. Ростовцев допускал наличие в Скифии остатков местного доскифского, полностью ассимилированного пришлыми номадами, населения. Особенно четко эта мысль выражена им при рассмотрении двух групп памятников — кубанской и среднеднепровской: «Обе эти группы в их доскифском развитии полностью отличались..., и, если в интересующую нас эпоху они все-таки составляют одну группу, то только потому, что на местный уклад и здесь и там наслоился восточный, иранский, скифский уклад жизни кочевников-завоевателей» [171, с. 468].

Многое для выяснения археологического облика доскифского населения было сделано В. А. Городцовым, попытавшимся внести ясность в представления о позднейшем предскифском периоде степного Северного Причерноморья и идентифицировать предшественников скифов — киммерийцев, известных до этого лишь по письменным источникам, с носителями конкретной археологической культуры [35]. С этой целью он предложил сопоставить основные типы вещей киммерийского времени, распространенных на соседних с Северным Причерноморьем территориях (Западная Европа, Кавказ, Средняя и Восточная Россия), с южнорусскими, северопричерноморскими типами. В результате такого сопоставления были выделены некоторые образцы предметов вооружения и орудий труда, синхронизированные В. А. Городцовым с временем обитания в северопричерноморских степях исторических киммерийцев и связанные с последними. Большинство этих предметов относилось к срубной культуре.

Характеристика позднейшего предскифского и начального скифского периодов М. И. Ростовцева и В. А. Городцова оказывала влияние на развитие скифоведения весьма продолжительное время. Показательна в этом отношении работа Б. Н. Гракова «Скіфи» [36], основные положения которой вполне соответствуют представлениям М. И. Ростовцева и В. А. Городцова.

Заметные изменения произошли позднее, в начале 50-х годов, что было связано с развертыванием широких и массовых исследований памятников доскифского и скифского периодов на территории Северного Причерноморья. В данных условиях стало возможным выполнение основной задачи — углубленного изучения локальных вариантов скифской культуры и их генетических истоков, задачи, сформулированной на Московском археологическом совещании 1945 г. [66, с. 161].

В рамках исследования этого вопроса большое значение имело изучение срубной культуры, предпринятое О. А. Кривцовой-Граковой. Ей удалось убедительно доказать, что территорией формирования этой культуры являлось Поволжье, а появление срубных племен, связываемых ею с историческими киммерийцами, в Северном Причерноморьи было результатом продвижения носителей срубной культуры на запад во второй четверти II тыс. до н. э. [85, с. 153 и сл.].

Иначе трактовал новые данные М. И. Артамонов. Основываясь на выводах О. А. Кривцовой-Граковой, он высказал мысль о том, что известный рассказ Геродота о вытеснении киммерийцев скифами является пересказом древней традиции, возникшей в момент появления срубной культуры и исчезновения катакомбной. В связи с этим носители катакомбной культуры были идентифицированы М. И. Артамоновым с киммерийцами, а срубной — со скифами [8].

Близкой точки зрения придерживается и Б. Н. Граков, что заметно по выводам, сформулированным им в работе, написанной совместно с А. И. Мелюковой: «В собственно скифскую эпоху, т. е. с VII по III в. до н. э., на всем протяжении степей от окрестностей Одессы до дельты Дона наблюдается поразительное единство культуры в археологическом смысле. На всем этом протяжении, включая и Крым, корни материальной культуры скифского времени уходят в эпоху поздней бронзы. В конце II тыс. до н. э. в Северное Причерноморье надвинулись с Нижнего Поволжья и Дона носители поздней ступени срубной культуры и заняли все Приазовье, северо-западные причерноморские и крымские степи. Этим движением было охвачено значительное пространство. О. А. Кривцова-Гракова назвала условно эту культуру киммерийской. Однако наличие скифов уже в IX—VIII вв. до н. э. на территории украинских степей невольно заставило видеть в носителях этой культуры скифов, тем более что территория исторических киммерийцев более связана с Керченским полуостровом, но не со всеми степями Приазовья и Причерноморья. Б. Н. Граков предполагает, что было два периода передвижения — более ранний и более поздний, и что жившие в соседстве киммерийцы и скифы уже с раннего времени были сходны по культуре, так что передвижение вторых было трудно заметить. Б. Н. Граков вообще склонен видеть в движении срубной культуры с востока отмеченное Геродотом передвижение, но это движение не было стремительным, как ему кажется, а постепенным» [38, с. 66].

Точка зрения о связи скифской культуры со срубной окончательно оформилась после выхода в свет новой работы О. А. Кривцовой-Граковой [86]. В монографическом исследовании, посвященном срубной культуре, она пришла к выводу, что появление последней в степной части Северного Причерноморья относится к началу второго периода этой культуры, т. е. к концу II тыс. до н. э., и существует вплоть до VII в. до н. э., проходя на протяжении этого периода два этапа развития — белозерский и сабатиновский.

Изучая керамические комплексы белозерского и сабатиновского этапов, О. А. Кривцова-Гракова заключила, что сабатиновская керамика, являясь результатом развития белозерской, в то же время теснейшим образом связана с керамикой выделенных ею поселений времени переходного от доскифского к скифскому, например, поселения Обиточная XII. В свою очередь, керамика поселений переходного периода послужила основой для формирования раннескифского керамического комплекса, известного по раскопкам таких памятников, как поселения Викторовка I у Широкой Балки, сел Станислав и Александровка [86, с. 151, сл.]. На основании этого она пришла к выводу, что срубная культура является позднейшей предскифской культурой северопричерноморской степи и генетически взаимосвязана со скифской [86, с. 161], т. е. приняла по этому вопросу взгляды Б. Н. Гракова, рассмотренные выше.

Таким образом, теория происхождения скифской культуры на основе срубной, известная в литературе как «автохтонная», получила, казалось бы, надежное археологическое обоснование. Правда, следует отметить, что в позициях создателей этой концепции — Б. Н. Гракова и М. И. Артамонова — наблюдались некоторые различия, но они носили сугубо частный характер и не затрагивали существа созданной ими теории. В этой связи несомненный интерес представляет мнение И. В. Яценко, которая отмечала, что и Б. Н. Граков и М. И. Артамонов связывают появление скифов в Северном Причерноморье с движением на запад племен срубной культуры, а расходятся

они «лишь во мнениях, к какому периоду относится это вторжение. М. И. Артамонов относит появление всех скифских племен к началу проникновения срубной культуры. Б. Н. Граков считает срубную культуру основной, послужившей для формирования степной скифской культуры, а носителей ее — для формирования скифских племен. Появление же скифов царских он связывает с последней волной продвижения срубной культуры из Поволжья» [236, с. 14].

Развитие взглядов Б. Н. Гракова и М. И. Артамонова связано с их последними работами [41; 10; 11; 12; 13]. По М. И. Артамонову, история появления скифов в Северном Причерноморье представляется следующей. В середине II тыс. до н. э. продвинувшиеся на запад племена скифов-«срубников» вытеснили из Северного Причерноморья киммерийцев-«катакомбников», причем последние разделились под давлением скифов на две части: одна из них ушла за Дунай, а вторая осела в Предкавказье. На протяжении длительного периода, вплоть до VII в. до н. э., киммерийцы и скифы обитали в Северном Причерноморье, занимая соседние области. Причем киммерийцы восприняли скифскую культуру, представленную памятниками срубного типа. Этим предположением М. И. Артамонов пытается объяснить тот факт, что памятники катакомбной культуры этого времени неизвестны. Вслед за киммерийцами на территории к югу от Главного Кавказского хребта появляются и скифы. Во время пребывания в Передней Азии скифы и киммерийцы воспринимают ту культуру, которая известна нам в причерноморских степях с VII в. до н. э. Она была привнесена в Северное Причерноморье возвратившимися из переднеазиатских походов скифами и киммерийцами. Затем скифы заняли более западные области Северного Причерноморья, а киммерийцы — более восточные — Прикубанье. Именно киммерийским царям, по М. И. Артамонову, принадлежат большие кубанские курганы VI в. до н. э.

Отождествление М. И. Артамоновым носителей катакомбной культуры с киммерийцами постепенно находит поддержку и у Б. Н. Гракова. В работе «Скифы», в той ее части, где рассматривается приход в Северное Причерноморье племен срубной культуры, он пишет: «На своем пути они встретили «катакомбную» культуру... Если киммерийцы сложились уже во II тыс. до н. э., то их первоначальная культура — катакомбная. У племен катакомбной культуры в конце их существования немало подражаний срубной в керамике и некоторых украшениях. Однако племена срубной культуры (явные предки скифов)... затем начисто вытеснили катакомбную» [41, с. 25]. Но вытеснение катакомбной культуры срубной не привело к вытеснению из Северного Причерноморья населения катакомбной культуры, воспринявшего культуру срубных племен. Таким образом, Б. Н. Граков приходит к выводу, что срубная материальная культура в это время была характерна как для собственно срубного населения — предков скифов, так и для киммерийцев — потомков «катакомбников». Окончательную победу скифов и полное завоевание ими Северного Причерноморья Б. Н. Граков связывает с приходом в VII в. до н. э. с востока новой волны скифских племен [41, с. 23—26].

Подводя итог взглядам Б. Н. Гракова и М. И. Артамонова, можно констатировать: непосредственной предшественницей скифской культуры в Северном Причерноморье была, в их представлении, срубная; с носителями последней в целом генетически связано происхождение скифского этноса; формирование собственно скифской культуры обусловлено, по М. И. Артамонову, влиянием переднеазиатской цивилизации, или, согласно Б. Н. Гракову, самостоятельным, местным развитием срубной культуры.

Одновременно с развитием «автохтонной» концепции происходил дальнейший поиск генетических корней скифской культуры в рамках «традиционных» взглядов, связывающих появление элементов скифской культуры на юге Европейской части СССР с перемещением сюда в начале VII в. до н. э. собственно скифских племен.

Важнейшим в этом отношении событием были исследования двухслойного поселения срубной культуры у с. Ушкалка, в результате чего выяснилось, что сабатиновский этап срубной культуры более ранний, чем белозерский [186]. Стало очевидным, что культуры сабатиновского этапа и скифская, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, генетически связанные, разделены временем белозерского этапа.

Вероятность связи срубной и скифской культур уменьшалась по мере того, как постепенно выяснялось, что не только сабатиновский этап, но и сама срубная культура отделена от скифского времени значительным хронологическим отрезком — IX—VIII вв. до н. э., на протяжении которого существовала археологическая культура, именуемая ныне культурой типа Черногоровки — Новочеркасского клада бронз. История выделения этой культуры такова. В 1952 г. была опубликована статья А. И. Тереножкина [188], в которой автор объединил такие курганы, как Черногоровский, Камышевахский, Малая Цимбалка, курган у хут. Обрывского в единую культурно-хронологическую группу. На основании анализа их инвентаря, в частности принадлежностей конской узды, и сравнения его с вещами из Каменномостского могильника на Северном Кавказе, чернолесской культуры Днепровского лесостепного Правобережья и так называемой фрако-киммерийской культуры Задунавья он убедительно показал принадлежность этих памятников к позднейшему предскифскому периоду.

Через год после публикации статьи А. И. Тереножкина вышла работа А. А. Иессена [54], посвященная решению той же задачи,— определению круга позднейших предскифских памятников. В отличие от А. И. Тереножкина, выделившего памятники типа Черногоровки, А. А. Иессен обратил внимание на памятники иного облика, среди которых наибольшую известность приобрел клад бронз, обнаруженный в 1939 г. в г. Новочеркасске. Памятники новочеркасского типа А. А. Иессен отнес к VIII—VII вв. до н. э., т. е. примерно к тому же времени, когда существовали и памятники типа Черногоровки. Рассматривая этническую принадлежность новочеркасских памятников, А. А. Иессен высказал мнение, согласно которому они могли быть оставлены как историческими киммерийцами, так и древнейшими скифами. Неясным оставалось и хронологическое соотношение двух названных выше групп позднейших предскифских памятников.

Разработка этих проблем во многом связана с именем А. И. Тереножкина. Используя материалы, полученные Н. В. Анфимовым при раскопках Николаевского и Кубанского могильников протомеотской культуры, А. И. Тереножкин впервые доказал, что позднейшая предскифская культура представлена двумя последовательными хронологическими этапами — черногоровским (памятники типа Черногоровки, Малой Цимбалки и Камышевахи) и новочеркасским (памятники типа Зольного кургана, Высокой Могилы, Новочеркасского клада бронз). Время существования этих двух этапов было отнесено к 900—650 гг. до н. э. [195, с. 4].

По мнению А. И. Тереножкина, культура типа Черногоровки — Новочеркасского клада продолжает линию разви-

тия предшествующей ей срубной, осложненную на черногоровском этапе сильным восточным влиянием (стремячковидные удила, стержневидные трехдырчатые псалии, карасукские мечи и кинжалы и др.). В то же время в основных своих компонентах — вооружении, предметах конской узды, геометрическом искусстве — весьма отличается от сменяющей ее в VII в. до н. э. скифской культуры. Основываясь на изложенном, А. И. Тереножкин заключил: 1). Культуру типа Черногоровки — Новочеркасского клада следует рассматривать как культуру исторических киммерийцев; 2). Культура типа Черногоровки — Новочеркасского клада не трансформируется в скифскую, а сменяется последней чисто механически. При этом формирование собственно скифской культуры происходит задолго до VII в. до н. э. на просторах Центральной Азии [198].

Существенную роль в укреплении позиций А. И. Тереножкина сыграли исследования памятника, отделенного от северопричерноморских степей огромным расстоянием,— кургана Аржан в Туве [42; 43; 44; 45]. Уникальность этого памятника состоит в том, что, относясь ко времени существования в Северном Причерноморье культуры типа Черногоровки — Новочеркасского клада, он содержал некоторые вполне развитые образцы скифской материальной культуры, а также изделия, выполненные в духе скифского звериного стиля. Эти находки вполне укладывались в предложенную А. И. Тереножкиным схему, согласно которой сложение собственно скифской культуры происходит в глубинных районах Азии в VIII в. до н. э., т. е. несколько раньше, чем в Северном Причерноморье. При этом необходимо отметить следующее. Являясь наиболее последовательным сторонником привнесенного по отношению к Северному Причерноморью характера скифской культуры, А. И. Тереножкин, вместе с тем, никогда не отрицал, во-первых, определенного включения предскифского (киммерийского) этнического компонента в состав скифского этноса и, во-вторых, допускал генетическую связь некоторых слагаемых скифской культуры с культурой типа Черногоровки — Новочеркасского клада, что проявлялось, по его мнению, в ряде деталей скифского погребального обряда, в комплексе скифской лепной керамики и т. д. [192, с. 23; 198, с. 209]. Эта особенность во взглядах А. И. Тереножкина, весьма важная для нашего дальнейшего исследования, неоднократно отмечалась в работах его коллег [237, с. 108], но едва ли повлияла на общую оценку его позиции.

Однако вернемся к дальнейшему изложению событий. Выявление новых археологических материалов, в особенности памятников типа Черногоровки — Новочеркасского клада и кургана Аржан, определенные успехи сторонников «традиционного» подхода — не могло не отразиться на развитии «автохтонной» теории, перед сторонниками которой встала задача увязать новые данные с основными моментами отстаиваемой ими концепции. В этой связи отметим работы А. М. Лескова, И. В. Яценко, Д. С. Раевского.

Взгляды первого из названных авторов наиболее близки к основам «классического автохтонизма», скорректированным с учетом памятников типа Черногоровки — Новочеркасского клада и их хронологии. Насколько можно судить по изданной недавно работе А. М. Лескова, киммерийцами, с его точки зрения, являются носители черногоровской культуры, возникшей в Северном Причерноморье на срубной основе, а древнейшую скифскую культуру А. М. Лесков видит в памятниках новочеркасского типа, генетически связанных со срубной культурой Поволжья и Предкавказья [99, с. 106]. По сути, в данном случае мы имеем дело с прямым продолжением линии Б. Н. Гракова и М. И. Артамонова, но с той лишь разницей, что создатели «автохтонной» теории непосредственно связывали срубную и собственно скифскую (VII в. до н. э.) культуры, а А. М. Лесков соединяет их с помощью дополнительного звена — памятников черногоровско-новочеркасского типа.

Своеобразной защитной реакцией на открытие кургана Аржан, вызвавшее оживление среди сторонников «традиционных» взглядов, стало возникновение еще одного из направлений «автохтонизма», известного ныне как «полицентризм». Его характерной особенностью является распространение идеи о независимом и самостоятельном развитии, имеющем местные корни не только на скифскую культуру, но и на другие, родственные ей культуры Евразии. Это направление, основателем которого является один из исследователей Аржана М. П. Грязнов [43; 44; 45, с. 59], в скифской археологии наиболее последовательно было поддержано И. В. Яценко и Д. С. Раевским. По их мнению при решении вопроса о генезисе скифской культуры именно с позиций «полицентризма» «в значительной мере теряет свою остроту вопрос, который широко обсуждается в последние годы, о хронологическом соотношении памятников раннескифского времени из восточных и западных областей степного пояса, в первую очередь о дате тувинского кургана Аржан. Если даже признать, что по времени он предшествует памятникам скифской культуры Причерноморья (что, однако, нельзя считать окончательно доказанным), не представляется возможным видеть в нем источник формирования этой культуры» [237, с. 112].

Таким образом, мы кратко рассмотрели историю изучения проблемы происхождения скифов и скифской культуры. Безусловно, на исследование вопроса в течение последних тридцати лет определяющее влияние оказало существование двух разных подходов к его решению — «автохтонного» и «традиционного», отсутствие единой отправной точки в поисках различных исследователей. При этом присущее им иногда стремление в любом случае доказать неуязвимость отстаиваемой позиции часто приводило к противоположной интерпретации одних и тех же пока еще не очень многочисленных фактов. Это придает ведущемуся и сейчас спору несколько формальный характер. Между тем в каждой из данных теорий — «автохтонной» и «традиционной», как и в любой научной концепции, несомненно присутствует рациональное зерно, имеются предпосылки для правильного решения поставленной задачи.

Ключом к пониманию этого положительного момента может, по нашему мнению, послужить наличие определенного единства в столь несхожих на первый взгляд позициях Б. Н. Гракова и А. И. Тереножкина. Единство проявляется в том, что первый из них допускал участие определенного пришлого компонента («скифов-царских») в окончательном формировании скифских племен, а второй никогда не отрицал присутствия в скифском этносе некоторой части местного доскифского населения. Подобных же взглядов придерживался и А. А. Иессен. Он писал: «В моем представлении киммерийцы возглавляли первое крупное объединение племен..., а затем они, очевидно около рубежа VIII и VII вв. до н. э., частично были вытеснены из Северного Причерноморья пришельцами с востока, после чего и сложилось у нас на юге скифское объединение. Вместе с тем несомненно, что не может быть и речи о полной смене всего населения в это время» [55, с. 130].

Иными словами, если абстрагироваться от некоторых частных деталей, скифский этнос в представлении названных исследователей является ре-

зультатом смешения как местного причерноморского населения, так и племен, пришедших с востока в VII в. до н. э. Нет особой необходимости доказывать, что подобная схема весьма напоминает выводы М. И. Ростовцева. В таком случае «автохтонная» и «традиционная» теории не только имеют общие истоки в исторических построениях 20-х годов, но и реально отражают различные стороны одного и того же этногенетического процесса, протекавшего в VII в. до н. э. на степных пространствах Европейской части СССР.

Из сказанного следует, что и существующие сейчас противоречия в вопросе о генезисе скифской культуры весьма относительны. Как известно, наиболее распространены три варианта решения этой проблемы. Так, по Б. Н. Гракову, скифская культура формируется на местной северопричерноморской основе; по М. И. Артамонову, возникает под влиянием переднеазиатской цивилизации; согласно А. И. Тереножкину, складывается в целом в глубинных районах Азии. Все три точки зрения, по нашему убеждению, объективно соответствуют характеру процесса формирования скифского этноса на основе местного и пришлого населения в условиях переднеазиатских походов, сыгравших роль своеобразного «котла», в котором «сплавились» воедино разные по происхождению этнические компоненты.

Действительно, в скифской архаической культуре достаточно четко различаются три группы элементов: переднеазиатская, местная и восточная (центральноазиатская). Окончательное выделение этих групп — одна из насущных и интереснейших задач будущего. Однако определенные шаги в этом направлении возможны уже и сейчас. Посильное решение этой задачи является одним из основных направлений настоящей работы, главные цели которой заключаются в рассмотрении и публикации всех известных к настоящему времени на территории степного Северного Причерноморья скифских погребальных памятников VII—V вв. до н. э.; анализе характерных черт погребального обряда и материальной культуры северопричерноморских скифов эпохи архаики; выяснении древнейших этапов в формировании Скифии Северного Причерноморья.

Глава I

РАННЕСКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Прежде чем перейти к описанию архаических скифских памятников Северного Причерноморья, необходимо остановиться на вопросе о датировке степных погребений с раннежаботинской керамикой, которые до последнего времени расценивались исследователями как скифские и включались в сводку раннескифских памятников северопричерноморской степи [см., например: 236, с. 38]. Численность этих погребений сейчас довольно велика [62, с. 168]. Они обнаружены у с. Кут на Днепропетровщине [16, с. 58], у с. Вильно-Грушевка Запорожской области [187, с. 54—56, рис. 6], у с. Софиевка на Херсонщине [128, с. 77—78], у сел Маяки и Пивденное в Одесской области [220], у с. Парканы в Тираспольской [118, с. 117]. Результаты раскопок позволили выяснить, что данные погребения не похожи на остальные погребальные памятники скифов и составляют особую группу, для которой характерны погребения во впускных прямоугольных ямах или катакомбах с подбоями, вытянутое положение скелетов, ориентированных зачастую на запад, наличие при погребенных кубка или корчаги раннежаботинского типа с резным геометрическим орнаментом. Основным датирующим материалом в этих погребениях является керамика. По мнению В. А. Ильинской, раннежаботинский этап местной земледельческой культуры Днепровского лесостепного Правобережья относится к более раннему времени, чем считалось прежде, и одновременен завершающей стадии новочеркасской ступени позднейшей предскифской культуры [62, с. 71—72]. На этом основании к новочеркасскому времени следует отнести и раннежаботинскую керамику из вышеупомянутых степных погребений. Поэтому данные погребения мы считаем доскифскими и при разборе собственно скифских памятников учитывать их не будем, как и погребения эпохи скиф-

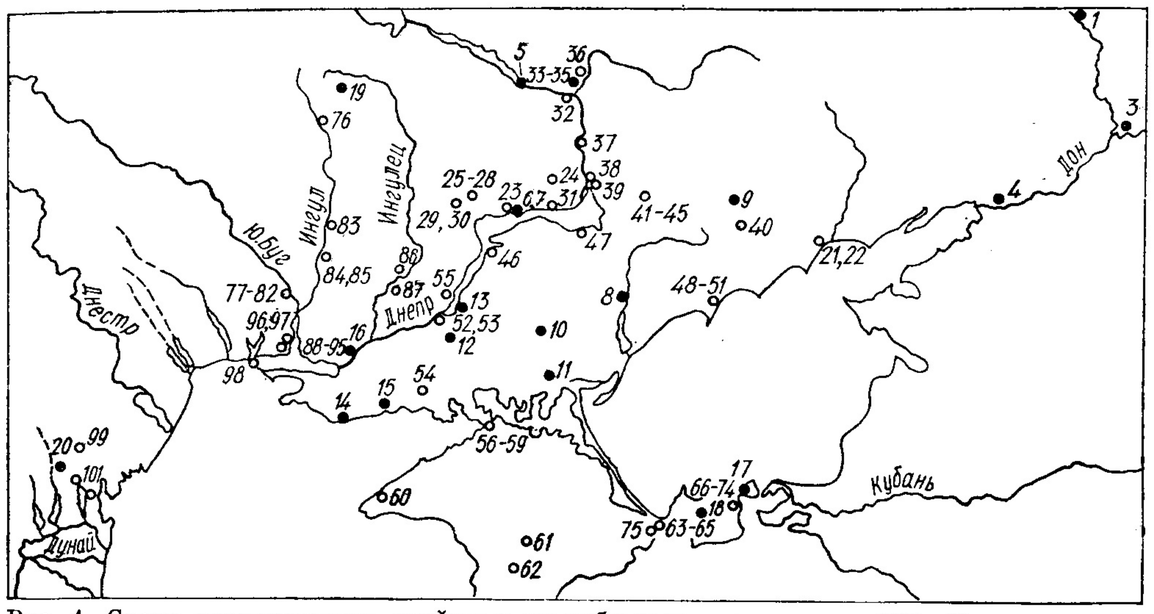

Рис. 1. Схема расположения скифских погребальных памятников VII—V вв. до н. э. на территории Северного Причерноморья.

Условные обозначения: ● — памятники VII — VI вв. до н. э.; ○ — памятники конца VI — V в. до н. э.

ской архаики, обнаруженные в предгорном Крыму, поскольку этническая принадлежность этих памятников дискуссионна [87].

В настоящей сводке рассматриваются погребальные памятники VII—V вв. до н. э., скифская принадлежность которых не вызывает сомнений. Описание памятников дается в территориальной и хронологической последовательности.

Памятники VII—VI вв. до н. э.

Ростовская область. 1*. Криворожский курган на р. Калитва открыт в 1898 г. при добыче камня [178, табл. V, *16*; VI, *1*; 72, с. 99—100; 107].

При обследовании места раскопок выяснилось, что погребение было совершено под невысокой (0,35 м) каменной насыпью в деревянной гробнице. Насколько можно судить по находке остатков погребения непосредственно под насыпью, гробница находилась на уровне горизонта. Из погребального инвентаря кургана известны массивное золотое изделие в виде невысокого цилиндра с отогнутыми наружу верхними и нижними краями, два небольших кувшинчика, верхняя часть самосского кувшина, украшенная головой барана, и серебряная головка быка. По мнению А. П. Манцевич, последний предмет ассирийского происхождения и является украшением деревянного табурета, подобные которому известны по изображениям VIII—VII вв. до н. э. в Ниневии. В свою очередь, самосский кувшин относится к рубежу VII—VI в. до н. э. Этим же временем можно датировать и сам курган.

2. О существовании на территории Ростовской области еще одного древнейшего, одновременного Криворожскому кургану, скифского памятника косвенно свидетельствует происходящий из северной части области (бывший Хоперский округ) фрагмент ионийской вазы, украшенной вверху головкой быка. Датируется рубежом VII—VI в. до н. э. [72, с. 94—97, 105—106].

3. К числу древнейших скифских памятников относится погребение, открытое В. Я. Кияшко [70] на окраине г. Константиновска (рис. 2). Погребение было совершено под невысокой каменной насыпью, окруженной рвом, в квадратной (3,2×3 м) яме глубиной 2,2 м, по углам которой сохранились остатки деревянных столбов. Яма была перекрыта деревянным полусожженным накатом и заполнена камнями. На дне находился скелет мужчины со слегка подогнутыми ногами на спине, головой на запад. Инвентарь состоял из двух лепных сосудов — кувшина с двумя ручками, орнаментированного рядом косых каннелюров, и грубого горшка, бронзового наконечника ножен и костяной пластины треугольной формы. На лицевой стороне пластины, заполняя все свободное пространство, изображено 12 оленей, выполненных в архаическом стиле. На фигуре верхнего оленя помещены солярные знаки в виде ромбов с вогнутыми сторонами. В кольцевом ровике было обнаружено разбитое каменное блюдо.

Инвентарь погребения находит довольно близкие аналогии среди инвентаря ранних курганов Днепровского лесостепного Правобережья. Так, в кургане № 2 у с. Жаботин были найдены костяные пластинки с изображениями лосей, заполнявшими все свободное поле, что напоминает характер украшений на константиновской пластине [62, табл. VI, *7—9*]. Наконечники ножен, аналогичные константиновскому, найдены в курганах II у с. Рыжановки и № 406 у с. Журовки [62, табл. VIII, *6*; XXII, *9*]. Учитывая датировку правобережных курганов, погребение, открытое В. Я. Кияшко, следует отнести к периоду не позднее начала VI в. до н. э.

4. На этой же территории — на окраине г. Ростова-на-Дону, открыто погребение VI в. до н. э., впущенное в насыпь кургана эпохи бронзы [23, с. 54—57]. Могильная яма прямоугольной формы (2,4×0,8 м) ориентирована по линии запад — восток. Глубина ямы 1,2 м. На дне лежал скелет взрослой женщины, вытянутый на спине, головой на запад. Слева от черепа находились бронзовое круглое зеркало с вертикальным бортиком по краю и петельчатой ручкой на обороте и свинцовое пряслице, справа — овальное блюдо, изготовленное из песчаника. У правого плеча прослежены остатки деревянной коробочки. Кроме того, в погребении найдены лепной горшок со сливом и кости жертвенного животного.

Днепропетровская область. 5. Курган № 3 у с. Подгороднее* [74, с. 113—114]. Погребение впущено в насыпь кургана эпохи бронзы. Заполнение могильной ямы (2,1×1,4 м) состояло из ошлакованной земли и обожженных деревянных плах. По мнению исследователей, это остатки деревянного сожженного склепа. Однако, судя по приведенным в публикации чертежам [74, рис. 2, *1*] и исходя из небольших размеров ямы, погребальное сооружение можно реконструировать как яму с заплечиками, нижняя часть и дно которой были обложены деревом. Большое количество дерева, по-видимому, было уложено и на перекрытие из поперечных плах. Все это было потом сожжено. В яме обнаружен скелет погребенного в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. В северо-западном углу ямы помещались остатки жертвенной пищи — кости быка. Слева от погребенного находился колчан,

---

* Номер в списке памятников соответствует номеру на карте (рис. 1), эти же номера указаны в сводных таблицах (приложениях) по погребальному обряду и инвентарю.

* В отчете [256] этот курган ошибочно привязан к с. Покровское. Это название вошло в некоторые наши предыдущие работы.

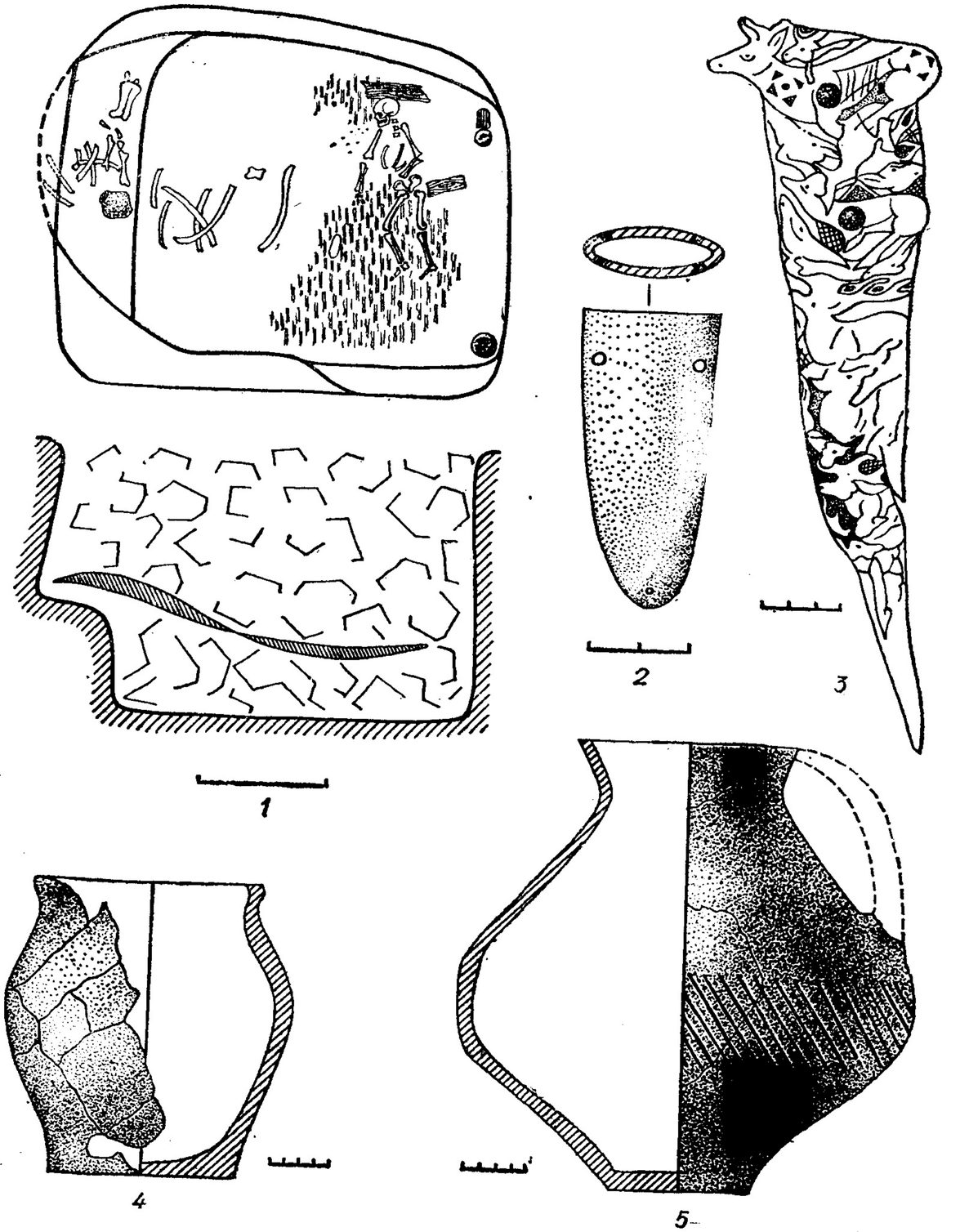

Рис. 2. План, разрез и инвентарь погребения у г. Константиновска.

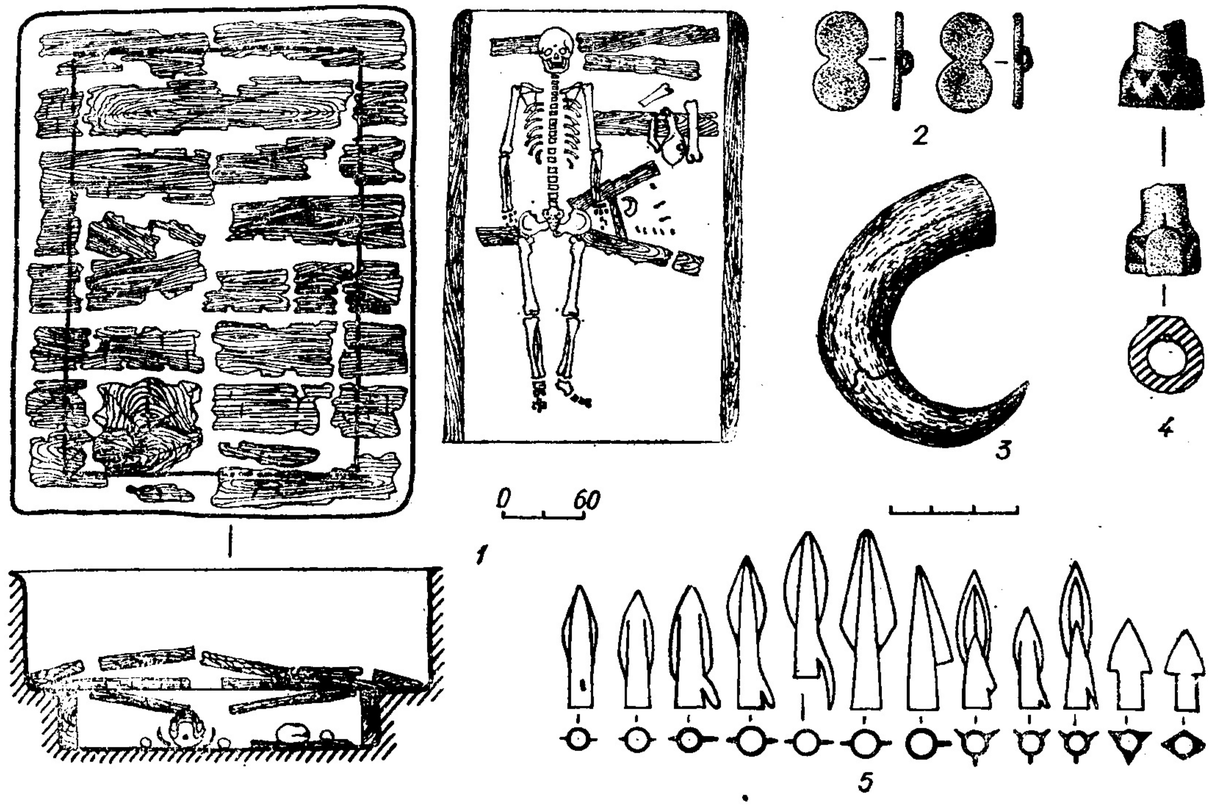

Рис. 3. План, разрез и инвентарь кургана № 3 у с. Подгородное.

обшитый бронзовыми восьмеркообразными бляшками. При колчане найдены также клык кабана и обломок костяного псалия. В самом колчане находились 33 бронзовых (в основном двухлопастных листовидных) и один костяной наконечники стрел (рис. 3). Исходя из типов наконечников, данное погребение можно отнести к концу VII — первой половине VI в. до н. э.

6. Курган у г. Никополя [211, с. 10—11, рис. 415—417]. Погребение совершено в деревянной гробнице. От инвентаря сохранились четыре бронзовые пластины — нащечные и налобные украшения копя (рис. 4). Пластины по форме и орнаментации близки подобным изделиям из Прикубанья [108], скорее всего из Келермесса [157, с. 43]. Учитывая это обстоятельство, мы и датировали данный памятник VII—VI вв. до н. э. [133, с. 164].

7. Значительный интерес представляет погребение, исследованное экспедицией Б. Н. Гракова на территории Никопольского курганного поля [40, с. 80]. Оно было впущено в курган эпохи бронзы. Погребальное сооружение представляло собой яму с подбоем. Скелет лежал ничком, головой на северо-запад. При погребенном находились скелет барана без головы и костяные «столбики», которые позволяют датировать захоронение VI в. до н. э.

Запорожская область. 8. Курган у с. Константиновка [100, с. 141; 236, с. 45]. В насыпи кургана эпохи бронзы, без признаков могильной ямы, обнаружен скелет, лежавший на спине головой на запад — север —

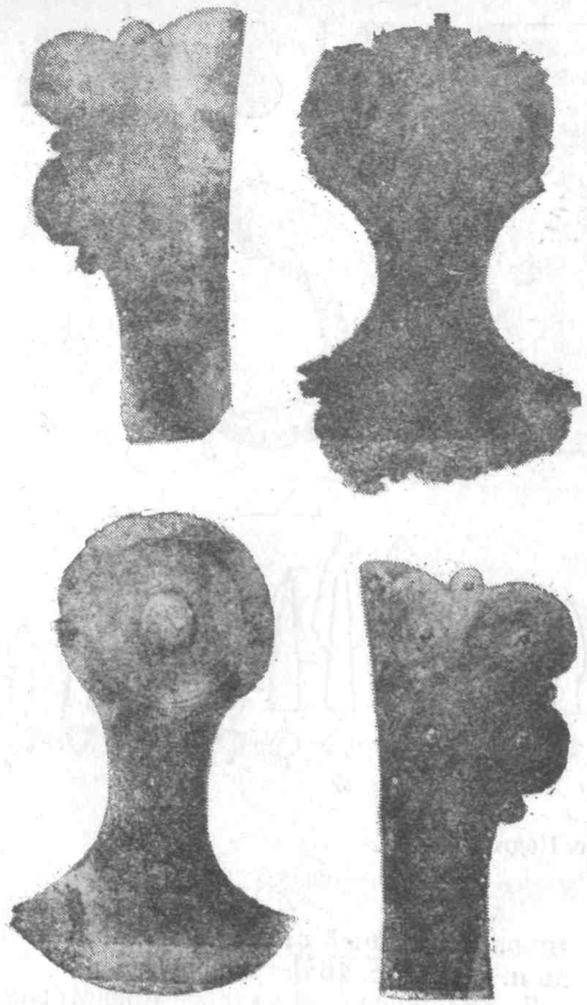

Рис. 4. Бронзовые пластины из кургана у г. Никополя.

запад. Правая рука, согнутая в локте, находилась в области живота, кисть левой — у подбородка. При нем найдена бронзовая бляшка с петлей на обороте. На костях барана, находившегося у таза погребенного, лежали бронзовые стремячковидные удила и костяные роговидные псалии. В насыпи кургана, кроме того, найдены две бронзовые бляшки с изображениями свернувшейся в кольцо «пантеры», несомненно относящиеся к описанному выше раннескифскому погребению (рис. 5, *7—9*).

9. Разрушенное архаическое погребение у хут. Грушевки. В нем обнаружен костяной псалий, украшенный головкой грифона (рис. 5, *10*) [57, рис. 7, *5*]. Датируется VI в. до н. э.

Херсонская область. 10. В кургане № 3 у Нижних Серогоз Ф. К. Брауном было исследовано впускное раннескифское (VI в. до н. э.) погребение [22, с. 84—85; 236, с. 43—44]. Яма размерами 2,2×1,5 м проходила через курганную насыпь и на 0,35 м углублялась в материк. Вдоль южной ее стенки был сооружен подбой, заложенный деревом. В подбое на левом боку, головой на запад лежал мужской скелет, голова которого из-за небольших размеров подбоя была прижата к груди. Правая рука находилась на тазу, левая откинута в сторону. У левой руки, на остатках кожи, лежали костяная резная головка хищной птицы, полая внутри, а также бронзовый и костяной наконечники стрел и четыре костяных пуговицы (рис. 5, *1—4*). У восточной стенки подбоя, также на коже, обнаружены остатки напутственной пищи — половина грудной клетки коня или быка.

11. Еще одна скифская катакомба VI в. до н. э. была исследована у с. Новотроицкое. По сообщению начальника Каховской экспедиции АН УССР А. И. Кубышева, входная яма глубиной 1,7 м была ориентирована по линии запад — восток и имела размеры 3,2××1,1 м. Дно подбоя, расположенного под южной стенкой, было на 0,4 м глубже. Из инвентаря сохранился трехлопастный листовидный наконечник стрелы, которым и датируется памятник.

12. Ранее погребение (VI в. до н. э.) содержалось в кургане у с. Семеновки [247, S. 58, abb. 74]. Под небольшой насыпью прослежена четырехугольная яма с остатками деревянного перекрытия. Могила ограблена. Сохранились десять бронзовых наконечников стрел и выре-

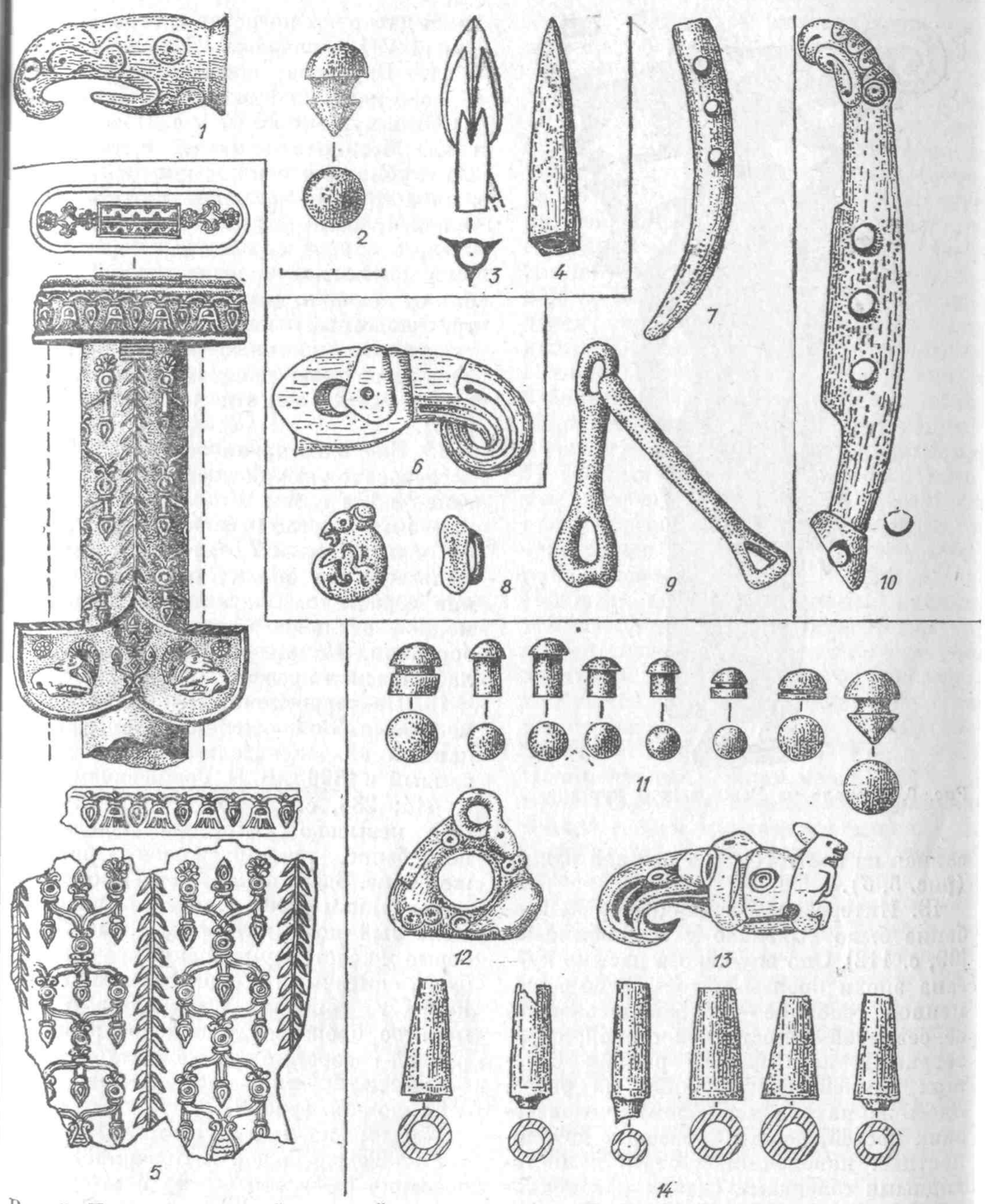

Рис. 5. Инвентарь древнейших скифских памятников Северного Причерноморья:
1—4 — курган № 3 у с. Новые Серогозы; *5* — Мельгуновский курган; *6* — курган у с. Семеновка, *7—9* — погребение у с. Константиновка; *10* — хут. Грушевка; *11—14* — курган на Темир-Горе.

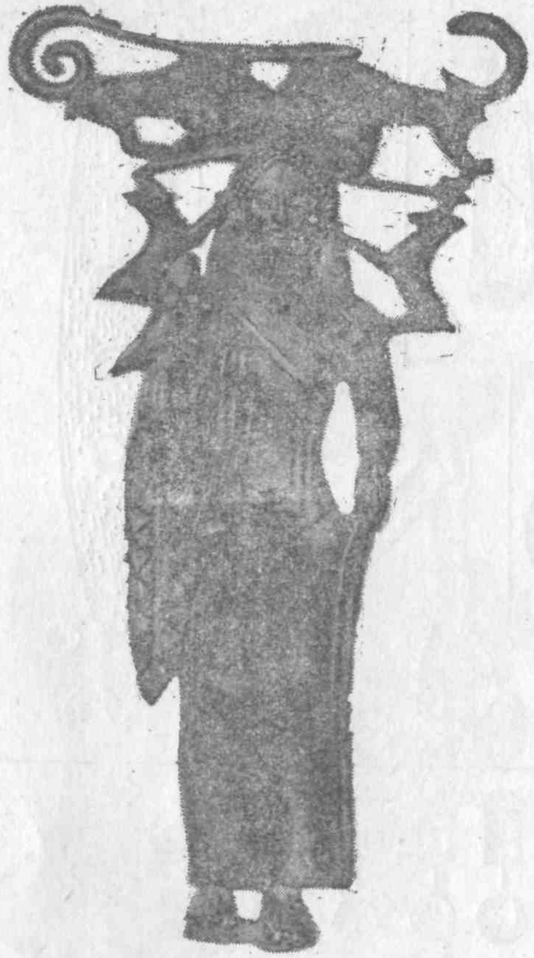

Рис. 6. Зеркало из Рожновского кургана.

занная из кости головка хищной птицы (рис. 5, *6*).

13. Интересное архаическое погребение было выявлено у с. Любимовки [99, с. 112]. Оно впущено в насыпь кургана эпохи бронзы и совершено в каменной гробнице — сохранилась часть ее северной и восточной стенок, образованных несколькими рядами больших камней, поставленных на ребро. Здесь же находились обломки человеческих костей, десять бронзовых двухлопастных наконечников стрел с листовидными головками (длина наконечников 3,7—4,3 см) и каменный точильный брусок прямоугольной формы. Наконечники датируют погребение второй половиной VII — началом VI в. до н. э.

14. Впускное погребение открыто Краснознаменской экспедицией ИА АН УССР в кургане № 17 у с. Новоалексеевка. Могильная яма не прослежена. На глубине 0,6 м в насыпи кургана лежал вытянуто на спине погребенный, ориентированный головой на запад. На скелете находился конский череп. При умершем обнаружены костяной столбик от колчана, два бронзовых (двух- и трехлопастный) наконечника стрел, а также две костяные накладки лука. Учитывая типы наконечников, захоронение можно отнести к VI в. до н. э. [257].

15. Еще одно архаическое погребение исследовано этой же экспедицией в кургане № 37 группы Широкое II. Могильная яма круглой формы, диаметром 3,8 м и глубиной 2,5 м, впущена в насыпь кургана эпохи бронзы. Погребение ограблено. Сохранилось лишь каменное овальное блюдо с невысоким бортиком. На дне блюда прослеживалась красная краска [218, с. 57].

16. На территории Херсонщины располагался Рожновский курган, раскопанный кладоискателями и доисследованный в 1896 г. В. И. Гошкевичем [171, с. 414; 236, с. 51—52; 97, с. 12—13]. Под невысокой насыпью находилось погребение, принадлежавшее богатой женщине. Здесь обнаружены бронзовые наконечники стрел, глиняное пряслице, железный нож, многочисленные бронзовые и золотые украшения, различные бусы, античный сероглиняный сосуд конца VI — начала V в. до н. э. и знаменитое бронзовое ионийское зеркало, ручкой которого служила статуэтка Кибелы, датируемая второй половиной VI в. до н. э. (рис. 6).

Крымская область. 17. Курган на Темир-Горе у г. Керчь [232]. Погребение было совершено в вырубленной в скале округлой яме размерами 4×3×1,4 м, перекрытой завалом камней. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Инвентарь представлен родосско-милетским сосудом середины — третьей четверти VII в. до н. э. [175, с. 95—97; 82], который и датирует погребение, бронзовой круглой палочкой — застежкой колчана, плакированной золотом, костяными пуговками и трубочками с шипами, костяной бляхой треугольной формы с круглым отверстием посередине и с изображением «пантеры» на лицевой стороне (рис. 5, *11—14*; 7). Кроме того, в погребении обнаружена уникальная костяная резная головка грифо-барана, дополнительно орнаментированная изображением лошадей и лосей [234].

18. К числу наиболее древних скифских памятников следует отнести и погребение, открытое при исследованиях Кировского поселения эпохи бронзы на Керченском п-ове. Могильная яма была впущена в культурный слой поселения. Форма и размеры ямы не прослежены. На дне лежал скелет погребенного вытянуто на спине, ориентированный головой на запад. Слева, возле таза, находился неорнаментированный горшок и костяной столбик с грибовидной головкой. Инвентарь позволяет датировать погребение VII —VI вв. до н. э. [95, с. 15, 47, рис. 18].

Рис. 7. Сосуд из кургана Темир-Гора.

Кировоградская область. 19. Литой (Мельгуновский) курган рубежа VII—VI в. до н. э. расположен неподалеку от современного Кировограда. В насыпи кургана была выявлена антропоморфная стела, а на уровне погребенной поверхности — остатки деревянной сожженной гробницы [166]. Западнее центра, на глубине 2 м, находился сложенный из каменных плит ящик. В нем обнаружены железный акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием с обложенной золотом рукоятью, помещенный в золотые ножны, золотая диадема, 17 золотых бляшек в виде орла, которые первоначально украшали золотой пояс, бронзовые наконечники стрел и серебряные части ассирийского табурета — ножки, цилиндр, гвозди и др. Наиболее твердо датируемым предметом в комплексе из Литого кургана является железный акинак, золотые обкладка и ножны которого украшены изображениями, выполненными в переднеазиатском стиле (по Б. Б. Пиотровскому, в урартийском) [158, с. 252]. Орнаментация данного меча (рис. 5, *5*) почти полностью совпадает с орнаментацией ножен и рукоятки акинака из Келермесса. Е. В. Черненко, проведя детальный анализ ножен этих двух древнейших скифских парадных мечей, пришел к выводу, что они были изготовлены в одной и той же мастерской по одному и тому же образцу [217, с. 12]. Хронологическая близость Келермесских и Литого курганов подтверждается наличием других сходных черт в инвентаре этих памятников. Так, М. И. Максимова, анализируя изображения на знаменитом серебряном зеркале из Келермесса, отмечает, что изображение орла на последнем очень близко по стилистическим особенностям изображениям орлов на серебряных

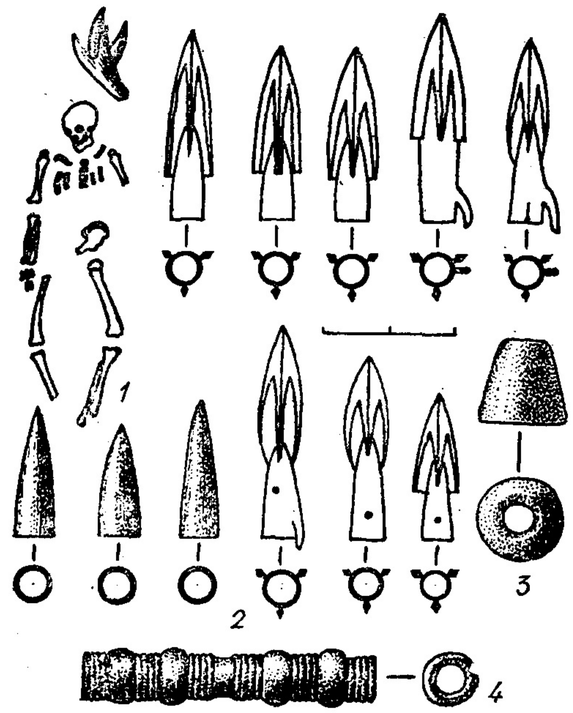

Рис. 8. План и инвентарь погребения у с. Огородное:
1 — план; *2* — наконечники стрел; *3* — ворварка; *4* — застежка колчана.

бляшках из Литого кургана [103, с. 295].

Одесская область. 20. Курган № 9 у с. Огородного [184, с. 151—152]. Могильная яма, формы и размеры которой не прослежены, была впущена в насыпь кургана эпохи бронзы на глубину 0,8 м. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад — север — запад. На костях прослеживалась красная краска. У левого плеча погребенного находились кости мелкого животного, а рядом с черепом — ветвь оленьего рога, на концах отростков которого заметны следы сработанности. Возле рога найдены наконечники стрел — восемь бронзовых с трехлопастными листовидными головками и выступающими втулками и четыре костяных пулевидных. У левого плеча лежали бронзовая ворварка и бронзовая застежка в виде круглого прута с кольцевыми утолщениями. У правого плеча прослеживались слабые остатки дерева, здесь же находились 102 бронзовые заклепки (рис. 8).

Памятники конца VI—V вв. до н. э.

Донецкая область. 21, 22. Погребения второй половины V в. до н. э., расположенные у г. Жданов [236, с. 55; 214]. Одно из них— в кургане № 6, было основным. Насыпь кургана к моменту раскопок достигала всего лишь 15 см высоты и почти полностью состояла из материкового выкида. Погребение было совершено в яме глубиной около 2 м с подбоем, расположенным вдоль ее южной стенки. Устье подбоя заложено камнями. В северо-западной его части прослежены остатки костра, среди которых находилась скарлупа яиц и речные раковины. Над костром, в нише стены, лежали кости животного. Во входной яме встречены обломки амфор, наконечники стрел и бронзовая ворварка. В центре подбоя лежал скелет мужчины вытянуто на спине, головой на восток, с несколько разведенными в стороны руками. Погребенный был одет в железный пластинчатый панцырь, у головы находились остатки бронзового шлема античного происхождения, у правой руки — короткий железный меч (тип неизвестен), под скелетом — длинный меч с антенным навершием, у ног погребенного — наконечники и втоки двух копий, боевой пояс, набранный из железных пластин и золотая пластинка — обивка деревянного сосуда, стилизованная в форме головы хищной птицы. Под северной стенкой обнаружены железный(?) котел, бронзовое зеркало в очень плохом состоянии и бронзовый браслет.

Другое погребение было впущено в курган № 7 эпохи бронзы. Оно совершено в яме размерами 2×0,96 м на глубине 1,2 м от уровня материка. Погребенный лежал в вытянутом положении головой на восток. У правого локтя находился полностью разрушенный железный меч. Слева от костяка найдены железная пластинка от колчана и 78 бронзовых трехгранных и трехлопастных наконечников стрел, истлевшее дерево и две костяные пластины, вероятно, остатки лука. Неподалеку лежала бронзовая пластина в виде головы лося, украшавшая колчан. У правого плеча выявлены три бронзовых наконечника стрел и две бронзовые ворварки (рис. 9).

Днепропетровская область. 23. Большое количество памятников интересующего нас времени отрыто у г. Никополя. Среди них курган № 1 (1937 г.) на Никопольском курганном поле [40, с. 70—71]. Под насыпью высотой 0,7 м выявлены два кольцевых рва. В насыпи и рвах зафиксированы остатки тризны, в том числе бронзовый двудырчатый Г-образный псалий. Погребение совершено в яме с подбоем. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. При погребенном обнаружены два наконечника копья и два втока, железный меч с антенным навершием, 14 наконечников стрел, остатки от жертвенного мяса и железный нож.

24. Острая Томаковская Могила. Курган достигал высоты 5 м при диаметре насыпи 60 м. Насыпь была окружена рвом шириной до 3,5 м. Основное погребение в кургане, исследованное И. Е. Забелиным, относилось к бронзовому веку. После окончания раскопок в неисследованной части кургана при случайных обстоятельствах был обнаружен целый ряд скифских вещей конца VI — начала V в. до н. э., представляющих собой инвентарь впускного погребения. В их числе золотая обкладка рукояти меча с бабочковидным перекрестием, две золотые обкладки ножен

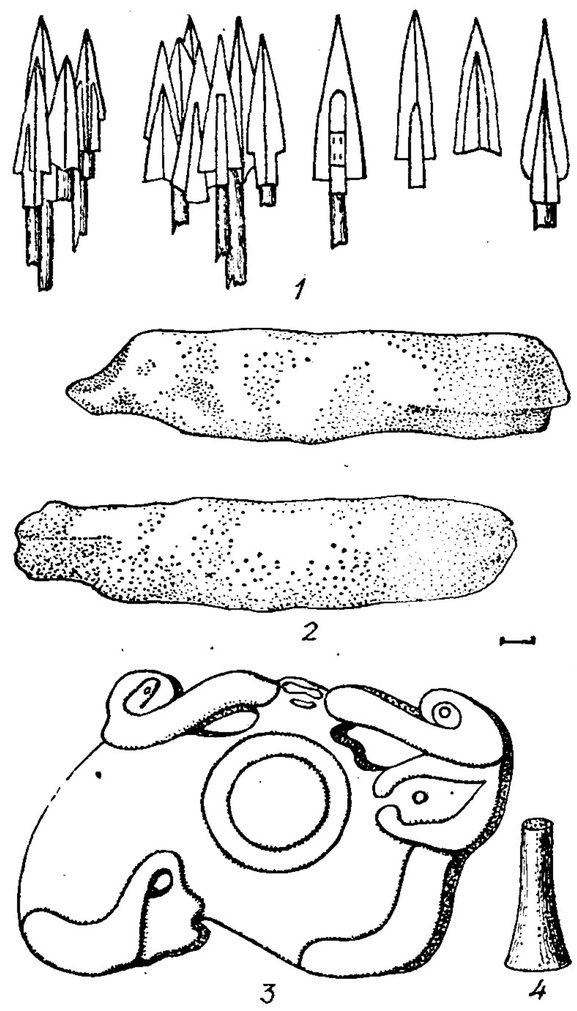
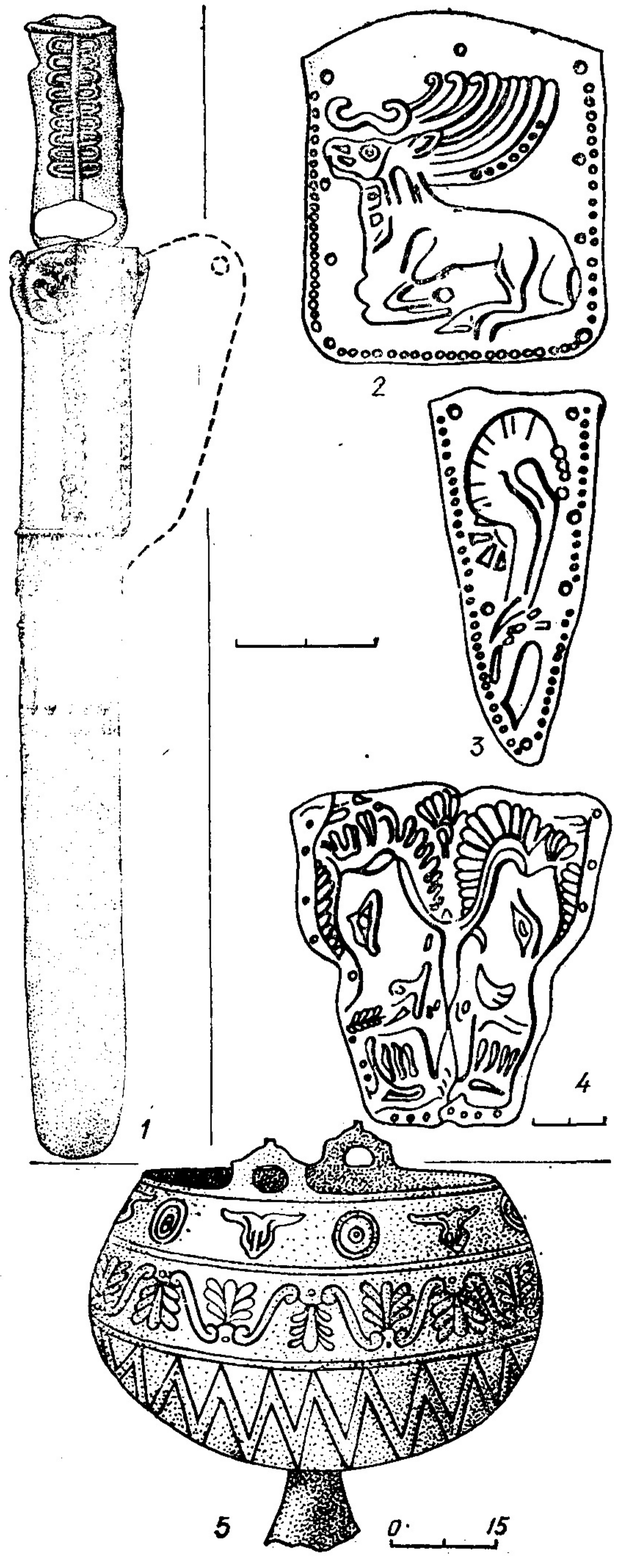

Рис. 9. Инвентарь из кургана у г. Жданова:
1 — наконечники стрел; *2* — костяные пластины; *3* — бронзовая бляха; *4* — ворварка.

и золотое кольцо от них, золотые «ворварка» значительных размеров и лунница, украшенная треугольниками из зерни и эмалью, около 200 бронзовых наконечников стрел [171, с. 407—410; 236, с. 52—53].

Среди перечисленных предметов следует особо выделить обкладки ножен меча. На верхней обкладке имеется рельефное изображение двух свернувшихся в кольцо и обращенных друг к другу кошачьих хищников, книзу от них расположена вертикальная полоса,

состоящая из припаянных бляшек с изображениями львиных голов. Нижняя обкладка украшена геометрическим сканным орнаментом (рис. 10, *1*).

25. Чабанцева Могила [125, с. 81 и сл.]. Курган достигал высоты 2,7 м. Насыпь его была окружена мощным кольцом материкового грунта и каменной обкладкой. Погребение № 1, которое совершено в могильной яме с подбоями, расположенными под северной и западной стенками, ограблено. В заполнении ямы встречены чешуйки панциря, бронзовый двухлопастный наконечник стрелы и золотая обивка деревянного сосуда, которые позволяют датировать захоронение V в. до н. э. К северу от центра кургана выявлено впускное погребение № 2, однако оно полностью ограблено и определить его дату не представляется возможным.

26. Первая Завадская Могила [125, с. 86 и сл.] имела близкую конструкцию — склоны насыпи, достигавшей высоты 4,5 м, были обложены глиной и камнем. Курган окружен глубоким и широким кольцевым рвом с перемычкой на западе. В заполнении рва встречались кости и обломки амфор. Погребение было устроено в квадратной яме размерами 5,2×5,4 м, по углам которой находились столбы. Яма была перекрыта деревом, следы деревянной облицовки сохранились и на ее стенках. Глубина ямы 4,2 м. Под южной стенкой сооружен небольшой подбой, разделенный канавками на три части. В центре могильной ямы находился деревянный настил, на котором первоначально размещался погребенный. В заполнении могильной ямы встречены фрагменты щита, панциря, наборных поясов, клевец, тесло и др. На пороге подбоя находились пять деревянных чаш с золотыми обивками — от двух до семи. Обивки

Рис. 10. Инвентарь из курганов Поднепровья: *1* — Острая Томаковская Могила; *2—4* — курган Бабы; *5* — Раскопана Могила.

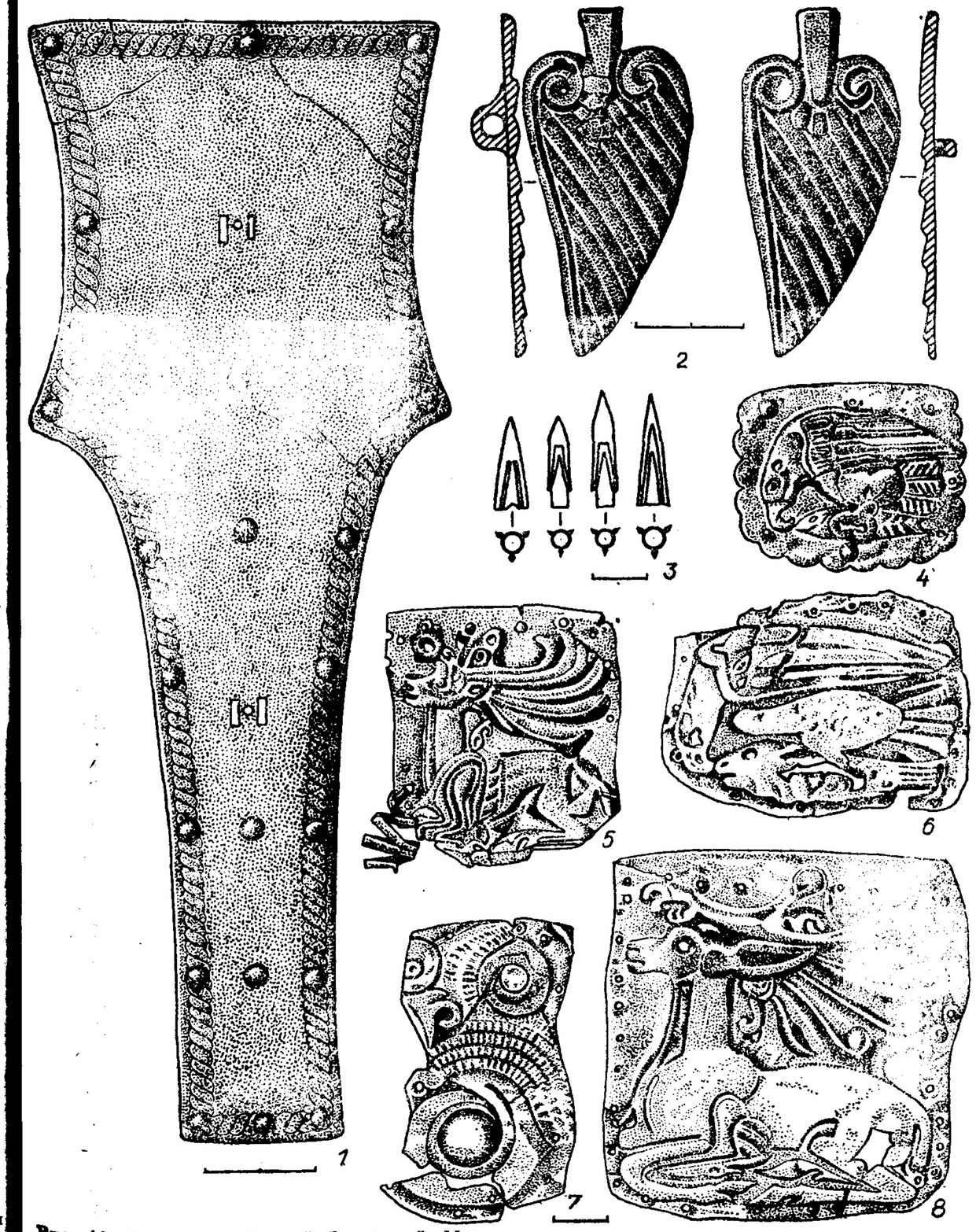

Рис. 11. Инвентарь Первой Завадской Могилы.

украшены изображениями лежащих оленей, орлиными головами, орлами, терзающими рыбу (рис. 11, *4—8*). К западу от центрального погребения обнаружены два конских захоронения. В одном из них размещались два коня, во втором — один. Уздечные наборы коней — бронзовые, иногда со следами серебрения. В составе узды первого коня — пластинчатый налобник, нащечники в форме крыльев, различные бляшки (рис. 11, *1, 2*). Нащечникам остальных коней придана форма бедра животного. У одного из коней имелся нащечник в форме крыла. Кони снабжены одинаковыми двудырчатыми бронзовыми псалиями Г-образной формы.

27. Погребение V в. до н. э. было исследовано Б. Н. Мозолевским в 1975 г. Оно было основным в кургане № 4 группы Испановых Могил [125, с. 144 и сл.]. Высота насыпи до 1,2 м, диаметр 30—34 м. В насыпи встречался камень. Она была окружена кольцевым рвом с двумя перемычками — на западе и востоке. Погребение совершено в яме с двумя камерами. Входная яма разрушена, ее северная стенка имеет наклон ко дну, расположенному на глубине 2,2 м. Камеры сооружены под западной и южной стенками ямы. Южная камера — основная. Она имела трапециевидную форму и размеры 3×1,6—1,8 м. В ее восточной стенке была устроена небольшая ниша, в которой прослежена ямка, вероятно, след ножки котла. Перед нишей располагались кости коня, окисленные бронзой. В центре камеры обнаружены пять золотых обивок деревянной чаши (рис. 12). Западная камера являлась продолжением входной ямы, ее размеры — 2,6×1,2 м, высота — 1,4 м. Вход в камеру первоначально был накрыт плитой из ракушечника. В заполнении западной камеры выявлены бронзовый наконечник стрелы, ворварка, фрагменты лепного сосуда. Кроме того, в грабительском ходе обнаружены обломки железного меча, фрагменты чешуйчатого панциря, небольшая ворварка. Погребение сопровождалось захоронением коня, совершенном в отдельной прямоугольной яме размерами 2,1×0,8—0,6 м, глубиной 1,2 м. Захоронение ограблено. Сохранился бронзовый Г-образный псалий и подвеска в виде «замочка».

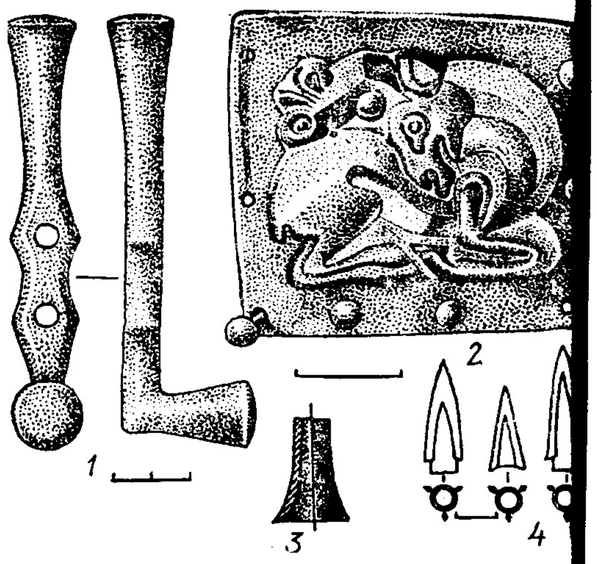

Рис. 12. Инвентарь из кургана IV группы Испановых Могил.

28. Погребение V в. до н. э. было открыто у шахты № 22 (курган № 12, погребение 1) [194, с. 169]. Захоронение основное, совершено в подквадратной (2,4×2,5 м) могильной яме глубиной 1,7 м, окруженной кольцом материкового выкида и перекрытой бревнами. По углам ямы прослежены ямки от столбов, углубленные в дно на 0,1 м. Погребение полностью ограблено. К северу от могильной ямы на погребенном черноземе прослежена площадка овальной формы (10 м в поперечнике), покрытая камышом или травой. На краю площадки, у могильной ямы, были вкопаны в погребенный чернозем две хиосские пухлогорлые амфоры V в. до н. э.

29, 30. В 40 км от Никополя расположены курганы Бабы и Раскопана Могила, исследованные в 1897 г. Д. Я. Яворницким. Насыпь кургана Бабы высотой 3,5 м состояла из грунта и больших каменных глыб [139, с. 133—137; 236, с. 58—63]. Кроме того, в ней обнаружен материковый выкид из могильной ямы. В насыпи встречались следы тризны — кости животных, фрагменты чернолаковой керамики. На глубине 2,1 м от вершины кургана, в его насыпи, был выложен большой круг (диаметром 34 м) из каменных плит. Погребение было совершено в яме с подбоем. Вдоль южной стенки ямы располагались ступеньки, а подбой сооружен под противоположной северной стенкой. Погребение ограблено. В заполнении могильной ямы встречались человеческие и конские кости. Кроме того, в могильную яму вел и отдельный грабительский ход, где были найдены золотые бляшки с изображениями зайцев, фрагменты лепного горшка и другие мелкие вещи. Среди инвентаря, обнаруженного в погребальной камере, интерес представляют бронзовые вещи — светильник, части гидрии, обломки лутерия. В составе погребального инвентаря имелись деревянные сосуды, о чем свидетельствуют находки золотых обивок (рис. 10, *2—4*). Четыре из них гладкие, без изображений, на одной изображен олень с подогнутыми ногами, на второй — самой большой, изображения двух голов вепрей, наконец, на трех треугольных бляшках — рисунок задней ноги животного. В погребении также обнаружено большое количество мелких вещей: бронзовые пуговицы, бусы и др. Для датировки комплекса важна находка малоазийской амфоры конца VI — начала V в. до н. э.

Курган Раскопана Могила [139, с. 137; 236, с. 68—70] достигал в высоту 5 м. Его насыпь также состояла из грунта и камней. В ней встречены обломки греческой керамики, лепной горшок, наконечники стрел и копья, ножи, человеческие и конские кости. Погребение было совершено в яме с подбоем. Вдоль длинной стенки располагалась ступенька. Напротив размещался подбой. Погребение ограблено. От инвентаря сохранились немногочисленные предметы, в том числе известный бронзовый котел, украшенный геометрическим и растительным орнаментом (рис. 10, *5*), медное блюдо, гидрия и две амфоры. Вместе с остатками напутственной пищи обнаружен железный нож с костяной ручкой. Погребение, возможно, сопровождалось захоронением коней. Во всяком случае во входной яме находилось 17 конских черепов.

31. Рядовое погребение середины V в. до н. э. открыто у с. Верхняя Тарасовка. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии восток — юг — восток — запад — север — запад и имела размеры 2,2×0,9 м. Глубина ямы 0,3 м от поверхности кургана. На дне лежал скелет погребенного, вытянутый на спине головой на восток — юг — восток (рис. 13). У левой руки погребенного находились десять бронзовых трехлопастных наконечников стрел — восемь базисных и два опорновтульчатых, и бронзовая пуговица, вероятно, застежка колчана. У пояса выявлен железный акинак с брусковидным навершием и прямоугольным перекрестием. Это первая находка акинака такого типа в степной части Северного Причерноморья [130].

32. Еще одно рядовое погребение раскопано неподалеку от г. Днепропетровска в кургане № 1 у с. Волошского [236, с. 57—58]. Оно впускное и совершено в могильной яме прямоугольной формы размерами 2×1×1,5 м, перекрытой кучей камня. На дне ямы лежал скелет погребенного, вытянутый на спине и ориентированный головой на восток. У левой руки находились 20 наконечников стрел — бронзовых, костяных, деревянных, и точильный брусок. У правого плеча найдены остатки

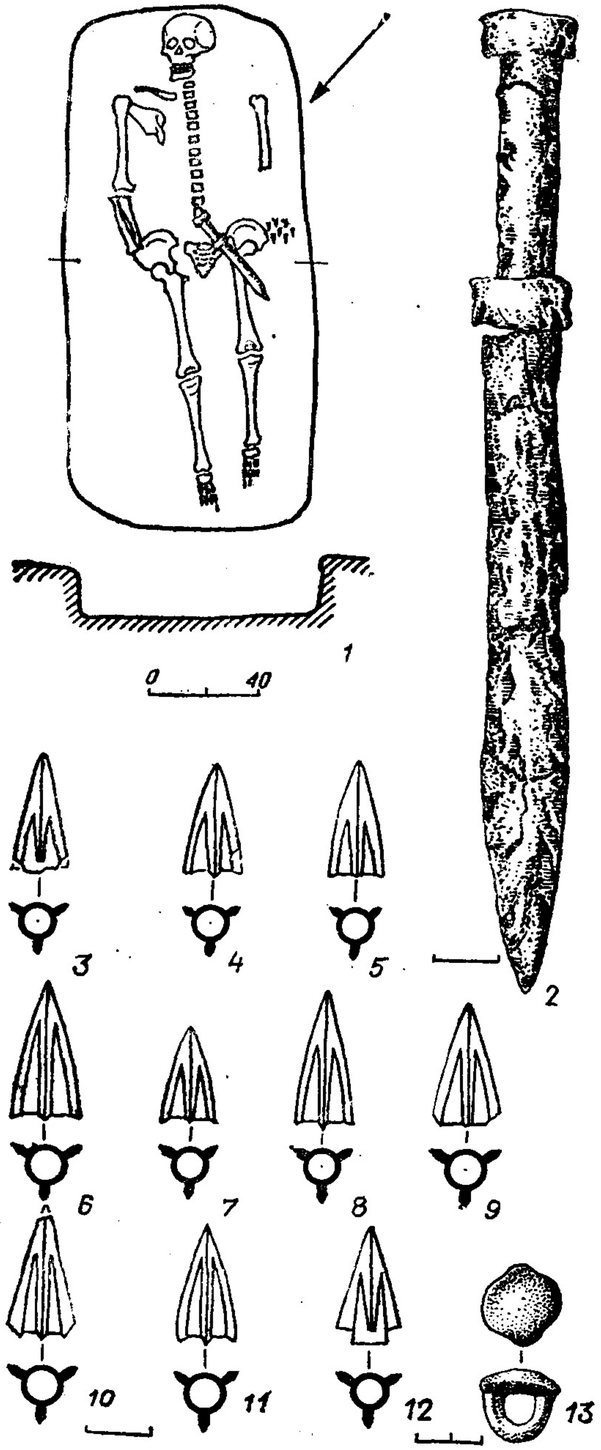

Рис. 13. План, разрез и инвентарь погребения у с. Верхняя Тарасовка.

напутственной пищи и обломок железного ножа. Дата погребения — конец VI — первая половина V в. до н. э.— определена И. В. Яценко по бронзовым наконечникам стрел.

33—35. Курганы у с. Подгородное исследованы экспедицией Днепропетровского университета под руководством И. Ф. Ковалевой [74]. Под насыпью кургана № 11 группы V высотой 3,9 и диаметром 44 м обнаружена могильная яма почти квадратной формы (6,4×6 м) глубиной 3,8 м от уровня погребенной поверхности. Ко дну размеры ямы уменьшались до 5,6×5,6 м. С севера к яме примыкал грабительский ход (рис. 14, *1—6*). В заполнении ямы встречались фрагменты амфор, детали конского убора — две круглые бляхи и одна в форме «медвежьей лапы», уплотненная в котле земля и покрытые бронзовым окислом кости жеребенка и овцы, фрагменты краснофигурной вазы. Ближе ко дну выявлены остатки деревянных обожженных плах от перекрытия могилы (часть плах сохранилась по периметру могилы на уровне погребенного чернозема). На дне ямы расчищены остатки погребения, совершенного в деревянном гробовище, длиной 3 м и шириной 1,2 м, от которого сохранились обожженые плахи. На дне гробовища находились угли, мел, реальгар. Скелет разрушен грабителями, наиболее вероятная его ориентировка — южная. Из инвентаря сохранились чернолаковая солонка и разбитый скифос. У западной стенки ямы размещалось захоронение коня. Возле него в грунт была врыта амфора, две другие находились в центре могилы. За пределами ямы, на уровне погребенного чернозема, обнаружены четыре бронзовых двухдырчатых S-видных псалия и двое двусоставных железных удил. По типам античной керамики и принадлежностей узды погребение датируется V в. до н. э.

Курган № 1 группы X имел высоту

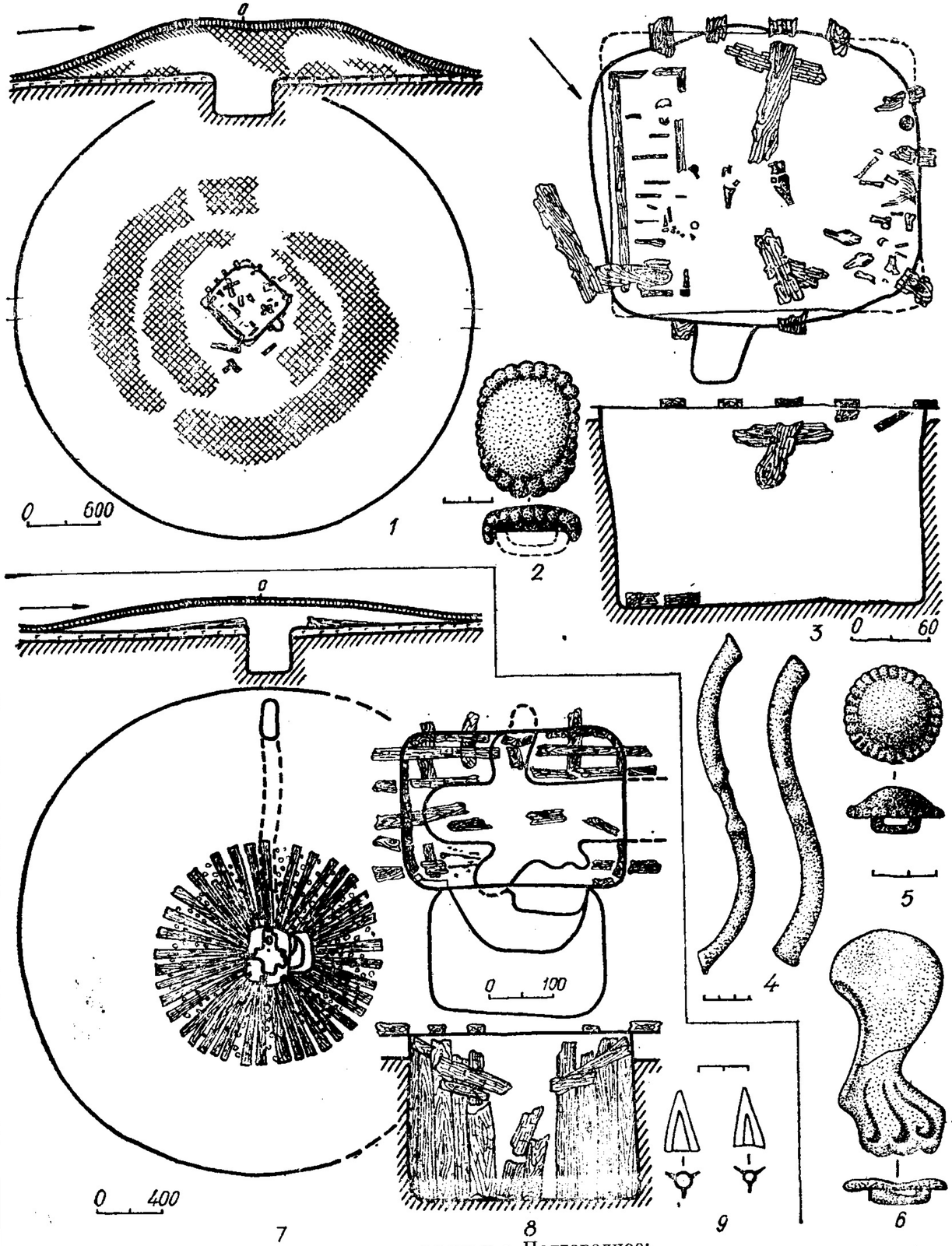

Рис. 14. Планы, разрезы и инвентарь курганов у с. Подгородное:
1—6 — курган № 11; *7—9* — курган № 7.

около 1 м. Погребение, совершенное в яме размерами 2,7×1,7×1,1 м, ограблено. В северо-восточном углу ямы найдены остатки напутственной пищи. Инвентарь представлен 11 бронзовыми трехгранными наконечниками стрел, прямым двухдырчатым бронзовым псалием, двумя ворварками.

Курган № 7 этой же группы к началу раскопок достигал высоты 1,4 м. Могильная яма размерами 3,5×2,5×2,8 м была перекрыта в два слоя деревянными плахами. Над перекрытием прослежена конструкция из радиально уложенных бревен. Дерево обожжено. Обожженными были и плахи, вертикально облицовывавшие стенки ямы. Костяк погребенного ориентирован головой на восток. От инвентаря сохранились фрагменты железного панциря, два трехлопастных, довольно массивных бронзовых наконечника стрел, ворварки, бронзовая пластина, украшенная рельефным орнаментом (рис. 14, *7—9*).

36. V в. до н. э. датируется впускное погребение № 1 в кургане № 6 у с. Александровка [73, с. 12—14]. Овальная яма размером 3×1,4—0,6 м ориентирована по линии северо-восток — юго-запад и перекрыта деревом. В яме помещалась изготовленная из ствола дуба колода диаметром до 0,8 м. В ней обнаружен скелет погребенного, лежащий на разосланном доспехе — панцире и штанах, покрытых панцирным набором. Рядом находился чешуйчатый наборный шлем. Кроме того, в колоде обнаружены два наконечника копий, наконечники стрел, бронзовая фибула и деревянная чаша с золотыми обивками. Под колодой выявлен тайник, где находился меч в золотых ножнах, золотая «ворварка», золотая бляха в виде скарабея и бронзовая пуговица (рис. 15).

Запорожская область. 37. Погребение на о-ве Дубовом (между Днепропетровском и Запорожьем). Здесь под каменным закладом, без признаков насыпи, было обнаружено по
гребение воина, сопровождавшееся аки
наком с брусковидным навершием
почковидным перекрестием и бронзовы
ми наконечниками стрел, характерным
для V в. до н. э. [236, с. 64].

38. Погребение № 25 Кичкасског
могильника совершено под невысоко
насыпью (до 0,7 м), состоящей из гру
та и камней, среди которых встреча
лись обломки амфор. Овальная ям
ориентированная по линии запад — во
сток, имела размеры 2,2 (книзу 2,5)×
×1,2 м. Погребение ограблено. В запол
нении встречались обломки костей, брон
зовая коническая ворварка, обломк
железа. На дне ямы лежал потревожен
ный скелет погребенного, вытянутый н
спине, головой на запад. При погребен
ном было семь трехгранных бронзовы
наконечников стрел с ложками, брон
зовые коническая ворварка и бляшка
виде головы хищной птицы, обломки
какого-то железного предмета, желез
ный вток копья и бронзовый молото
чек-скипетр в виде головы хищной пти
цы, насаженный на держак толщиной
1,5 и длиной 10 см. Держак скипетра
был зажат в правой руке погребенного
Погребение относится к V в. до н. э.
[47, с. 80—82; 236, с. 63—64].

39. Неподалеку от Запорожья, у
с. Приднепровка недавно открыто еще
одно сравнительно небогатое погребе
ние этого же времени [20, с. 95—97].
Оно обнаружено А. В. Бодянским на
месте разрушенного кургашного могиль
ника. Погребение совершено в прямо
угольной яме (запад — восток) разме
рами 1,95×0,75 м. Скелет лежал вытя
нуто на спине, головой на запад. Слева
от него находился железный акинак
перекрестием неясного типа. Оловян
ный наконечник ножен украшен в зве
ринном стиле — на его лицевой стороне
изображен горный козел, над которым
помещена фигура лося с поднятой
вверх головой и раскидистыми стили
зованными рогами. С обратной стороны

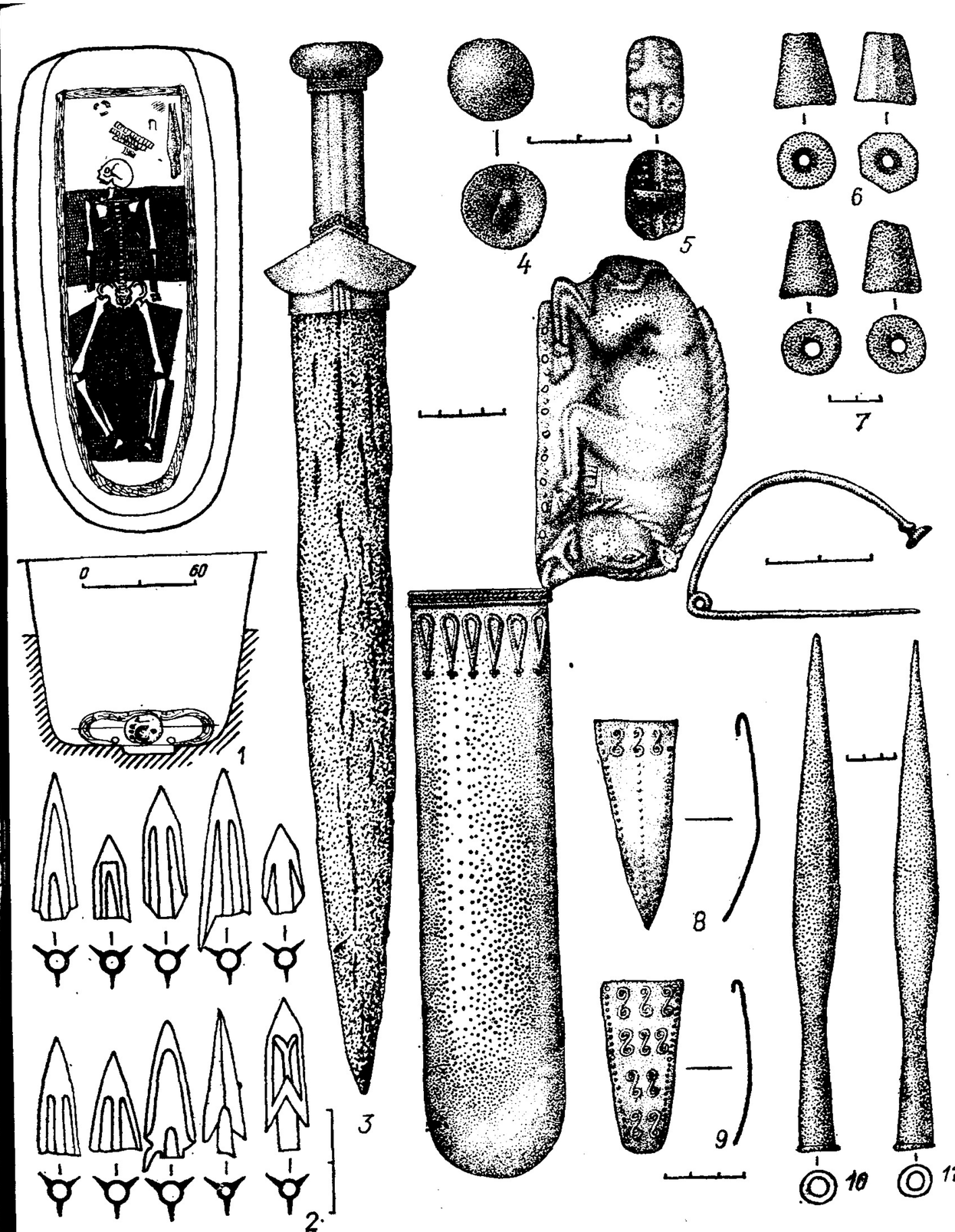

Рис. 15. План, разрез и инвентарь погребения из кургана у с. Александровка.

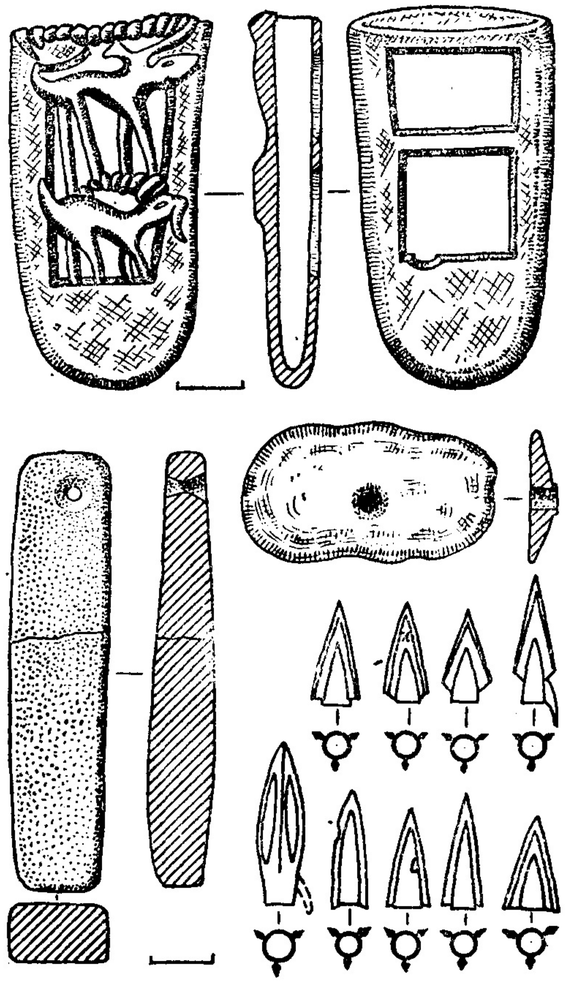

Рис. 16. Материал погребения у с. Приднепровка.

накопечник протерт в результате длительного употребления. Здесь же находился прямоугольный оселок из песчаника и семь бронзовых наконечников стрел. Еще два наконечника были обнаружены в скелете погребенного. Восемь из обнаруженных наконечников — трехлопастные, в основном базисные и опорновтульчатые, девятый наконечник — двухлопастный листовидный (рис. 16).

40. Богатый комплекс архаического времени хранится в Запорожском музее. Он был обнаружен при случайных раскопках насыпи кургана в с. Гуса ка Куйбышевского р-на [129, с. 54—60 Это свидетельствует о том, что данны комплекс был погребальным инвента рем скифского впускного захоронени Комплекс представлен следующими ве щами (рис. 17): бронзовой крестовид ной бляхой «ольвийского» типа, плак рованной золотом. На лицевой сторон бляхи имеются рельефные изображе ния, выполненные в скифском звери ном стиле — на верхнем, прямоугол ном ее конце изображены четыре «пан теры», расположенные друг над другом а в центре и на трех круглых конца орнаментальные композиции идентич ны — кошачий хищник, терзающи травоядное. На обратной стороне блях имеются две горизонтальные петли Предметы вооружения представлен фрагментом железного акинака и во семью бронзовыми трехлопастным накопечниками стрел. Рукоять акина ка двутавровая в сечении. Акина снабжен брусковидным навершием почковидным перекрестием плохой со хранности, но благодаря этому заметно что оно состоит из двух железных плас тин соответствующей формы, наложен ных с двух сторон на клинок и соеди ненных между собой и клинко методом кузнечной сварки. Принадлеж ностью конской узды является, по-види мому, круглая выпуклая бронзовая бля ха с петлей на обратной стороне. П типам вооружения и стилю изображе ний на крестовидной бляхе, а также учетом почти полного сходства послед ней и крестовидной бляхи из курган «Опишлянка» [255], комплекс из с. Гу сарка можно отнести к концу VI — на чалу V в. до н. э.

41—45. Пять курганов на р. Конк у с. Новогригоревки были исследован Д. Я. Самоквасовым [173, с. 121—122] Основные погребения в курганах совер шены в квадратных и прямоугольных ямах, ориентированных по линии за пад — восток и перекрытых деревян

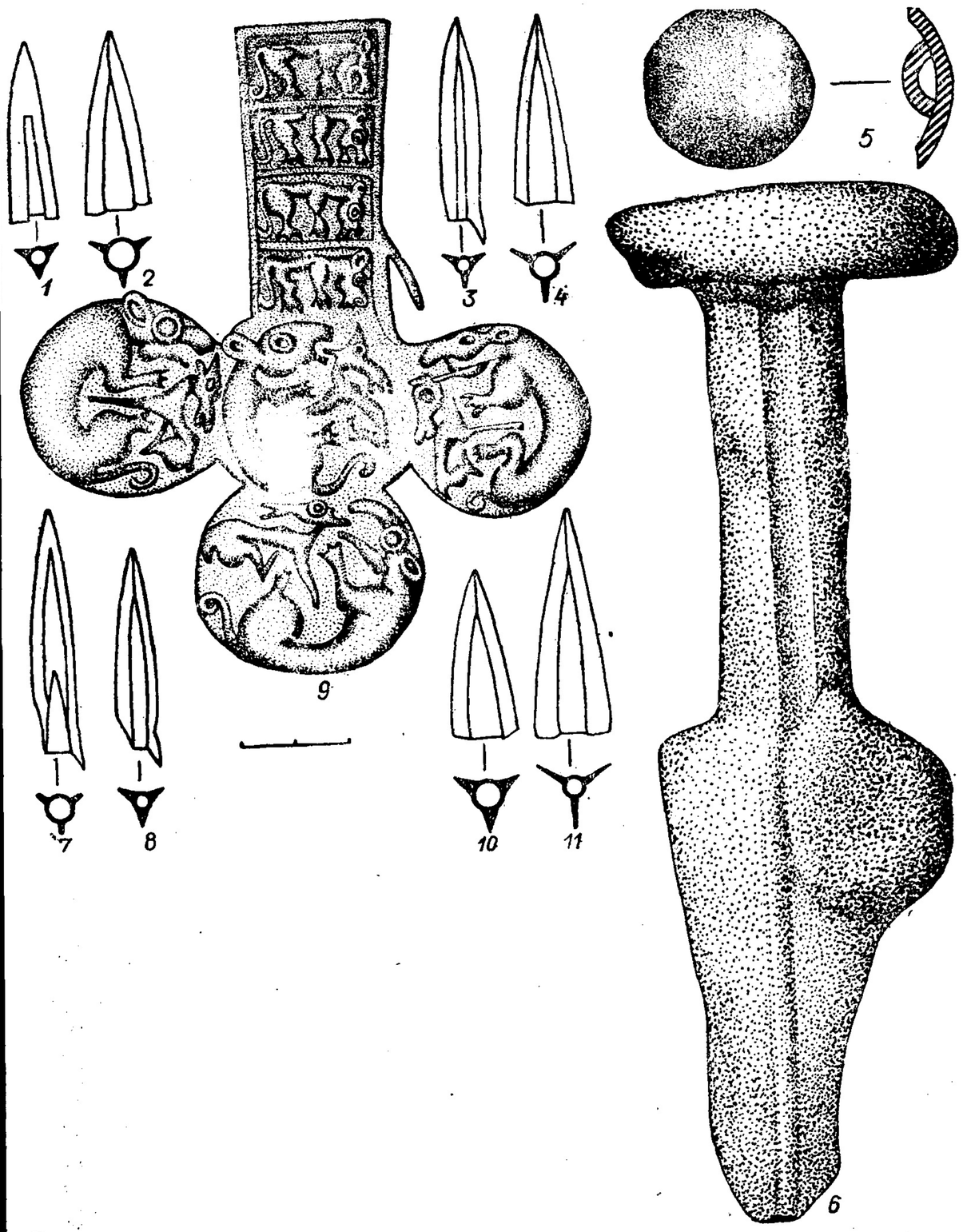

Рис. 17. Комплекс из с. Гусарка.

ным накатом, поверх которого иногда лежал слой камней. Погребения ограблены. От инвентаря сохранились «треугольные» бронзовые наконечники стрел, железные наконечники копий, фрагменты железного наборного панциря, бронзовый котел и др.

46. Еще одно погребение V в. до н. э. раскопано Д. Я. Самоквасовым у с. Большая Знаменка. По углам грунтовой ямы были зафиксированы ямки от столбов, а вдоль стенок обнаружены канавки, в которых первоначально были укреплены доски, облицовывавшие стенки ямы. Могила ограблена. В погребении выявлены мелкие золотые украшения, бусы, бронзовые бубенчики, два железных наконечника копий и бронзовый черпак с головкой птицы на ручке [173, с. 122].

47. По составу инвентаря представляет интерес погребение середины V в. до н. э., открытое в г. Днепрорудном [129, с. 60—67]. Выявлено при строительных работах в полосе курганов, часть из которых была исследована ранее Б. Н. Граковым. Поэтому несмотря на отсутствие насыпи над данным погребением, можно предположить, что оно было подкурганным. Данные об устройстве погребального сооружения, количестве и положении костяков отсутствуют. Однако судя по составу нижеописанного инвентаря (рис. 18, *5—15*), погребение было парным. В нем находились шесть сосудов — три лепных, чернолаковая аттическая чашечка, обломки бронзовой чаши греческого производства и деревянный сосуд, от которого сохранилась золотая обивка с изображением лежащего оленя с повернутой назад головой; 17 бронзовых наконечников стрел — 2 трехгранных и 15 трехлопастных; незначительные обломки железного меча и копья, а также бронзовая ворварка. Украшения были представлены золотой калачиковидной серьгой с подвесками, украшенной сканью и псевдозернью, золотыми пуговками, бусами, подвесками, золотыми и серебряными височными кольцами. Кроме того, в погребении находилось бронзовое зеркало с деревянной ручкой. Особо следует отметить наличие в погребении трех лепных сосудов, два из которых — небольшой кувшинчик и миска на невысоком поддоне, принадлежат к редким типам степной скифской керамики и находят большинство аналогий на территории Лесостепного Приднепровья.

48—51. Четыре погребения были исследованы Н. И. Веселовским у г. Ногайска [235]. Погребение в кургане № 3 — впускное в насыпь кургана эпохи бронзы. Полностью ограблено. От инвентаря сохранилась только колчанная застежка в виде круглого в сечении бронзового прута с кольцевыми утолщениями, плакированная золотом. Остальные погребения — в кургане № 6, «Острая Могила», у с. Владимировки — основные. Они совершены под высокими насыпями (до 5,5 м), обложенными камнями (в насыпи кургана № 6, кроме того, имелись две кольцевые каменные вымостки), в грунтовых ямах значительных размеров и почти полностью ограблены. В кургане «Острая Могила» сохранились детали конской узды — семь бронзовых двухдырчатых S-видных псалиев, бронзовые налобники, украшенные головой копытного животного, бронзовые украшения в виде задней ноги животного, бронзовые кольца и ворварки. В кургане № 6 — трехгранные наконечники стрел, три золотые пластины — одна украшена изображениями голов хищных птиц, две других — в форме птичьей головы (выделены острый клюв и восковица), бронзовое кольцо и другие мелкие вещи. В кургане у с. Владимировка находки еще более малочисленны — золотая бляшка с изображением зайца и бронзовый колокольчик.

Херсонская область. 52. Великолепный погребальный комплекс

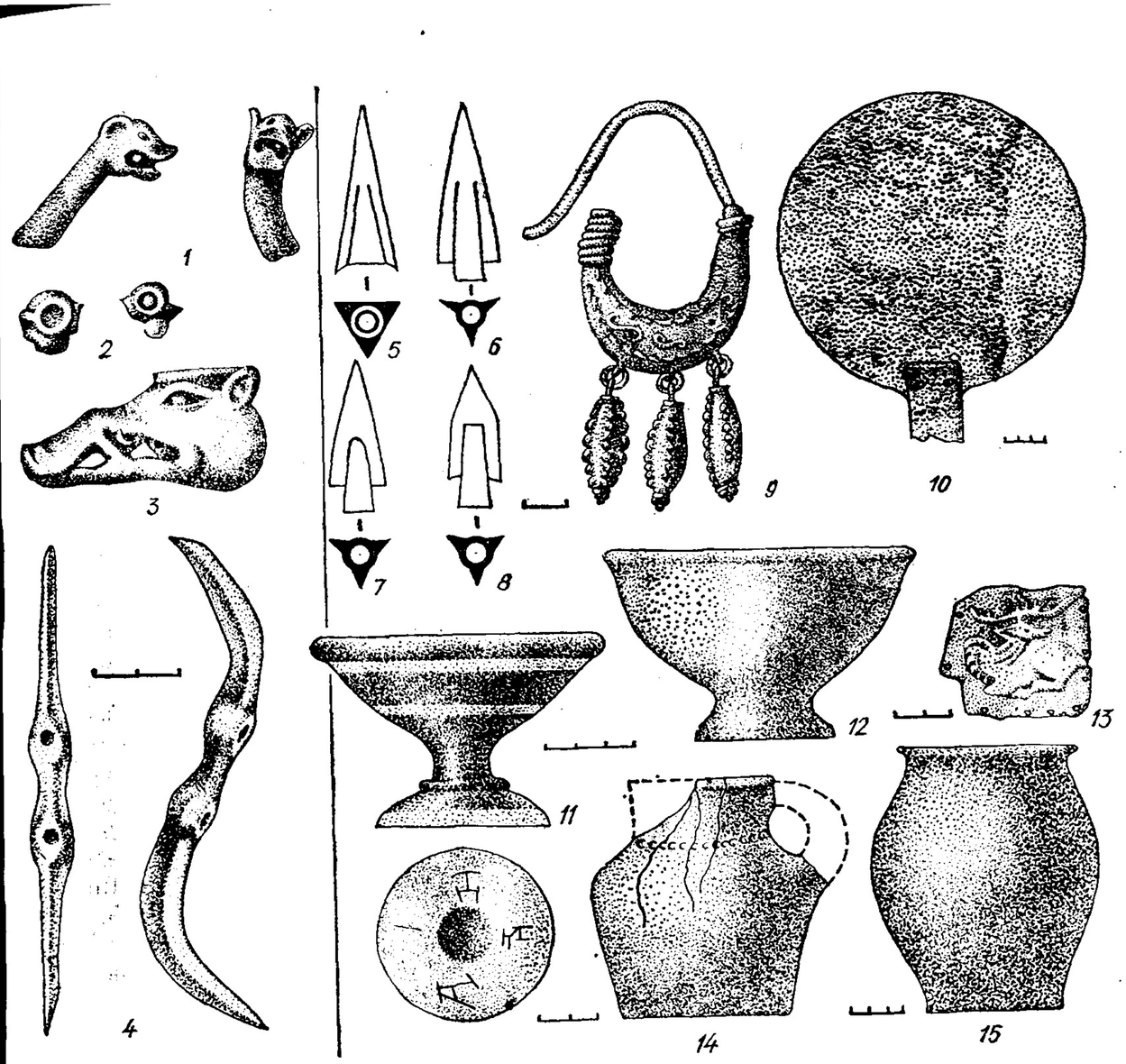

Рис. 18. Инвентарь из курганов у с. Днепряны и г. Днепрорудного:
1—4 — с. Днепряны; *5—15* — г. Днепрорудный.

конца V в. до н. э. был открыт Каховской экспедицией ИА АН УССР в кургане № 5 у с. Архангельская Слобода [97, с. 71—77]. Впускное погребение было совершено в прямоугольной яме, ориентированной с запада на восток и перекрытой деревом. На дне могилы лежал скелет мужчины, вытянутый на спине, головой на запад. Богатый погребальный инвентарь представлен тремя колчанами, число стрел в которых достигает 500 шт., двумя копьями, двумя железными ножами, каменным оселком, боевым пластинчатым поясом, деревянной чашей, обитой золотыми пластинками с изображениями рыб, многочисленными золотыми украшениями. До 500 блях различной формы с изображениями юноши, стоящего на коленях, головы хищной птицы, сцены терзания львом лани и другими, были нашиты на покрывало, укрывавшее покойного. На

его шее находилась золотая гривна, концы которой украшены псевдозернью, эмалью и скульптурными изображениями львиных голов. Интерес представляет и оформление одного из колчанов — парадного, который был прикреплен к боевому поясу. На лицевой его стороне размещались шесть золотых пластин: три верхних — с изображениями кабана и три нижних — с изображениями бегущей собаки. На обратной стороне также прикреплено шесть пластин: наверху — пластины с изображениями кабана, а внизу — с уникальными изображениями пантеры, которая держит в пасти голову человека. Еще одна пластина в виде бегущего оленя украшала крышку колчана.

Датировка данного погребения (конец V в. до н. э.) позволяет отнести к раннему времени и основное погребение в этом кургане, совершенное в яме с подбоем. К сожалению, оно полностью ограблено.

53. Курган у с. Днепряны, высотой около 1 м, был значительно разрушен при строительных работах [132]. Проложенная через центр кургана траншея полностью уничтожила погребальное сооружение. Из его инвентаря до нас дошло пять бронзовых предметов: двухдырчатый S-видно изогнутый бронзовый псалий, обломок бронзового псалия, украшенного на верхнем конце изображением головы кошачьего хищника, бронзовая бляха, выполненная в виде головы вепря, два обломка бронзовых бляшек, первоначально изображавших орлиные головы (рис. 18, *1—4*). Предметы, оформленные в зверином стиле, позволяют датировать комплекс временем не позднее второй половины V в. до н. э.

54. Курган у с. Новокиевка содержал впускное захоронение, совершенное в яме почти прямоугольной формы (длина каждой из сторон около 2,5 м), глубиной 1,6 м от поверхности. Скелет погребенного, ориентированный головой на запад, лежал на поперечно уложен ных деревянных плахах. Инвентарь со стоял из 37 наконечников стрел, желез ного кинжала с антенным навершием сегментовидным перекрестием, оселка краскотерки (рис. 19). Привлекает вни мание необычный состав этого комплек са V в. до н. э.: наличие в нем кинжа ла, что характерно для мужских погре бений, и краскотерки — отличитель ной черты женских захоронений. По дробнее материалы этого несколько не обычного памятника будут рассматри ваться нами в статье, подготовленной совместно с Г. Л. Евдокимовым для сборника «Оружие скифов и сарматов».

55. К числу интереснейших памят ников Херсонщины относится недав но открытый Е. Ф. Лагодовской и Э. А. Сымоновичем скифский грунто вой могильник у с. Михайловка [91]. Немногочисленные находки, подлежа щие датированию,— бронзовые трехло пастные наконечники стрел со скрытой или слегка выступающей втулкой, же лезный акинак с антенным навершием костяная пластинка с резным изобра жением головы зверя, позволяют от нести могильник к V в. до н. э. Во вся ком случае три погребения (№ 5, 6, 7) из девяти несомненно относятся к это му времени. Все скифские погребения в могильнике совершены в грунтовых ямах. В тех случаях, когда удалось про следить их контуры, выяснилось, что ямы прямоугольные и размеры их при близительно равны 2×0,7—0,8 м. Глу бина незначительная — не более 1,2 м. Ямы, как было засвидетельствовано при расчистке погребения № 2, перво начально перекрывались деревом, по верх которого сооружалась каменная вымостка, зафиксированная над всеми могилами. Вокруг погребения № 5 до полнительно было сооружено кольцо из камней, имевшее разрывы на востоке и западе. Погребенные вытянуты на спине или слегка скорчены. Ориента ция большинства скелетов — западная,

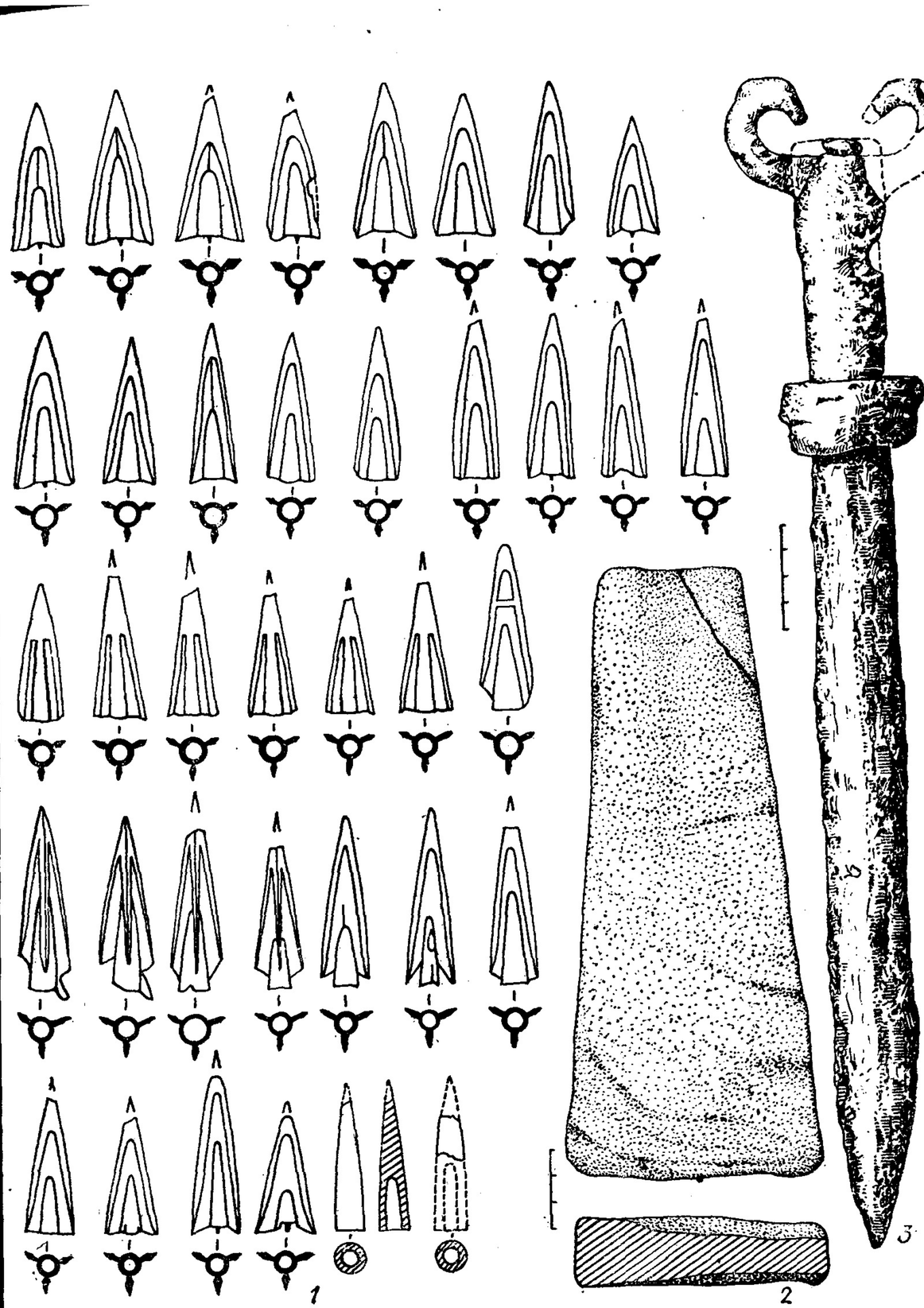

Рис. 19. Комплекс из с. Новокиевка.

с отклонениями к югу или северу. Погребения индивидуальные. Правда, в одном случае (погребение № 5) было найдено парное захоронение мужчины и женщины. Однако они лежали не на дне ямы, где выявлено основное погребение, а среди заполнявших ее камней. Поэтому связь данного парного захоронения с основным, скифским, неясна.

Крымская область. 56—59. Курганы у г. Красноперекопска [230, с. 213, 232, 280, 282]. Погребения интересующего нас времени впущены в насыпи курганов эпохи бронзы. Могильная яма погребения № 1 кургана № 12 у с. Танкового прослежена не была. Скелет погребенного был выявлен в центре насыпи на глубине 0,6 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Его сопровождал оселок, 58 бронзовых трехлопастных опорновтульчатых и базисных наконечников стрел. Среди последних обнаружены небольшой железный нож, железная пластина прямоугольной формы и зуб лошади.

Не были прослежены края могильной ямы и в погребении № 2 кургана № 15 у с. Танкового. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток. Обе руки согнуты в локтях и сложены на животе. Перед лицом погребенного стоял горшок, здесь же лежали кости барана и астрагалы. У черепа находилась бронзовая петельчатая серьга, рядом с погребенным — остатки захоронения коня: череп и кости одной из ног. На черепе были железные удила, два бронзовых двухдырчатых восьмеркообразных псалия и два бронзовых нащечника в виде изображения задней ноги животного (рис. 20).

Погребение № 5 кургана № 4 у с. Мартыновки было совершено в овальной яме размерами 2,2×0,7 м, ориентированной по линии запад — восток. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Слева у таза находились

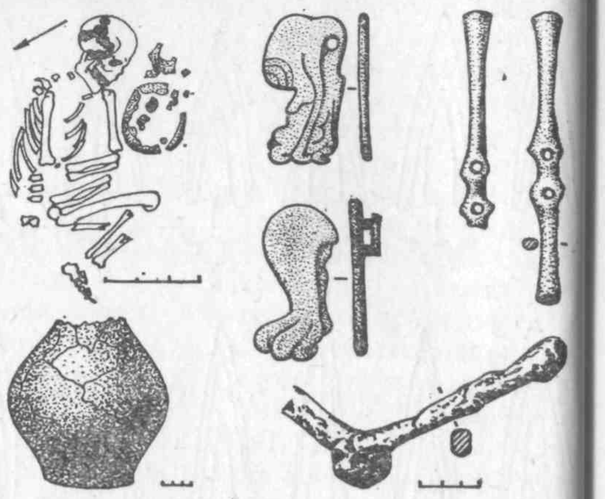

Рис. 20. Курган № 15 у г. Красноперекопска.

19 бронзовых трехлопастных наконечников стрел, а у пояса, наискось, лежал железный акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием.

Скелет в погребении № 1 кургана № 5 у с. Мартыновки находился в подпрямоугольной яме размерами 1,7××0,6 м; лежал вытянуто на спине и ориентирован на север — запад — север. Погребенного сопровождал акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, четыре бронзовых трехлопастных опорновтульчатых наконечника стрел, бронзовое кольцо и напутственная пища.

60. Неподалеку от описанных выше памятников располагался известный Ак-Мечетский курган V в. до н. э. (у современного Черноморска). Погребение было открыто случайно при добыче камня, поэтому сведения о погребальном обряде отсутствуют. Вещи из кургана представлены 250 бронзовыми наконечниками стрел, бронзовой ручкой черпака, оканчивающейся лебединой головкой, бронзовыми бляхами от конского убора, железными чешуйками панциря, обломками железного меча. Широкую известность получили обнаруженные в этом кургане золотые обив-

ки деревянного сосуда с изображениями лежащего оленя с сильно стилизованными, превратившимися в вычурный орнамент, ветвистыми рогами [136, с. XCI—XCII].

61. Южнее — под г. Симферополем — располагался Золотой курган V в. до н. э., раскопанный в 1890 г. Н. И. Веселовским. Через насыпь кургана в материк была впущена прямоугольная яма, ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне ямы лежал скелет погребенного, вытянутый на спине. Под ним находился овальный щит с наборным железным панцирным покрытием. В области шеи погребенного лежала массивная золотая гривна, на тазовых костях прослежены остатки кожаного пояса, снабженного бронзовыми бляхами с изображениями голов грифонов. Здесь же находились бронзовые и железные пуговицы. Справа к поясу был подвешен короткий железный акинак в кожаных ножнах, нижний конец которых обложен золотом и орнаментирован эмалью и сканью. Навершие акинака состоит из двух близко сходящихся волют, образуя как бы кольцо. Ниже акинака располагался колчан со 180 бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел. Крышка колчана, как полагал Н. И. Веселовский, была увенчана бронзовой статуэткой львицы, плакированной золотом и украшенной

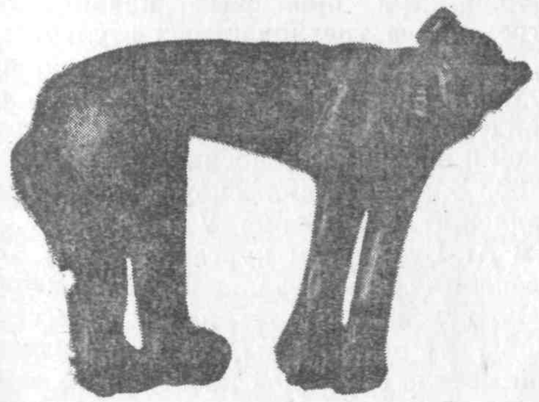

Рис. 21. Статуэтка львицы из Золотого кургана.

эмалью (рис. 21). Рядом с колчаном — остатки дерева, вероятно, от лука. У ног, на которых сохранились остатки кожаной обуви, стоял античный красноглиняный кувшин [137, с. 4—6].

62. Неподалеку от Симферополя профессором Кулаковским в одном из четырех курганов, раскопанных им между реками Альмой и Качей, была обнаружена впускная могила. Могильная яма была перекрыта деревом и завалена камнями. На дне лежал скелет, вытянутый на спине и ориентированный головой на восток. У правой руки погребенного находились две бронзовые бляхи в виде свернувшегося в кольцо волкообразного хищника *. В соответствии с традициями скифо-эллинского искусства этого времени фигура зверя украшена дополнительными изображениями животных — козлов, грифонов и др. (рис. 22). Здесь же находился обломок бронзового псалия с изображением головки коня на конце. У левой руки лежали точильный брусок, железные наконечники копья и меч. У колена помещался колчан с большим количеством стрел — бронзовых трехгранных и круглых костяных [138, с. 17—18]. Погребение относится ко второй половине V в. до н. э.

63—65. Несколько погребений V в. до н. э. исследованы на Керченском п-ове у с. Ильичево. Среди них наибольший интерес представляет погребение № 6 кургана № 1 у с. Ильичево, к сожалению, разрушенное во время Великой Отечественной войны [94]. Оно было впущено в насыпь кургана эпохи бронзы и совершено в каменной гробнице, от которой сохранилась южная

* В. А. Ильинская считает, что с V в. до н. э. в скифском зверином искусстве появляется новый образ — свернувшийся в кольцо хищник из семейства собачьих, стиль исполнения которого близко напоминает манеру изображения кошачьего хищника. Одним из образцов подобных изображений и является, по ее мнению, бляха из кургана Кулаковского [60, с. 83—84].

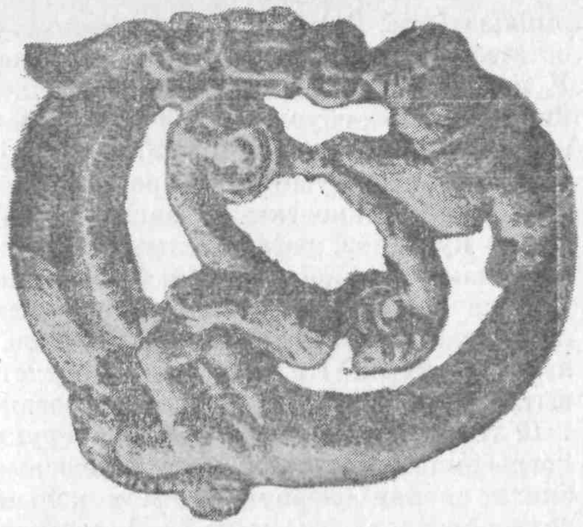

Рис. 22. Бронзовая бляха из кургана Кулаковского.

стенка длиной 1,9 м, составленная из трех плит. Здесь же сохранились следы камыша, обломки человеческих костей и амфор. В насыпи, недалеко от остатков данного погребения, была обнаружена часть его инвентаря (рис. 23). Среди найденных вещей — золотая конусообразная «ворварка» больших размеров (высота 13,3 см) с круглым отверстием в центре плоской вершины. Тут же находилась золотая гривна, четырехгранная в сечении, с несомкнутыми концами. Кроме того, найдены две золотые обкладки колчана. Уникальна верхняя обкладка в виде прямоугольной пластины с тисненными изображениями животных. В центре изображен олень с подогнутыми ногами и стилизованными в виде птичьих голов рогами. Оленя терзают лев, орел и змея. Нижняя обкладка — в виде прямоугольной пластины с закругленным нижним концом — гладкая. В состав комплекса входила еще одна золотая пластина, которая сохранилась частично. По краям пластины пробиты отверстия для нашивания. В нижней ее части помещены две восьмилепестковые розетки и схематические головки птиц, расположенные по четыре двумя рядами. Центральную часть пластины занимает изображение морды оленя. Выше расположен еще один ряд птичьих головок, а над ним, судя по сохранившейся части пластины, была помещена вторая голова оленя, аналогичная изображенной в центре.

У с. Ильичево было обнаружено еще одно погребение интересующего нас времени — погребение № 1, впущенное в насыпь кургана № 4 эпохи бронзы [231, с. 141, рис. 4, *4—6*]. Контуры могильной ямы не прослежены. Яма была перекрыта каменными плитами. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. У поясницы погребенного находился железный акинак с округлым перекрестием (навершие не сохранилось), слева от него наконечники стрел, из них 47 — бронзовые: семь трехгранных, остальные трехлопастные базисные и опорновтульчатые. Кроме того, найдены втулка железного наконечника и один втульчатый пулевидный костяной наконечник.

К V в. до н. э. относится одно из скифских погребений в кургане № 10 у с. Ильичево [231, с. 150, рис. 5, *26, 28*]. К сожалению, не ясно, являлось оно основным или впускным, так как насыпь кургана почти полностью распахана. Погребенный лежал на спине головой на юго-запад. Слева от него находились три бронзовых наконечника стрел — два трехлопастных втульчатых и один трехгранный с обрезанной втулкой и ложками на гранях. Здесь же найден железный нож с горбатой спинкой и небольшим черенком.

66. Знатному скифскому воину принадлежит погребение V в. до н. э. в 5-м Ак-Бурунском кургане [233, с. 67]. Сведения о погребальном сооружении малочисленны и отрывочны. Известно лишь, что погребенный лежал в «плитовой могиле с плоской кровлей», то есть, по-видимому, в каменном ящике. Неподалеку от погребения находились два

Рис. 23. Инвентарь из кургана у с. Ильичево.

захоронения коней, совершенных в отдельных могилах. Одно из них частично разрушено грабителями, второе сохранилось полностью. При костяке обнаружены железные удила, бронзовые S-видные псалии с зооморфно оформленными концами, многочисленные бронзовые бляхи с изображениями в скифском зверином стиле.

67—74. Великолепные скифские комплексы (№ 1, 6, 17, 32, 16, 24, два погребения 1868 г.) обнаружены в пределах античного некрополя Нимфея [176, с. 51—91; 215; 233, с. 105—106]. Их скифская принадлежность была убедительно доказана Л. Ф. Силантьевой и Е. В. Черненко. Характерными чертами открытых здесь погребений скифской эллинизированной знати, как отмечает Л. Ф. Силантьева, являются подкурганные захоронения, погребения в гробницах из каменных плит и в ямах, наличие конских могил, включение в состав погребального инвентаря деталей конской узды, оружия, образцов скифского звериного стиля [176, с. 51]. Эти особенности не всегда сочетаются. Так, из шести погребений, опубликованных Л. Ф. Силантьевой, подкурганными были пять, погребение коней также зафиксированы в пяти случаях. Погребенные лежали в деревянных саркофагах вытянуто на спине; ориентированы головой на восток. Несмотря на ограбленность погребений в них сохранился богатый и разнообразный инвентарь. Кроме вещей греческого типа, в состав комплексов входят многочисленные скифские предметы — в основном детали конской узды и предметы вооружения, образцы скифского звериного стиля.

Конская узда представлена бронзовыми S-видными и Г-образными двухдырчатыми псалиями, бронзовыми налобниками усеченно-ромбической формы, нащечниками в виде стилизованного крыла птицы. Предметы вооружения скифского облика представлены прежде всего бронзовыми наконечниками стрел, среди них большинство опорновтульчатые и базисные. Очень интересны находки в нимфейских курганах (раскопки 1868 г.) образцов защитного вооружения типично скифского характера — фрагмента кожаного панциря,

усиленного железным набором, наборных пластинчатых поножей. Изображения в скифском зверином стиле украшали предметы конской узды, а также золотые нашивные бляхи. Среди образцов звериного стиля выделяется бронзовая бляха с изображением оленя с ветвистыми рогами из кургана № 17, бронзовые бляхи в виде голов лосей, найденные в одном из погребений 1868 г. и курганах № 1 и 32 из раскопок 1876 г. Последние находят довольно многочисленные аналогии в скифских погребениях V в. до н. э. Так, подобная бляха известна из уже упоминавшегося погребения под г. Ждановым.

75. В заключение обзора раннескифских памятников Крыма назовем могильник V—IV вв. до н. э. у с. Фронтового на Керченском п-ове [84]. Для данного могильника характерны трупоположения и повторные захоронения. Большинство погребенных лежали вытянуто на спине; преобладает западная ориентация скелетов. Над могильными ямами иногда сооружались каменные вымостки. Среди погребального инвентаря ранних погребений могильника встречены бронзовые трехлопастные наконечники стрел, двухлопастный наконечник с ромбической головкой. Обнаружены также железные акинаки скифских типов. Среди них особо следует отметить находку акинака с прямоугольным перекрестием, который принадлежит довольно малочисленной группе скифских мечей V в. до н. э.

Интересен вопрос об этнической принадлежности погребенных в данном могильнике. В. Н. Корпусова, опубликовавшая материалы могильника, отмечала, что этническая принадлежность населения оставившего могильник, еще не ясна [84, с. 46]. Однако в настоящее время мы можем с уверенностью сказать, что основная масса этого населения была скифской. Такому решению вопроса способствовало открытие в последнее время на территории собственно Степной Скифии ряда грунтовых могильников, которые еще сравнительно недавно не были известны. Среди них могильнику у с. Фронтового, как справедливо отмечает Э. В. Яковенко, наиболее близок по своим особенностям могильник V в. до н. э. у с. Михайловки Херсонской обл., рассмотренный нами выше [233, с. 36—37]. Эта близость прослеживается в отношении погребального обряда и в отношении инвентаря и свидетельствует о принадлежности погребенных в этих могильниках одному и тому же этносу.

Кировоградская область.

76. Медеровский курган исследован в 1965 г. А. И. Тереножкиным [21]. Высота курганной насыпи достигала 4 м, диаметр — 40 м. Погребение было совершено в десятистолбовой деревянной гробнице, сооруженной на уровне древней поверхности и сожженной после совершения обряда погребения. Сохранились радиально положенные бревна — остатки огромного костра. Под действием огня почва вокруг гробницы прокалилась до глубины 0,3 м. Обожженной была и нижняя часть насыпи. В гробнице был погребен знатный воин в сопровождении коня. К сожалению, погребение ограблено. Сохранились следующие предметы: великолепная стела высотой 2,5 м, на которой изображен воин с двумя гривнами, ритоном в правой руке, горитом и двумя мечами на поясе. Один из мечей короткий, второй — длинный, всаднический. Оба меча снабжены антенным навершием и бабочковидными перекрестиями. Кроме того, обрывки пластинчатого железного панциря, железный наконечник копья, кабаний клык с резным изображением волкоподобного хищника, обломки амфор, напутственная пища с железным ножем при ней, античный кувшин, железные удила с железными двухдырчатыми S-видными псалиями. Но наиболее важным открытием, сделанным во время раскопок этого кургана, было открытие впервые зафиксированного на современном методическом уровне вышеописанного погребального обряда, в результате чего «стал значительно понятнее знаменитый Мельгуновский курган... То же следует сказать и относительно таких больших скифских курганов Прикубанья конца VII или начала VI в. до н. э., как Келермесские, Ульские, Костромской, с типичными для них деревянными столбовыми гробницами» [192, с. 19].

Николаевская область.

77—82. Курганы у с. Ковалевка исследованы экспедицией под руководством Г. Т. Ковпаненко.

Курган № 7 группы I (распахан). Могильная яма прямоугольной формы, ее размеры 1,8×0,9×0,85 м. От инвентаря погребения сохранился бронзовый трехлопастный базисный наконечник стрелы [78, с. 46].

Погребение 3 кургана № 2 группы II впущено в насыпь кургана эпохи бронзы. Могильная яма прямоугольной формы (2,35×1,7×1,5) ориентирована по линии запад — восток. При погребенном, ориентированном головой на запад, обнаружены шесть трехлопастных наконечников стрел, золотая оковка деревянного сосуда, железные панцирные пластинки. На остатках деревянного блюда лежала напутственная пища [78, с. 58—60].

Курган № 4 группы II (распахан). На уровне древнего горизонта выявлена каменная вымостка размерами 5×5 м. Между камнями находились кости животных и обломки амфор V в. до н. э. Под камнями обнаружены две бронзовые монетки-дельфинчики и бронзовый трехлопастный базисный наконечник стрелы [78, с. 62].

Погребение 1 впущено в насыпь кургана № 6 группы II. Форма и размеры ямы не прослежены. Скелет лежал на спине, головой на запад. При погребенном найдены массивные трехгранные наконечники стрел и бронзовые уздечные бляхи: шесть — в виде головы грифона и два — в виде свернувшегося волкоподобного хищника (рис. 24). Особый интерес представляет второе изображение, напоминающее бляху из кургана, обнаруженного профессором Кулаковским, что позволяет датировать описанное погребение второй половиной V в. до н. э. [78, с. 65—67].

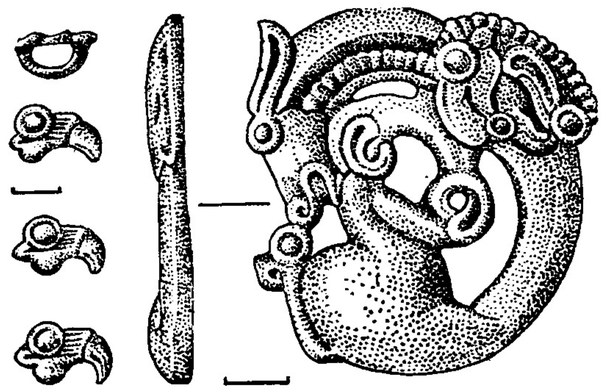

Рис. 24. Инвентарь из кургана № 6 у с. Ковалевка.

Курган № 7 группы II (распахан). Сохранилось сложенное из камней кольцо диаметром 7,4 м. Между камнями обнаружено горло пухлогорлой амфоры VI—V вв. до н. э. Могильная яма размерами 2,2×1×1,4 м перекрыта каменным закладом. Погребение ограблено [78, с. 75].

Курган № 4 группы III (распахан). Прослежено сложенное из камней кольцо диаметром 4 м. Яма размерами 1,95×1×0,9 м перекрыта каменным закладом. В ее заполнении встречены два бронзовых трехлопастных базисных наконечника стрелы [78, с. 107].

83. Одним из интереснейших памятников является погребение скифского воина-дружинника у с. Новая Розановка [224]. Оно было совершено под невысокой курганной насыпью, в которой встречались камни от ее облицовки и обломки амфор. В южном поле насыпи встречены остатки двух кострищ. По-

гребальное сооружение представляло собой овальную яму размерами 2,18× ×1,85 м, под восточной стенкой которой был сооружен небольшой подбой. В ее заполнении встречались камни, которые перекрывали также часть погребения и жертвенную пищу. Погребенный лежал на спине, головой на восток. Под ним был постелен железный чешуйчатый панцирь и кожаные штаны, покрытые железным панцирным набором. У головы находился шлем, также состоящий из нашитых на кожаную основу железных пластинок. Погребенный опоясан боевым поясом, основа которого покрыта тонкими бронзовыми пластинками. К поясу прикреплен железный меч длиной 48 см с антенным навершием и бабочковидным перекрестием. На мече сохранились следы деревянных ножен. Здесь же, у пояса, находился и деревянный колчан, украшенный бронзовой бляхой с изображением головы лося со стилизованными рогами. В колчане найдено до 200 бронзовых наконечников стрел — трехлопастных, с выступающей втулкой. Рядом с колчаном находилась бронзовая ворварка. Слева от погребенного лежали два железных лавролистных наконечника копий и в полуметре от них — два железных втока. Небольшое расстояние между ними свидетельствует, что копья были предварительно сломаны, а лишь затем положены в могилу. Кроме того, рядом с каждым наконечником копья выявлено по одной ворварке. Справа от скелета находились остатки напутственной пищи — часть скелета молодой лошади, и недалеко от нее — железный нож с костяной ручкой. О. Г. Шапошникова датирует погребение V в. до н. э.

84. Курган примерно этого же времени был исследован у с. Христофоровка [258]. Насыпь над погребением к моменту раскопок уже отсутствовала. Вокруг него прослежен кольцевой ровик диаметром 27 м. В его северо-западной части находились фрагменты амфор, том числе обломок венчика с ручко датируемый VI—V вв. до н. э. Возл восточной части ровика найдена стел из рыхлого известняка высотой 1,5 прямоугольная в сечении. На стеле вы делена голова, плечи, прослеживаетс правая рука, прижатая к сердцу. По гребение совершено в катакомбе, он полностью ограблено. В грабительско ходе, примыкавшем к входной яме, бы ли обнаружены трехгранный наконеч ник стрелы и серебряная пуговица.

85. Погребение в кургане у с. Кон стантиновка также полностью ограбле но [258]. Оно было совершено по невысокой насыпью, в яме подпрямо угольной формы, углы которой ориен тированы по сторонам света. Погребе ние отнесено к рассматриваемому пе риоду на основании датировки обломко амфор, встреченных в заполнении мо гильной ямы.

86. Немногочисленные материалы об наружены в кургане № 2 у с. Тимофе евка [258]. Из инвентаря основного по гребения, которое было совершено овальной яме, ориентированной по ли нии юго-восток — северо-запад, сохра нились только остатки железного па цирного доспеха, обломки амфор, брон зовый трехлопастный наконечник стре лы, характерный для V в. до н. э. и золотые витые проволочки.

87. Скифский курган V в. до н. э. с. Нововасильевки был исследован Ни гульской экспедицией в 1975 г. В на сыпи кургана, окруженной крепидой была обнаружена антропоморфная сте ла высотой около 2 м, на которой изоб ражен мужчина с полным набором во оружения. Погребение было совершено в четырехугольной яме с уступом, на котором сооружены две ниши, запол ненные посудой и костями животных. По краям ямы были воткнуты в землю восемь копий. Эта деталь, впервые за фиксированная в скифских курганах, полностью соответствует описанию

скифского погребального ритуала у Геродота. Скелет лежал на дне вытянуто на спине, головой на запад. При нем обнаружены предметы вооружения, среди которых наибольший интерес представляют фрагменты наборного панциря из бронзовых и железных пластин, античная керамика. Отметим также находку в погребении глиняного лепного светильника [259].

88—95. К числу очень интересных памятников относится Аджигольский могильник, исследованный М. Эбертом неподалеку от Ольвии [244]. Всего здесь было раскопано 12 курганов, основные захоронения в шести из них (1_U, 1_J, 1_G, 1_T, 1_O, 1_R) датируются погребальным инвентарем конца VI—V в. до н. э. [236, с. 47]. Еще два основных захоронения в курганах 1_F и 1_S мы относим к этому же времени предположительно на основании зафиксированного здесь обряда. В нескольких курганах были открыты и впускные погребения, однако И. В. Яценко проследила, что связь между ними и основными погребениями отсутствует [236, с. 46]. Наиболее важным результатом исследования Аджигольского могильника является, пожалуй, открытие целой группы курганов раннего времени и полное их исследование. В связи с этим удалось проследить основные черты, присущие могильнику в целом. Прежде всего к числу таких важных черт относится погребальный обряд. Основные погребения были совершены под невысокими (до 0,7 м) насыпями в прямоугольных ямах, размерами примерно 3×2 м. Могильные ямы были зачастую перекрыты деревянным настилом, а в курганах 1_J и 1_G деревянный настил служил и полом гробницы. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на восток.

К сожалению, погребения ограблены, поэтому полного представления о характере инвентаря каждого кургана мы составить не можем, но характер инвентаря всего могильника в целом вырисовывается достаточно четко. Он вполне соответствует нашим представлениям об инвентаре погребения рядового скифского населения. Наиболее ярко это прослеживается на примере мужских погребений. В них встречен обычный скифский набор вооружения — наконечники стрел; во всех погребениях, кроме одного, наиболее разрушенного, встречены мечи. Показателен набор оружия из кургана 1_G, в котором найдено до 300 бронзовых наконечников стрел, в основном трехлопастные и базисные, железный акинак, два копья и железный чешуйчатый панцирь (рис. 25). Обычным для могильника является наличие в погребениях вещей античного происхождения, причем из-за близости Ольвии их здесь несколько больше, чем в других рядовых памятниках этого времени. В то же время нельзя согласиться с мнением И. В. Яценко о каком-то особом характере данного памятника, который она усматривает прежде всего в отсутствии в погребениях деталей конской узды и сопровождающих захоронений коней, а также в отсутствии напутственной пищи [236, с. 72]. Насколько мы можем судить на основании имеющихся материалов, большинство из которых описано выше, отсутствие конских захоронений и деталей конской узды наблюдается не только в Аджиголе, но и в большинстве других одновременных погребальных памятников рядовых, да и не только рядовых, скифов. Так, погребения коней и конская узда — эти вроде бы обязательные атрибуты скифского конного стрелка из лука, не обнаружены и в таких несомненно воинских погребениях, как погребение у с. Новая Розановка, в кургане № 5 у с. Архангельская Слобода, в погребениях у г. Жданова, у с. Приднепровка и др. Отсутствие коней в рядовых погребениях особенно хорошо прослеживается на массовых материалах могильников более позднего времени — IV—III вв. до н. э., которые

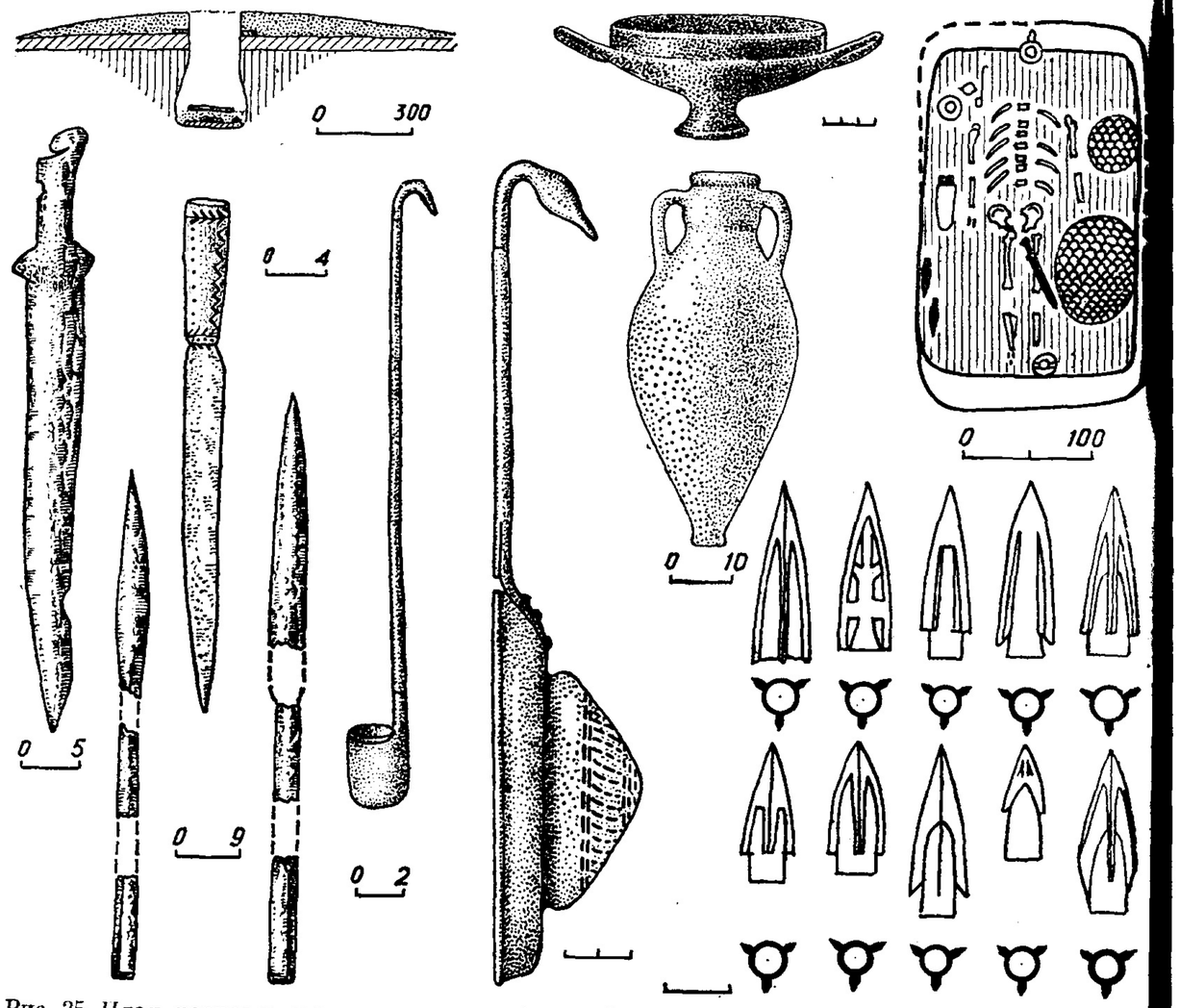

Рис. 25. План, разрез и инвентарь кургана $1_Г$ у с. Аджиголь.

были исследованы сравнительно недавно. Обращаясь к этим материалам, мы видим на примере десятков погребений Никопольского [40], Верхнетарасовского [24], Гайамановского [124, с. 30 и сл.] и других могильников, что обычным для мужских погребений рядовых общинников были такие сопровождающие вещи, как наконечники стрел, меч, копья, изредка защитный доспех. Конская узда встречена в редких случаях, еще реже — погребения коней.

Не совсем соответствует действительности и тезис об отсутствии в Аджигольских погребениях напутственной пищи. В двух погребениях данного могильника, правда, несколько более поздних, чем рассматриваемые нами, обнаружены кости животных с железными ножами на них [244, с. 44, 48].

Учитывая эти обстоятельства, мнение о значительном отличии Аджигольского могильника от других раннескифских памятников нам кажется недостаточно убедительным, хотя отрицать каллипидскую принадлежность данного памятника вряд ли приходится.

96. Очевидно, довольно богатым было еще одно погребение, выявленное в округе Ольвии — у с. Анновки, но сведения о нем довольно скудны. Известно лишь, что в могильнике, расположенном в этом месте, обнаружено великолепное бронзовое зеркало с ручкой, оформленной в виде статуэтки женщины [68, с. 249].

97. Собственно скифское погребение № 12 конца VI—V в. до н. э. раскопано в 1910 г. непосредственно в пределах некрополя Ольвии [69, с. 173—175]. Совершено в прямоугольной яме, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Погребение ограблено. В заполнении могильной ямы обнаружены наконечники стрел — три двухлопастных листовидных, шесть трехлопастных с выступающими втулками и трехгранные со скрытыми втулками. Здесь же находилась известная крестовидная бляха с изображением «пантер» и грифонов, бронзовая застежка колчана в виде прута с кольцевыми утолщениями, обломки железного пожа. Судя по находкам остатков костяка, погребенный был ориентирован головой на северо-восток.

98. Еще одно погребение с ярко выраженными скифскими чертами обнаружено в некрополе Березани — погребение № 371 [68, с. 230]. Совершено в деревянной гробнице, наполовину сожженной. Как отмечает С. И. Капошина, в этом погребении — единственном из всех погребений березанского некрополя — были найдены золотые украшения и железный меч. Золотые украшения она датирует второй половиной VI в. до н. э.

Одесская область. 99, 100. К V в. до н. э. относятся два погребения, открытые в 1972 г. экспедицией под руководством И. Л. Алексеевой [3, с. 252—253]. Одно из них обнаружено в кургане № 1 у г. Арциза. В нем находился скелет воина, сопровождавшийся богатым набором вооружения — бронзовыми шлемами, наборным панцирем, железным мечом с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, помещенным в деревянные ножны с золотыми украшениями в виде головы хищной птицы, железным наконечником копья и бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел. Кроме того, в погребении обнаружены кувшин на кольцевом поддоне, золотое кольцо и золотой предмет в виде усеченного конуса с процарапанным изображением орла. Именно это изделие, аналогичное золотым коническим предметам из курганов V в. до н. э. (Острая Томаковская Могила, курган у с. Ильичево и др.), позволяет установить точную дату описанного комплекса. Основное захоронение в кургане сопровождалось захоронениями коней — в могиле обнаружен целый конский костяк и череп второго коня. На черепах находились железные удила, железные и бронзовые двухдырчатые псалии, бронзовый налобник с изображением орла, серебряные нащечники с изображением хищной птицы, ворварки и различные бляшки.

В кургане у с. Островного, в ограбленном погребении выявлены два бронзовых котла, один из них значительных размеров. В грабительском ходе обнаружены железное тесло, остатки железного панциря и бронзовый трехгранный наконечник стрелы [3].

101. Погребение V в. до н. э. обнаружено также в кургане № 1 группы II у с. Червоный Яр. Курган полностью распахан. Сохранились лишь сложенное из камней кольцо диаметром 21 м и круглая каменная вымостка в центре кольца, под которой прослежена могильная яма размерами 4,5×3,9 по верху. Ниже размеры ямы за счет уступов уменьшаются до 2,5×0,75 м. На уступы опиралось каменное перекрытие. Погребение ограблено. От инвентаря сохранились фрагменты пластинчатого панциря, чернофигурный лекиф, обломки сероглиняного кружаль-

ного сосуда. В 2,4 м от центрального погребения располагалась конская могила размерами 2,08(СЗ—ЮВ)×1×
×0,6 м. При костяке копя обнаружены железные петельчатые удила, бронзовые двухдырчатые S-видные псалии, бронзовые уздечные бляхи [46, с. 186—189].

Итак, мы рассмотрели расположенные на территории степной части Северного Причерноморья скифские погребальные памятники VII—V вв. до н. э., которые и являются основным археологическим источником для изучения архаической Скифии Северного Причерноморья. Число этих памятников едва превышает 100, но все же в пять раз превосходит количество архаических скифских погребений, учтенных И. В. Яценко. Причем количественное возрастание нашей сводки в сравнении со сводкой И. В. Яценко произошло не только за счет новых, до этого неизвестных погребальных памятников, но и за счет включения в нее погребений, расположенных в Ростовской области, в Степном Крыму, на Одесчине, то есть на тех территориях, которые в исследовании И. В. Яценко не рассматривались.

Среди учтенных нами памятников выделены две хронологические группы погребений. Первая включает захоронения VII—VI вв. до н. э. (Темир-Гора, Криворожский, Литой курган, курганы у сел Константиновка, Семеновка, погребение в кургане у г. Константиновска, погребения у Нижних Серогоз, у сел Любимовка, Новоалексеевка, у г. Никополя, у сел Подгородное, Огородное, на Никопольском курганном поле, у с. Новотроицкое, в кургане № 37 группы Широкое II, в Ростове-на-Дону, на Кировском поселении, разрушенные захоронения в бывшем Хоперском округе и у хут. Грушевка). Вторая группа памятников наиболее многочисленная. Их численность достигает 80. В нее входят остальные упомянутые нами в сводке погребения конца VI—V в
до н. э.

Число учтенных нами памятников по
зволяет проследить некоторые законо
мерности в их размещении.

Как известно, Геродот четко опреде
лил границы территории, занятой
Степном Северном Причерноморье соб
ственно скифскими племенами: от Д
ная — на западе, до Дона — на вост
ке. Рассматривая это свидетельство Г
родота, И. В. Яценко пришла к выводу
что археологические данные не позво
ляют согласиться с очерченными «от
цом истории» границами расселения
скифов в северопричерноморских сте
пях [236, с. 115]. Далее она заключила,
что «область расселения скифских пле
мен, захватывая на юге Степной Крым,
ограничивалась бассейнами р. Буг на
западе и р. Молочной на востоке» [236,
с. 100].

Очевидно, это не совсем так. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно
еще раз обратиться к составленной нами по территориально-хронологическому принципу сводке архаических скифских памятников степной части Северного Причерноморья. Как явствует из нее, интересующие нас памятники обнаружены к настоящему времени на всем обширном пространстве северопричерноморских степей от Одесчины на западе до Ростовской области на востоке. Нет ни малейших оснований ограничивать область расселения скифских племен на раннем этапе их истории малым пространством Степного Приднепровья и Приазовья, низводя тем самым Скифию письменных источников до уровня незначительного политического образования, ограниченного узкими географическими рамками.

Вместе с тем мы должны признать, что концентрация скифских архаических памятников на рассматриваемой территории была не всегда и не везде одинаковой. Так, довольно малочисленные памятники древнейшей группы весьма равномерно разбросаны на всем протяжении северопричерноморской степи.

Иначе обстоит дело с погребальными памятниками конца VI—V в. до н. э., подавляющее большинство которых (до 70 %) расположено, как явствует из приведенной сводки, на территории Нижнего Поднепровья и Степного Крыма. Необходимо также отметить, что именно здесь находятся наиболее богатые захоронения — курганы Бабы, Раскопана, Острая Томаковская, Первая Завадская и Чабанцева могилы, Рожновский курган, погребения у сел Архангельская Слобода, Ильичево и др.

Широко известен факт локализации на Нижнем Поднепровье и в Крыму центра Скифии IV—III вв. до н. э. Об этом свидетельствуют богатейшие царские курганы (Чертомлык, Солоха, Гайманова и Толстая могилы) и грандиозное Каменское городище. Приведенные нами данные о концентрации в этих же районах большинства скифских памятников конца VI—V в. до н. э., в том числе и наиболее богатых, доказывают, с нашей точки зрения, что начало формирования этого центра относится ко времени не позднее рубежа VI—V в. до н. э.

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СТЕПНЫХ СКИФОВ В VII—V ВВ. ДО Н. Э.

Вопрос о характере собственно скифского погребального обряда на раннем этапе является одним из весьма важных и в то же время спорных вопросов науки о скифах. К данной проблеме неоднократно обращались многие советские скифоведы, в том числе Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова, М. И. Артамонов, И. В. Яценко, А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская и др. [38, с. 73—75; 7, с. 133; 236, с. 77 и сл; 192, с. 18—20; 59, с. 147 и сл.]. Вместе с тем за последние годы в результате массовых археологических исследований на юге Украины открыты новые погребальные памятники ранних скифов. Материалы, не учтенные в работах названных исследователей, значительно расширили и частично изменили наши представления о скифской культуре VII—V вв. до н. э., в том числе и представления о погребальном обряде, характерном для скифов в это время.

Характеристика погребального обряда

На основании совокупности сведений о скифских погребальных памятниках VII—V вв. до н. э., обнаруженных к настоящему времени на территории Северного Причерноморья, попытаемся охарактеризовать такие особенности скифского погребального обряда, как устройство курганных насыпей, погребального сооружения, положение и ориентировку погребенных и некоторые другие черты заупокойного ритуала.

За исключением ранних погребений в грунтовых могильниках Фронтовое и Михайловский, а также захоронений на Кировском поселении, № 371 некрополя Березани, на о-ве Дубовом и некоторых других, остальные захоронения этого времени подкурганные. В настоящее время на территории степной части Северного Причерноморья известно

чуть более 100 скифских курганных захоронений VII—V вв. до н. э. Из них более 80 дают материал для изучения погребального обряда (см. прил. 1).

До недавнего времени считалось, что основные скифские захоронения появляются лишь с конца VI—V в. до н. э., тогда как в более ранний период погребения впускались в насыпи курганов эпохи бронзы. М. И. Артамонов даже видел в этом одно из доказательств слабости и отсталости скифских племен в VII—VI вв. до н. э.

Однако в действительности положение выглядит несколько иначе. Из 15 древнейших скифских захоронений, данными о которых мы располагаем, пять (курганы на Темир-Горе, у г. Константиновка Ростовской области, Мельгуновский, Криворожский на р. Калитва и курганы у с. Семеновка) несомненно являлись основными, тогда как впускными — десять погребений (курганы в Ростове-на-Дону, у с. Подгородное, № 5 на Никопольском курганном поле, у сел Константиновка, Нижние Серогозы, Любимовка, Новоалексеевка, Новотроицкое, № 37 группы Широкое II, у с. Огородное). Таким образом, вывод об отсутствии основных погребений в VII—VI вв. до н. э. не подтверждается — в этот период была распространена традиция как возведения отдельной курганной насыпи, так и сооружения могилы в насыпи уже существовавшего кургана эпохи бронзы. В связи с относительной немногочисленностью погребений этого времени трудно сказать, какая из традиций преобладала. Однако материалы конца VI—V в. до н. э. демонстрируют относительное и абсолютное возрастание количества основных погребений. В это время погребения, впущенные в насыпи доскифских курганов, составляют лишь около трети всех учтенных нами памятников. Следует отметить, что на рубеже V—IV в. до н. э. появляется и широко распространенный позже обычай впускать погребение в насыпи уже существовавших скифских курганов. Именно рубежом V—IV в. до н. э. датируется впускное погребение в кургане № 5 у с. Архангельская Слобода, в котором основным было также скифское захоронение, совершенное в яме с подбоем.

Немаловажен вопрос и о типах погребальных сооружений, бытовавших в раннескифский период. На наш взгляд, можно выделить следующие основные типы: грунтовая яма, грунтовая яма с деревянными конструкциями; яма, перекрытая камнем; деревянный склеп в яме, деревянный склеп на поверхности; каменная гробница и катакомба. Рассмотрим данные типы.

Погребения в грунтовых ямах. Это наиболее многочисленный тип, составляющий более половины всех учтенных сооружений. Подавляющее большинство ям имеют вытянутую прямоугольную форму и незначительные размеры, примерно 1×2 м. Глубина таких ям обычно не превышает 1,5 м (погребения в курганах у с. Верхняя Тарасовка, № 7 у г. Жданова и др.). Известно и несколько овальных ям приблизительно таких же размеров. Так, например, впускное погребение в кургане № 4 у с. Мартыновка было совершено в вытянутой овальной яме шириной 0,7 и длиной 2,2 м. Несколько бо́льшими размерами отличаются ямы, форма которых приближается к кругу или квадрату. Среди них — прямоугольные ямы Аджигольского могильника (в среднем 3×2 м), квадратные ямы в курганах у г. Константиновска (3×3 м), № 12 у шахты № 22 в Орджоникидзе (2,4×2,5 м) и овальная на Темир-Горе (3×4 м). Наибольшей оказалась яма, открытая Н. Ф. Ковалевой в кургане № 1 группы V у с. Подгородное на Днепропетровщине. Размер ямы достигал 6×6,4×3,8 м.

Если небольшие по размеру ямы обнаружены в основном под насыпями

доскифских курганов, то погребения в ямах бо́льших размеров во всех случаях являются основными.

Зачастую ямы перекрывались деревом. Особенно четко такие перекрытия прослежены в Аджигольских курганах, в кургане у шахты № 22, у г. Константиновска и др. Так, в Аджигольских курганах 1_J, 1_U, 1_G перекрытия представляли собой несколько поперечных балок, на которые вдоль длинной оси ям были плотно уложены доски толщиной 2—3 см. Ямы в курганах у шахты № 22 и у г. Константиновска были перекрыты бревенчатым накатом, который поддерживался четырьмя столбами, вкопанными по углам ям. Важной деталью обряда является то, что в курганах у г. Константиновска и у с. Подгородное деревянные перекрытия были частично сожжены.

В Аджигольских курганах 1_J, 1_G перекрытия дополнялись деревянным настилом на дне ямы.

Говоря о ямах с деревянными конструкциями, необходимо упомянуть и курганы, раскопанные Д. Я. Самоквасовым на р. Конка у с. Новогригорьевка. Здесь им было исследовано пять погребений, являвшихся основными в курганах и совершенных в квадратных и прямоугольных ямах, перекрытых деревянным накатом, поверх которого иногда лежал слой камней. Из инвентаря упоминаются «треугольные» бронзовые наконечники стрел, железные наконечники копий, фрагменты наборного панциря, бронзовый котел и др. К сожалению, обнаруженные предметы не сохранились, поэтому точную датировку этих курганов установить невозможно. Однако конструкция погребальных сооружений — ямы с деревянными перекрытиями,— характерная для раннего времени, позволяет, с нашей точки зрения, отнести эти памятники ко времени не позднее V в. до н. э.

Очевидно, число ям с деревянными конструкциями было бо́льшим, чем учтено нами (18 случаев, считая курганы у с. Новогригорьевка), но из-за плохой сохранности погребальных сооружений данные конструкции не всегда удавалось зафиксировать.

Иногда для перекрытия ям использовался камень. Например, над погребением V в. до н. э., впущенным в насыпь кургана № 4 у с. Ильичевка (Крым), была обнаружена каменная плита, являвшаяся частью разрушенного перекрытия. Над погребением в кургане на Темир-Горе и у с. Волошское были выявлены завалы камней.

Деревянные гробницы. Этот тип погребальных сооружений сравнительно малочислен. Всего нам известно восемь достаточно достоверных случаев *. К сожалению, большинство этих памятников было обнаружено в результате случайных раскопок, поэтому сведений о конструкции гробниц зачастую нет. Все же можно определить, что обнаруженные в степи деревянные гробницы подразделяются на две категории — склепы, сооруженные в ямах, и склепы, построенные на поверхности.

К числу первых относится конструкция в кургане V в. до н. э. у с. Большая Знаменка, где Д. Я. Самоквасов открыл погребение в грунтовой яме, по углам которой были зафиксированы ямки от столбов, а вдоль стен обнаружены канавки, в которых, вероятно, первоначально были укреплены доски, облицовывавшие стенки ямы. Иначе говоря, в данном случае мы имеем дело со столбовой гробницей, конструкция которой находит многочисленные аналогии в курганах Лесостепи (№ 401—403 у с. Журовка, № 33 у с. Бобрица, № 52 у Смелы и др.), где подобные сооружения датируются в основном V в. до н. э. [149, с. 15].

* В статье, посвященной погребальному обряду ранних скифов [135], нами было описано семь случаев, поскольку не была учтена только что открытая деревянная гробница в кургане № 7 группы X у с. Подгородное.

Еще одна столбовая гробница V в. до н. э. была зафиксирована у г. Орджоникидзе в Первой Завадской Могиле. Она сооружена в обширной яме размерами 5×5×4,2 м. Сохранились остатки деревянного перекрытия, угловых столбов и облицовки стен.

Весьма сложное и необычное по конструкции деревянное сооружение было открыто в кургане № 7 группы X у с. Подгородное (V в. до н. э.). Могильная яма, облицованная вертикально установленными плахами, была перекрыта двумя рядами бревен. Над перекрытием, на площади 14,5 м², зафиксированы радиально уложенные стволы деревьев. Мощность слоя дерева достигала 1 м. Облицовка стен ямы, перекрытие и «шатер» над ним были сильно обожжены. Не вызывает сомнения, что радиально уложенные над перекрытием бревна не были специально построенной крышей, а предназначались именно для увеличения силы огня, являясь основанием огромного погребального костра *.

Остатки такого же костра были выявлены и в кургане V в. до н. э. у с. Медерово, где радиально уложенные, очевидно конусом, бревна окружали десятистолбовую деревянную гробницу. В отличие от описанных ранее случаев здесь гробница была сооружена не в яме, а на подкурганной поверхности.

Раскопки Медеровского кургана помогли понять конструкцию погребальных сооружений еще двух архаических памятников — курганов Криворожского на р. Калитва и знаменитого Литого (Мельгуновского), датируемых рубежом VII—VI в. до н. э. Дошедшие до нас немногочисленные детали — обожженная насыпь, наличие обугленных человеческих костей и т. д., дают основание полагать, что и здесь погребения были совершены в сожженных деревянных гробницах, сооруженных, очевидно, на уровне поверхности.

Завершают список деревянных гробниц Степного Северного Причерноморья два деревянных сооружения, данные об устройстве которых практически отсутствуют.

В 1902 г. у г. Никополя местными крестьянами был разрушен курган, под насыпью которого находилась деревянная гробница. Судя по найденным здесь бронзовым налобникам и пащечным пластинам келермесского времени, курган относится к VI в. до н. э.

К числу скифских погребальных комплексов, по-видимому, следует отнести и погребение № 371 некрополя Березани. Погребение находилось в деревянном полусожженном срубе и единственное из всех захоронений острова содержало железный меч и золотые украшения, которые датируют этот комплекс временем не ранее середины VI в. до н. э.

Таким образом, в VII—VI вв. до н. э. в степных районах Северного Причерноморья сооружались деревянные гробницы в ямах и на поверхности. Пять гробниц подвергались воздействию огня. При сожжении гробниц, по-видимому, широко практиковалось устройство громадных погребальных костров из радиально уложенных бревен. Из восьми учтенных склепов шесть несомненно были связаны с основными захороне-

* Сознавая всю условность аналогий между столь удаленными друг от друга хронологически и территориально памятниками, вспомним все же конструкцию деревянного сожженного таштыкского склепа № 2 могильника Тепсей III, в котором, согласно интересным наблюдениям Л. Н. Баранова, «мест поджогов или очагов внутри не оказалось... После выполнения реконструкции стало очевидным, что изнутри склеп не поджигался. Он загорелся от огромного костра, разведенного на насыпи. От высокой температуры бревенчатый накат тлел, деформировался и рухнул, засыпав раскаленным грунтом камеру. Вертикальные столбы, верхние бревна и тын, уже сильно прогретые, частично обгорели и вспыхнули. Температура оказалась настолько высокой, что примыкающие к тыну плиты девонского песчаника расплавились, потекли и оплаковались» [14, с. 164—165].

ниями. О склепе из Никополя данных нет. Над срубом из Березани курганная насыпь отсутствовала. Достоверно неизвестна ни одна деревянная гробница, которая была бы сооружена во впускном погребении. Этот факт вполне объясним, поскольку именно в деревянных гробницах были сооружены такие выделяющиеся по богатству погребения, как захоронения в курганах Мельгуновском, Первой Завадской Могиле, Криворожском на р. Калитва, в некрополе Березани. К сожалению, погребения в Медерово, у сел Большая Знаменка, Подгородное и у г. Никополя были основательно ограблены. Однако не вызывает сомнения, что и здесь были захоронены достаточно знатные представители скифского общества.

Каменные гробницы. Обнаружены в основном на территории Керченского п-ова. К их числу прежде всего относятся каменные плитовые гробницы Нимфейского некрополя. Конструкция данных гробниц не ясна.

Мало мы знаем и об устройстве гробницы в 5-м Ак-Бурунском кургане. Судя по цитируемому в работе Э. В. Яковенко отчету А. Е. Люценко, раскопавшего этот памятник, это была плитовая гробница с плоской крышей, скорее всего, каменный ящик [233, с. 67].

Разрушенный каменный ящик был зафиксирован и в погребении № 6 кургана № 1 у с. Ильичево, откуда происходит набор золотых предметов V в. до н. э. От ящика сохранилась нижняя южная стенка длиной 1,9 м, состоящая из трех плит.

Еще одно погребение, совершенное в каменном ящике, впущенном в насыпь кургана эпохи бронзы, известно на Херсонщине у с. Любимовка. Обнаруженные здесь наконечники стрел позволяют датировать этот комплекс временем не позднее VI в. до н. э.

Таким образом, единственным твердо зафиксированным типом скифских каменных гробниц архаического времени являются каменные ящики, которые встречены в основном на территории Восточного Крыма. В. С. Ольховский склонен объяснять это явление влиянием погребальных обрядов местного доскифского населения (тавров или киммерийцев) на обитавших в Крыму скифов [142, с. 13—14]. Однако факт исследования каменного ящика, содержащего погребение VI в. до н. э. у с. Любимовка Херсонской обл., свидетельствует, что традиция сооружения каменных ящиков бытовала не только в Восточном Крыму. Широкое распространение каменных гробниц на территории Керченского п-ова объясняется прежде всего природными условиями этой территории. В этом мы полностью согласны с мнением Э. В. Яковенко [233, с. 59].

Катакомбы. Вопрос о распространении у скифов этого типа погребальных сооружений представляет значительный интерес. Древнейшие скифские катакомбы датируются VI в. до н. э. К этому времени относятся пока три из известных нам погребальных сооружений. Это катакомбы в курганах у сел Нижние Серогозы, Новотроицкое на Херсонщине, и в кургане № 5 на Никопольском курганном поле. Учитывая их первостепенное значение, опишем эти памятники подробнее.

Катакомба у с. Нижние Серогозы представляла собой яму с подбоем, впущенную в насыпь кургана эпохи бронзы. Размеры ямы 2,2×1,5 м. Подбой, сооруженный вдоль южной, длинной стенки ямы, был заложен деревом.

Погребение у с. Новотроицкое, также впущенное в насыпь более раннего кургана, было, к сожалению, разрушено позднекочевническим захоронением. Все же удалось проследить, что размеры ямы, ориентированной по линии запад — восток, достигали 3,2×1,1 м. Глубина ямы 1,7 м. Дно подбоя, расположенного под южной стенкой, было на 0,4 м глубже дна входной ямы. От

инвентаря погребения сохранился трехлопастный листовидный наконечник стрелы, который позволяет датировать погребение VI в. до н. э.

Катакомба, выявленная на Никопольском курганном поле (погребение 12 кургана № 5 группы «Сирко»), также представляла собой яму с подбоем, впущенную в насыпь кургана эпохи бронзы. Размеры ямы 2,5×1,15 м. Следует отметить, что в данном случае подбой и входная яма были соединены между собой небольшим дромосом длиной 1 м.

В погребении у с. Нижние Серогозы и на Никопольском курганном поле инвентарь малочислен. К сожалению, данных о составе заупокойных даров в захоронении у с. Новотроицкое нет.

Начало массового появления катакомб, господствовавших в степи в IV — III вв. до н. э., относится к V в. до н. э. Известно восемь катакомб этого времени. Однако возрастающее значение катакомбных могил с V в. до н. э. прослеживается, по нашему мнению, не столько по их количественному росту, сколько по качественным изменениям в их характеристике. Во-первых, пока все обнаруженные катакомбные захоронения этого времени — основные в курганах. Во-вторых, именно в катакомбах совершены такие богатые погребения знатных скифов, как погребения в курганах Раскопана Могила и Бабы *. Этот факт свидетельствует, что в указанный период традиция сооружения катакомб проникает в среду самых различных, в том числе господствующих, слоев скифского общества, начиная вытеснять распространенный ранее обычай сооружения ям и склепов.

Наконец, о развитии и распространении катакомб в рассматриваемое время свидетельствует появление наряду с катакомбами, в которых сооружен подбой, катакомб с развитыми погребальными камерами. Последние обнаружены в одном из курганов группы Испановых Могил и в кургане у с. Христофоровка. Особый интерес представляет первая. Погребальное сооружение в ней состояло из входной ямы и двух камер — западной и южной. Одна из камер предназначалась для захоронения умершего, а вторая скорее всего имела хозяйственное назначение. В этом отношении погребальное сооружение напоминает многокамерные катакомбы в таких богатых курганах более позднего времени, как Чертомлык, Солоха, Мордвиновский и др.

Все это позволяет с уверенностью констатировать, что основные типы катакомбных могил IV—III вв. до н. э. складываются в более ранний период, а именно в V в. до н. э.

Остановимся на положении и ориентировке скелетов погребенных. Как видно из материалов, данные для рассмотрения этого вопроса дают около 40 погребений, из них 9 относятся к VII—VI вв. до н. э. Первое, что обращает на себя внимание при характеристике данной стороны погребального ритуала,— довольно многочисленные для этого периода отклонения от характерной для скифов традиции хоронить умерших в вытянутом положении на спине. Так, в кургане г. Константиновска Ростовской обл. был обнаружен скелет мужчины, лежащий на спине, с подогнутыми ногами. В погребении на Никопольском курганном поле (курган № 5 группы «Сирко») погребенный лежал ничком. В погребении у с. Константиновка на Запорожье кисть правой руки погребенного находилась на костях таза, а левой — у подбородка. Наконец, в погребении у с. Нижние Серогозы скелет лежал на левом боку с поджатой к груди головой.

В то же время в более поздний период из более чем 30 учтенных нами

---

* Причисляя погребальные сооружения в курганах Бабы и Раскопана Могила к числу катакомб, мы опираемся на убедительные выводы И. В. Гуденко [236, с. 58 и сл.; 68 и сл.].

погребений, в которых положение умерших известно, лишь в одном зафиксированы элементы скорченности. Это погребение 2 в кургане № 15 у с. Танковое, где скелет находился на левом боку с подогнутыми ногами. Отметим, что все погребения, упомянутые выше, за исключением погребения у г. Константиновска, впущены в насыпи курганов эпохи бронзы и сравнительно бедны по инвентарю.

Как известно, скелеты с элементами скорченности встречаются и в курганах IV в. до н. э., но в большинстве случаев они сопровождающие в богатых могилах и, по мнению большинства ученых, принадлежат рабам основного погребенного [196, с. 9 и сл.]. Однако упоминавшиеся нами скелеты с элементами скорченности из погребений VII—V вв. до н. э. обнаружены в отдельных могилах. При них выявлен хотя и скромный, но вполне обычный для рядовых скифов инвентарь, а при погребенном в кургане у с. Танковое обнаружен даже череп коня с частями узды. Все это свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с погребениями свободных общинников. Скорее всего наличие элементов скорченности в архаический период объясняется какими-то пережиточными явлениями более раннего времени, о чем может свидетельствовать наибольшее распространение такого положения скелетов в VII—VI вв. до н. э.

Следует отметить и некоторые моменты, связанные с ориентировкой погребенных. Преобладает широтная ориентировка с отклонениями к югу или северу. Меридиональная применялась как исключение и зафиксирована всего лишь в двух случаях — в кургане № 1 у с. Подгородное и в Первой Завадской Могиле, где погребенные ориентированы головой на юг. Показательно и то, что скелеты из известных могил древнейшего периода, ориентировку которых можно проследить, лежат головой на запад, иногда с отклонениями. Вместе с тем с конца VI в. до н. э. широкое распространение получает и восточная ориентировка (см. прил. 1).

При исследовании архаических погребений иногда удавалось проследить, что скелеты лежали на растительной подстилке. Следы камыша, например, были зафиксированы в одном из погребений у с. Ильичево. В погребении у с. Новая Розановка скелет покоился на разостланном панцире. На защитных доспехах, разостланных в дубовой колоде, диаметр которой достигал 1,5 м, лежал скелет в одном из курганов, расположенных возле с. Александровка на Днепропетровщине. Иногда погребенных укладывали на деревянные настилы. Как мы уже упоминали, такие настилы прослежены на дне ям Аджигольских курганов, в Первой Завадской Могиле. Известны захоронения в гробовищах. Остатки таких гробовищ из обожженных плах были выявлены в курганах у с. Подгородное Днепропетровской обл. В нимфейских курганах умершие в результате влияния греческого обряда находились в деревянных саркофагах.

Описывая погребальный обряд, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что пока мы не располагаем твердо установленными фактами о наличии сопровождающих человеческих захоронений в архаическое время. Существование этого обряда косвенно подтверждается рассказом Геродота о похоронах царя (Геродот, IV, *71*), а также материалами погребения № 1 (1868 г.) некрополя Нимфея, где было встречено два скелета, и разрушенного погребения V в. до н. э. у г. Днепрорудного, где были погребены, судя по инвентарю, мужчина и женщина. С нашей точки зрения, отсутствие твердо зафиксированных сопровождающих захоронений можно объяснить лишь ограблением и значительными разрушениями наиболее богатых архаических захоронений, то есть именно тех, где могли быть обнаружены человеческие жертвоприношения.

Гораздо больше данных о сопровождающих конских захоронениях. Они, как правило, обнаружены в наиболее богатых скифских погребениях архаической поры. Единственным рядовым погребением, где была обнаружена часть костяка коня с деталями узды, является упоминавшееся выше погребение у с. Танковое. Говоря о конских сопровождающих захоронениях, хотелось бы остановиться на следующем моменте. По наблюдениям И. В. Яценко, отличительной особенностью архаических погребений по сравнению с более поздним временем является отсутствие захоронений коней, совершенных в отдельных могилах [236, с. 71]. Но материалы не подтверждают этот вывод. Отдельные конские могилы встречены в 5-м Ак-Бурунском кургане, в Первой Завадской Могиле, в кургане группы Испановых Могил, в Нимфейских курганах. Однако обнаружены и погребения коней, совершенные непосредственно в основной гробнице. К их числу, в частности, относится конское захоронение в кургане № 1 у с. Подгородное, интересное тем, что площадь могильной ямы достигала 30 м^2. Сооружение ямы таких значительных размеров и было, по-видимому, продиктовано совместным погребением воина и его коня.

Кратко остановимся на характеристике курганных насыпей. К сожалению, материалов по этому вопросу очень мало. Размеры насыпей, так же, как и в более позднее время, самые разнообразные — от едва заметных до весьма значительных, высотой 4—5 м. Однако такие грандиозные насыпи, как в Чертомлыке, Солохе, Александропольском кургане и над другими царскими погребениями IV—III вв. до н. э., в архаическое время пока неизвестны. Насыпи сооружались из грунта, смеси грунта и камней или только камня. В некоторых случаях зафиксированы такие конструктивные особенности, как обкладка насыпи камнями (курган у г. Ногайска, Первая Завадская Могила, Чабанцева Могила). Иногда курганные насыпи окружались ровиками. Последние были прослежены в кургане у г. Константиновска, Первой Завадской Могиле, в кургане у с. Христофоровка, курганах у с. Ковалевка.

Кроме курганных погребений, в раннескифское время, как уже говорилось выше, существовали и грунтовые погребения. Среди них уже упоминавшиеся нами погребения на о-ве Дубовом, на Кировском поселении, грунтовые захоронения в могильниках у сел Фронтовое и Михайловка. Погребальные сооружения этих памятников в основной массе мало чем отличаются от сооружений, зафиксированных в рядовых скифских курганах и представляют собой небольшие узкие ямы. В могильниках Фронтовое и Михайловском ямы были перекрыты каменными плитами. В последнем удалось проследить, что каменные перекрытия лежали на деревянном настиле. Костяки погребенных вытянуты на спине или скорчены. Преобладает западная ориентация. Таким образом, на примере данных памятников можно утверждать, что в раннескифское время существовали не только курганные некрополи, но и бескурганные погребения.

И. В. Яценко, рассмотрев погребальный обряд описанных ею памятников архаического времени, попыталась на его основании выделить локальные варианты скифской культуры в степной части Северного Причерноморья [236, с. 71—75]. Она наметила следующие районы с такими присущими им, с ее точки зрения, особенностями.

1. Район Бугского лимана. Основной памятник — Аджигольский могильник. Характерные черты: господство основных погребений, в то время как в других районах они появляются позже;

устойчивый тип погребальных сооружений — яма, перекрытая деревом; ориентировка скелетов — восточная; отсутствие мясной напутственной пищи и захоронений коней.

2. Нижнее Поднепровье. Предположительной чертой, характеризующей этот район, должны быть утрамбованные площадки над погребениями.

3. Приазовье. Преобладание впускных погребений; западная ориентировка умерших; наиболее раннее появление катакомб (имеется в виду погребение у Нижних Серогоз).

4. Степное Правобережье Днепра, район днепровских порогов. Бескурганные погребения (о-в Дубовой) или погребения под каменными насыпями; ориентировка западная.

Не имея возможности подробно остановиться на характеристике предложенных И. В. Яценко локальных вариантов, отметим лишь, что в выделении данных районов сыграло в свое время большую роль то обстоятельство, что число учтенных И. В. Яценко погребений было незначительным. В этих условиях индивидуальные черты отдельных погребений воспринимались как характерные черты целого района, в котором были обнаружены эти погребения. Иногда имели место и просто ошибки. Так обстоит дело с выделением в особый район Нижнего Поднепровья на основании гипотетических «утрамбованных площадок».

Выделение локальных вариантов на основании погребального обряда не подтверждается современными материалами. По крайней мере на основании доступных сейчас для нас данных такое выделение не представляется возможным, что явствует из приведенной нами выше сводки памятников. Действительно, скифский погребальный обряд архаического времени достаточно сложен. Для него характерны несколько типов погребальных сооружений (ямы, катакомбы, гробницы на поверхности и др.), которые, в свою очередь, отличаются размером, устройством и использованным материалом; курганные и грунтовые погребения; различная ориентировка погребенных и др. С этой точки зрения мы можем говорить о разнообразии форм погребального обряда. Вместе с тем все черты и отдельные элементы обряда встречаются, и достаточно равномерно, на всем протяжении причерноморской степи. Наличие отдельных особенностей погребального ритуала на конкретных, узких территориях, например более широкое использование камня при строительстве погребальных сооружений в Крыму, не противоречит этому выводу, поскольку они вызваны не этническими или социальными различиями в составе населения определенного района, а, как мы уже писали выше, прежде всего местными природными условиями.

Объяснение многообразию форм погребального обряда в эпоху архаики, в частности существованию различных форм погребальных сооружений, следует искать, с нашей точки зрения, не в попытке привязать отдельные элементы к отдельным районам, а, во-первых, в социальной структуре скифского общества и соответствии различных типов погребальных сооружений различным слоям этого общества, и, во-вторых, в генетических корнях, происхождении скифского погребального обряда.

Происхождение раннескифского погребального обряда

Вопрос о происхождении скифского погребального обряда может быть решен лишь в результате сравнения черт погребального обряда северопричерноморских скифов с обрядом предшествующего, доскифского времени на этой же территории и с обрядом соседних скифам племен.

Попытки связать погребальный обряд степных скифов Северного Причерноморья с доскифским предпринимались не раз [7, с. 134—149; 41, с. 64; 96, с. 90—91]. Большое внимание этому вопросу уделяла В. А. Ильинская [58, с. 71—74]. Однако в связи с недостаточной изученностью в тот период как позднейших срубных, белозерских погребальных памятников, так и непосредственно предскифских памятников черногоровского и новочеркасского типов, в работе В. А. Ильинской были использованы в основном материалы срубных погребений Северного Донца из раскопок В. А. Городцова, которые относятся к весьма раннему этапу срубной культуры, и отделены, таким образом, от раннескифского времени значительным хронологическим периодом. В настоящее время в результате исследования таких белозерских памятников, как могильники у сел Широкое и Степное [96, с. 76—77; 147], открытия таких позднейших предскифских погребений, как захоронения в Зольном кургане [229], в Высокой Могиле [19], в курганах у сел Енджа [164, с. 97—102] и Белоградца [204] и др., благодаря выходу в свет работы А. И. Тереножкина «Киммерийцы» [198], в которой сведены все основные данные о культуре типа Черногоровки и Новочеркасского клада, мы можем представить позднейший предскифский погребальный обряд намного четче.

На территории известного белозерского грунтового могильника у с. Широкое в настоящее время открыто более 100 погребений. Захоронения совершены в прямоугольных ямах в скорченном положении, головой на юг. Несколько квадратных ям имеют бóльшие размеры. Над ними выявлены перекрытия из камки и дерева, опиравшиеся на четыре столба, вкопанных по углам ям.

Недавно открытый могильник у с. Степное состоит из 13 курганов, в которых выявлено 14 погребений. Все погребения основные. Совершены в могильных ямах, размер которых достигал иногда 3,65×3,2 м. Ямы перекрыты деревом и камышом. В курганах № 2, 9, 10 прослежены остатки вертикальных досок, облицовывавших стенки ям. Концы досок укреплялись в вырытых вдоль стен канавках. В четырех ямах обнаружены столбовые конструкции. Большую роль в погребальном ритуале играл огонь. Так, в кургане № 11 зафиксирована сожженная конструкция, часть некоторых плах перекрытия была обуглена.

Уникальным памятником белозерского времени является курган Широкий, раскопанный Н. И. Веселовским [93, с. 200, сл.]. Под насыпью кургана обнаружены две могильные ямы. Центральная, размерами 3,2×3,1×1,8 м, была перекрыта накатом. Под стенками были выкопаны канавки, по-видимому, служившие для закрепления деревянной облицовки. По углам выявлены столбовые ямки. Стенки второй могилы (4,25×4,25×0,7 м) были обложены обгоревшими деревянными плахами.

Основная масса погребений Черногоровского этапа позднейшей предскифской культуры впущена в насыпи более ранних курганов и совершена в узких (0,8—1,1 м) прямоугольных и овальных ямах длиной до 1,8 м [198, с. 92]. Бóльшие размеры имела яма в погребении № 5 кургана Высокая Могила, в которой был обнаружен деревянный сруб из одного венца [19, с. 151]. В кургане у с. Березка стенки могильной ямы были обшиты деревом, по углам располагались четыре столба, которые поддерживали деревянное перекрытие [92, с. 37]. Стенки квадратной ямы у с. Суворово на Одесчине были обложены камнем. Сверху яма перекрывалась деревом [221, с. 33]. В черногоровское время известны и подбойные могилы. Они зафиксированы у с. Суворово Одесской обл., у сел Ковалевка, Калиновка и Новая Одесса на Николаевщине [221, с. 31—33; 198,

с. 93]. Скелеты в черногоровских погребениях скорчены, на боку. Ориентация неустойчивая — встречается как широтная, так и меридиональная с отклонениями [198, с. 93—94].

В новочеркасское время по-прежнему широко распространены погребения в прямоугольных и овальных ямах, перекрытых деревом. Продолжают сооружаться ямы с подбоем [198, с. 98]. Известны деревянные гробницы с вертикальной обкладкой стен деревом. Одна из них, наиболее хорошо сохранившаяся, зафиксирована в кургане Зольном под Симферополем [229, с. 57—58], другая — в погребении № 5 кургана № 40 у с. Софиевка Херсонской обл. [128, с. 75—76]. В этот же период обычной становится ориентировка головой на запад. Зафиксированы случаи погребения в вытянутом положении на спине [198, с. 98]. Появляются сопровождающие конские захоронения. Два таких захоронения были обнаружены в кургане Гиреева Могила у г. Аксай [114, с. 38].

Таким образом, мы можем констатировать, что основные черты скифского погребального обряда архаического периода — захоронения в ямах различных размеров, деревянные перекрытия над ними, обкладка стен ям деревом, столбовые гробницы, сожжение деревянных конструкций, каменные гробницы, подбойные могилы, западная ориентировка погребенных, сопровождающие конские захоронения — все это в той или иной степени находит достаточно близкие аналогии в памятниках белозерского времени, а также в генетически связанных с ними памятниках типа Черногоровки — Новочеркасского клада, идентифицированных А. И. Тереножкиным с памятниками исторических киммерийцев. Но значит ли это, что погребальный обряд ранних скифов Северного Причерноморья прямо и непосредственно наследует традиции предскифского периода? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует, в свою очередь, сравнить скифский погребальный обряд VII—V вв. до н. э. с одновременным ему обрядом племен, обитавших на соседних территориях.

Наиболее близок погребальному обряду, характерному для скифов степной полосы Северного Причерноморья архаического времени, погребальный обряд скифских племен степных районов Прикубанья и Северного Кавказа. К настоящему времени на этой территории, простирающейся к востоку от Дона, известна целая серия памятников VII—V вв. до н. э., таких, как Келермесские и Ульские курганы, курганы у хуторов Красное Знамя под Ставрополем и Степной, у сел Червленское и Гойты в Чечено-Ингушетии и др. Скифская принадлежность ряда этих памятников (курганы у хут. Красное Знамя, сел Степное, Червленское, Гвардейское и др.) в археологической литературе сомнению не подвергалась. Другие памятники, например Келермесские, Ульские, Гойтинские курганы, некоторые ученые связывают с иными, не скифскими этническими элементами. Останавливаться сейчас на этом вопросе у нас нет возможности, тем более что он рассматривался нами в одной из предыдущих работ [131]. Однако именно близость погребального ритуала, зафиксированного в этих памятниках, погребальному обряду степных скифов Северного Причерноморья служит одним из доказательств принадлежности прикубанских и северокавказских кочевнических погребений VII—V вв. до н. э. ираноязычным скифам.

Действительно, если сравнивать данные о погребальном ритуале, характерном для степей Северного Кавказа и Северного Причерноморья, мы получим следующую картину. Всего на территории Прикубанья и Северного Кавказа нам известно более 20 погребений, о погребальном ритуале которых имеются достаточно достоверные сведения. В большинстве этих захоронений погребены представители знати, поэтому неудивительно, что подавляющее большинство погребений в курганах — основные, исключение составляют два впускных погребения V в. до н. э., открытых в 1968 г. А. Л. Нечитайло в Ставропольском кургане *. Сведениями о конструкции насыпи над основными погребениями мы почти не располагаем. Известно лишь, что вокруг таких курганов, как курганы у хут. Степного [28, с. 258 и сл.], Гойтинский № 4 [112], № 1 у хут. Красное Знамя [150; 151], были сооружены кольцевые рвы, причем в двух последних случаях они дополнялись также и кольцевыми земляными валами. Насыпь самого большого из названных курганов — кургана № 1 у хут. Красное Знамя — была укреплена каменной крепидой и несколькими концентрическими рядами плетня, вкопанными в погребенную почву вокруг основного погребения. Следы подобной ограды из плетня выявлены вокруг центрального погребения Гойтинского кургана № 4.

Погребения совершались на горизонте и в ямах, причем соотношение тех и других примерно равное. В первом случае — при погребении на горизонте, на уровне древней поверхности сооружалась каменная или деревянная гробница. Так, очень интересный и сложный комплекс, построенный из камня на уровне горизонта и включавший центральную каменную гробницу, был зафиксирован в кургане № 1 у хут. Красное Знамя. Близкая, хотя и более простая планировка могильных сооружений зафиксирована в Гойтинском кургане № 4. Основное погребение здесь было совершено в деревянном срубе размерами 3×2,8 и высотой 0,8 м. За пределами сруба между двумя деревянными плахами было выявлено сопровождающее захоронение рабыни. Третье захоронение — конское — помещалось к западу от центрального.

В деревянном срубе, сооруженном на уровне материка, совершено и погребение в Мескер-Юртовском кургане V в. до н. э. [26, с. 100—101]. В кургане у хут. Степного погребение размещалось в могильной яме размерами 2,2×2× ×0,4 м, стенки которой были обложены бревнами [28, с. 258]. Незначительная глубина ямы может свидетельствовать в пользу того, что данное сооружение представляло собой деревянный склеп, находившийся на поверхности и лишь незначительно впущенный в древнюю почву. Упомянем также сожженное деревянное сооружение Костромского кургана [139, с. 11—13], конструкция которого, в частности шатровое перекрытие склепа, считалась уникальной. Разгадать смысл загадочного шатра помогли исследования уже упоминавшегося Медеровского кургана, в ходе которых выяснилось, что шатер в виде радиально положенных бревен являлся основанием огромного погребального костра.

Погребения в ямах зафиксированы в Келермесских курганах, ряде курганов у хут. Красное Знамя и с. Гойты. Огромными размерами отличаются могильные ямы Келермесса — их площадь составляет приблизительно 100 м² и более. Над ямами сооружены деревянные перекрытия, опиравшиеся на столбовые конструкции. В центре ям помещалось основное погребение, а в стороне — вдоль стенок — размещались захоронения коней [140, с. 85—95]. К сожалению, такие грандиозные гробницы, как Келермесские, на территории Северного Причерноморья пока неизвестны. Вместе с тем более скромные, но близкие по конструкции могильные сооружения зафиксированы, например, в таких уже упоминавшихся памятниках, как курганы у с. Подгородное и Первая Завадская Могила. Кроме того, нельзя не отметить почти полное соответствие по-

* Любезное сообщение А. Л. Нечитайло.

гребальных сооружений Келермесса могилам скифских царей, описанным у Геродота (Геродот, IV, *71*). Грунтовые ямы меньших размеров, перекрытые деревом, обнаружены также в Гойтинских курганах № 1, 2, 3, 5 [112, с. 163—166, 168—170]. В кургане № 7 у хут. Красное Знамя могильная яма была перекрыта каменными плитами, опиравшимися на четыре столба. Камнем обложена и одна из стенок ямы [152].

Значительную роль в погребальном ритуале играл огонь. Следы горения обнаружены в Гойтинских курганах № 1 и 5, сожжение деревянной гробницы имело место в Костромском кургане, разрушенное трупосожжение на горизонте зафиксировано в Гойтинском кургане № 6.

Большинство погребений индивидуальные. Парное захоронение обнаружено лишь в Ставропольском кургане 1953 г. [123, с. 329—331]. Во всех известных случаях скелеты лежали вытянуто на спине, причем преобладала восточная ориентировка, известная в архаическое время и у скифов Северного Причерноморья.

Сопровождающие захоронения коней зафиксированы в 14 случаях. Так же, как и в районах к западу от Дона, на территории Северного Кавказа и Прикубанья костяки коней выявлены как в основных погребальных сооружениях, так и за их пределами.

Таким образом, все основные черты погребального ритуала северокавказских курганов раннескифского времени — разнообразие погребальных сооружений (перекрытые деревом и камнем ямы, деревянные и каменные склепы на поверхности), наличие сопровождающих конских захоронений, следы огня в могилах, широтная ориентировка погребенных и др.,— все это в достаточной мере известно нам по раннескифским памятникам Северного Причерноморья. Единственным отличием между северопричерноморскими и северокавказскими памятниками является отсутствие среди последних архаических погребений, совершенных в катакомбах.

Ближайшими соседями скифских племен, обитавших к востоку от занимаемой скифами территории, являлись савроматы, древнейшие памятники которых известны с конца VII в. до н. э. Несмотря на все своеобразие савроматского погребального ритуала, характерного для интересующего нас времени, все же и здесь можно найти ряд параллелей с раннескифским погребальным обрядом. По данным К. Ф. Смирнова, одним из основных типов погребальных сооружений савроматов являются прямоугольные или овальные грунтовые ямы различных размеров, обнаруженные как под насыпями отдельных курганов, так и впущенные в курганы более раннего времени [180, с. 79—80]. Наиболее богатые погребения совершались в обширных ямах, зачастую оборудованных деревянными конструкциями. В основном они характерны для V в. до н. э. [180, с. 81]. Такие ямы были обнаружены в Блюменфельдском кургане А-12 в Поволжье [180, с. 85], где яма была перекрыта деревянными плахами, и на территории Южного Приуралья, где в долине р. Илек были исследованы такие известные могильники, как Пятимары I и Мечетсайский. Например, в кургане № 4 группы Пятимары I основное погребение, совершенное в яме, было перекрыто мощным настилом из нескольких рядов бревен [181, с. 19]. Подобное, но сожженное деревянное сооружение, перекрывавшее как основную могилу, так и сопровождавшее захоронение коня, было зафиксировано в кургане № 6 [181, с. 25—26]. Над основным погребением кургана № 9 Мечетсайского могильника были выявлены остатки деревянной сожженной конструкции, сооруженной на горизонте [181, с. 146]. Сложная деревянная конструкция, перекрывавшая как основное погребение в яме, так и совершенные на горизонте сопровождающие захоронения, прослежена в кургане № 8 могильника Пятимары I [181, с. 29—30]. Несмотря на своеобразие этих сооружений, отличающихся от раннескифских деревянных конструкций сложностью и размерами, они все же демонстрируют наличие общих, единых традиций в раннескифском и савроматском погребальных ритуалах.

Более близки скифским могилам перекрытые деревом грунтовые ямы, в которых были совершены погребения рядовых савроматов. Так, в кургане № 5 Третьей Аландской курганной группы над могильной ямой было сооружено не выходящее далеко за пределы ямы трехслойное бревенчатое перекрытие, которое послужило основанием для погребального костра [126, с. 59—60]. Эта конструкция почти идентична описанному нами деревянному сооружению в кургане № 7 группы X у с. Подгородное на Днепропетровщине.

Особый интерес для нас представляет вопрос о происхождении и развитии у савроматов такого погребального сооружения, как катакомба. Древнейшие савроматские катакомбы были обнаружены на территории Южного Приуралья при исследовании могильников Мечетсайского (погребение № 1 кургана № 2) и Пятимары I (погребения 1 и 2 кургана № 4) [181, с. 17—19, 78—79]. Эти погребения датируются V в. до н. э. К IV в. до н. э. относятся уже 15 катакомбных могил, исследованных в Приуралье [127, с. 17]. Вместе с тем западнее — на территории Нижнего Поволжья — две самые ранние катакомбные могилы (погребение 3 кургана № 3 Новоникольского могильника и основная могила кургана № 1 у станции Сайхин) относятся к IV в. до н. э. [180, с. 83]. Более широкое распространение этого типа погребальных сооружений в Поволжье начинается лишь с рубежа IV—III в. до н. э. Это позволило предположить, что возникновение савроматских катакомб связано с территорией Южного Приуралья [180, с. 84]. М. Г. Мошкова, подробно рассмотревшая этот вопрос, в качестве одного из предположений о происхождении катакомб у савроматов высказала мнение о появлении у них данного типа погребальных сооружений под влиянием кочевого населения Казахстана, на территории которого, по ее данным, открыто девять подбойных могил VI—V вв. до н. э. [127, с. 40—43].

В поисках аналогий раннескифскому погребальному обряду нельзя обойти и памятники родственных скифам сако-массагетских племен Средней Азии, в частности такие архаические могильники приаральских саков, как Тагискен и Уйгарак, где погребения совершались в грунтовых ямах и на горизонте. Погребения в ямах, согласно реконструкции О. А. Вишневской и М. А. Итиной совершались следующим образом. Могильная яма в большинстве случаев прямоугольной формы, ориентированная по линии запад — восток, перекрывалась поперечными деревянными балками, поверх которых настилался слой камыша или хвороста. В ряде случаев в основном в могилах Тагискена, деревянные перекрытия были полностью или частично сожжены [29, с. 198]. В могильнике Уйгарак сожженное перекрытие зафиксировано лишь в кургане № 57, датируемом V в. до н. э. [30, с. 65]. Погребения на горизонте хорошо известны по материалам Уйгарака. В этом случае на уровне древней поверхности сооружались легкие каркасные конструкции прямоугольной овальной или круглой формы. Всего таких гробниц открыто 11, из них 3 (курганы № 2, 59, 66) были сожжены [30, с. 62, 64—65].

Нельзя не отметить также такой известный архаический курганный некро

поль сакской аристократии, как могильник Бесшатыр в долине р. Или с его уникальными деревянными гробницами, сооруженными на горизонте. Две из этих гробниц [курганы № 3 и 8] подверглись воздействию огня [2, с. 303 и сл.].

Можно было бы продолжить перечисление примеров, характеризующих близость раннескифского погребального обряда с погребальным ритуалом кочевников, обитавших в это же время на соседних территориях, однако суть этого явления вряд ли изменится. С нашей точки зрения, такие общие черты, прослеживающиеся в ритуале ранних скифов, савроматов, среднеазиатских саков, как захоронения в ямах и на горизонте, наличие деревянных конструкций в ямах, постройка деревянных гробниц на поверхности, сожжение деревянных сооружений — все это, несмотря на наличие индивидуальных, локальных особенностей, характерных для каждой из названных этнических групп, свидетельствует о существовании общих, единых традиций в погребальном обряде ираноязычных кочевников, обитавших на широком пространстве Евразийских степей.

Учитывая этот вывод, вновь вернемся к вопросу о происхождении раннескифского погребального обряда. Как мы убедились выше, почти все типы погребальных сооружений, значительная роль огненного ритуала, западная ориентировка погребенных и ряд других особенностей обряда ранних скифов находят аналогии в ритуале позднесрубных племен, а также среди памятников типа Черногоровки — Новочеркасского клада, которые, вслед за А. И. Тереножкиным, мы считаем памятниками исторических киммерийцев. Однако вряд ли можно определенно, однозначно утверждать, что генетические корни раннескифского погребального обряда скрыты в позднейшей предскифской культуре Степного Северного Причерноморья. Ведь в этом случае присущие ранним скифам черты погребального ритуала должны быть ограничены территорией распространения непосредственно предскифской культуры типа Черногоровки — Новочеркасского клада, только в результате контактов с носителями которой пришедшие в VII в. до н. э. в Северное Причерноморье скифские племена могли заимствовать эти общие у них черты погребального ритуала. Однако, как мы убедились, эти же особенности, общие у ранних скифов и позднейшего доскифского населения Северного Причерноморья, характерны и для других кочевых иранцев, обитавших зачастую в районах, удаленных от Северного Причерноморья на тысячи километров. Данное обстоятельство дает возможность предположить, что процесс формирования скифского погребального обряда был намного сложнее, чем простое заимствование. По-видимому, близость доскифского, киммерийского и раннескифского погребальных ритуалов во многом объясняется тем, что и в киммерийском обряде, и в обряде пришлых скифов имелись черты, присущие всем ираноязычным кочевникам архаического времени.

Вместе с тем этот вывод отнюдь не означает, что мы полностью исключаем наличие в скифском погребальном обряде определенных заимствований из погребального обряда носителей черногоровско-новочеркасской культуры. Более того, нам кажется, что в настоящее время можно достаточно четко выделить отдельные элементы раннескифского погребального обряда, уходящие своими истоками в позднейшую предскифскую культуру.

Прежде всего это относится к такому типу погребальных сооружений, как катакомба. В пользу северопричерноморского происхождения скифской катакомбы свидетельствуют два достаточно веских довода. Во-первых, упоминавшиеся выше три скифских катакомбы VI в. до н. э. являются пока самыми древними из всех катакомб, обнаруженных на территории распространения культур скифского облика. Так, древнейшие савроматские катакомбы датируются лишь V в. до н. э., причем обнаружены они на территории Южного Приуралья, в то время как в более западных районах, занятых савроматскими племенами и непосредственно примыкающих к территории расселения скифов, появление катакомбных могил относится к еще более позднему времени.

Уже одно это исключает возможность возникновения у скифов данного типа погребальных сооружений в результате постороннего культурного влияния. Кроме того, катакомба как тип погребальных сооружений неизвестна даже в собственно скифских архаических памятниках Северного Кавказа. Таким образом, район распространения древнейших скифских катакомб сокращается до рамок степной части Северного Причерноморья. И именно на этой территории открыт целый ряд позднейших предскифских, черногоровско-новочеркасских погребений, совершенных в катакомбах. Один из самых поздних памятников этого рода исследован на Днепропетровщине И. Ф. Ковалевой *. Обнаруженная здесь катакомба содержала захоронение, сопровождавшееся кубком раннежаботинского типа. Как известно, В. А. Ильинской удалось уточнить датировку раннежаботинского этапа культуры правобережной Лесостепи, уверенно синхронизировать его с заключительным этапом новочеркасской культуры и датировать первой половиной VII в. до н. э. [62, с. 71—72]. Этим же временем соответственно должна быть датирована и катакомба, открытая в Днепропетровской области. Таким образом, сейчас практически ликвидирован хронологический разрыв между древнейшими скифскими катакомбами и позднейшими предскифскими, и достаточно четко наметилась линия их непрерывного развития.

Очевидно, с доскифским, киммерийским влиянием связано и появление у скифов столбовой гробницы с облицованными деревом стенками. Во всяком случае этот тип погребального сооружения был широко распространен в Северном Причерноморье, начиная со срубного времени *.

Наконец, какими-то пережиточными, скорее всего доскифскими традициями, объясняется и наличие в ряде раннескифских погребений скелетов, положение которых отличается от характерного для скифов положения — вытянуто на спине. Так, в погребении VI в. до н. э. на Никопольском курганном поле (курган № 5 группы «Сирко») умерший лежал ничком. Такая деталь обряда была весьма характерна для погребений новочеркасского времени.

Суммируя наши выводы относительно происхождения раннескифского погребального обряда, можно констатировать, что скифский погребальный ритуал VII—V вв. до н. э. является результатом смешения собственно скифского обряда, привнесенного на территорию Северного Причерноморья в VII в. до н. э., и близкого ему обряда местного доскифского населения. Мы уверены, что в дальнейшем, с накоплением ряда новых археологических материалов, удастся достаточно четко выделить два различных направления в погребальном ритуале скифских племен Северного Причерноморья.

---

* Погребение 3 кургана № 3 у с. Спасское [168, с. 73].

* Отметим, что к подобному выводу параллельно с нами недавно пришел и В. С. Ольховский, который допускает местное происхождение северопричерноморских катакомб и столбовых гробниц [141, с. 126; 143, с. 96], что еще более убеждает нас в правильности наших предположений.

О соотношении степного и лесостепного погребальных обрядов

С проблемой происхождения собственно скифского погребального ритуала VII—V вв. до н. э. тесно связан вопрос о соотношении степного и лесостепного погребальных обрядов этого времени. Дело в том, что в научной литературе известна точка зрения о генетической зависимости степного погребального обряда, особенно деревянных погребальных сооружений ранних скифов, от погребальных обычаев Лесостепи. Немалую роль в формировании подобных выводов сыграло представление о том, что традиция сооружения деревянных гробниц обусловлена практикой деревянного домостроительства, более развитой в лесостепных районах. Об этом писали Б. Н. Граков [38, с. 78; 41, с. 124—125] и А. И. Тереножкин [189, с. 38—39], занявший несколько позже иную позицию [192, с. 19]. К близкой точке зрения склоняется и В. С. Ольховский, который, несмотря на ряд оговорок, все же счел нужным отметить: «Деревянные гробницы не получили в степной скифской среде Причерноморья заметного распространения ни в ранне-, ни в среднескифское время. Этим степная культура резко отличается от синхронных скифоидных культур Лесостепи, где традиция создания деревянных гробниц, вероятно, связанная с домостроительством, устойчиво сохраняется в VII—III вв. до н. э.» [143, с. 88].

Очевидно, этому обстоятельству — связи деревянных гробниц Лесостепи с местными традициями домостроительства — не стоит уделять такого внимания. Во-первых, если она действительно имела место, то применение определенных навыков в обработке дерева, приобретенных земледельческим населением Лесостепи в процессе строительства домов, при сооружении погребальных гробниц вовсе не означает местного, лесостепного происхождения последних как определенного типа. Во-вторых, предполагаемое отсутствие выработанных веками навыков в обращении с деревом у кочевых народов Евразии вовсе не препятствовало им в сооружении таких сложнейших деревянных погребальных комплексов, как уникальные гробницы Бесшатыря.

Поэтому нам гораздо ближе сформулированная в последнее десятилетие А. И. Тереножкиным точка зрения, согласно которой деревянные гробницы появляются в Лесостепи в результате степного влияния [192, с. 19]. Доказательства этому А. И. Тереножкин видел прежде всего в следующем: деревянные склепы Лесостепи не более чем частный случай широко распространенной в этот период традиции возведения деревянных сооружений (примеры такого широкого распространения данного типа погребальных сооружений мы приводили в предыдущем разделе); деревянные сооружения становятся вполне обычными в лесостепных районах одновременно с появлением здесь иных элементов скифской культуры — узды, оружия, звериного стиля и т. д.

Действительно, в более раннюю, доскифскую эпоху подобные сооружения на территории Лесостепи были практически неизвестны. Исключение составляют несколько деревянных гробниц, зафиксированных на территории Днепровского Лесостепного правобережья и относящихся, по-видимому, еще к новочеркасскому времени. Это деревянный склеп из кургана № 52 у Гуляй-Города, в котором найдена керамика чернолесской культуры [163, с. 28], и деревянная сожженная гробница из кургана № 357 у с. Константиновка, датируемая найденными здесь двукольчатыми удилами и трехпетельчатыми псалиями [62, с. 30]. Деревянные гробницы доскифского времени обнаружены также в курганах у с. Зеленки, № 92 у с. Боб-рица, № 49 у с. Шандра [79, с. 59]. Исходя из этих фактов, можно предположить, что начальное проникновение этого типа погребальных сооружений в Лесостепь, в частности правобережную, берет начало еще в доскифское время и связано с киммерийским влиянием. Этот процесс усиливается с приходом в Северное Причерноморье скифских племен, имевших погребальный обряд, близкий киммерийскому, и включивших лесостепные районы в сферу своего непосредственного влияния [62, с. 94].

Суммируя, мы можем заключить, что скифский погребальный обряд VII—V вв. до н. э. представляет собой один из локальных вариантов общеевразийского кочевнического ритуала этого времени и является результатом смешения погребальных обычаев местного доскифского населения и погребального обряда, привнесенного в Северное Причерноморье в VII в. до н. э.; появление и распространение деревянных погребальных сооружений на территории Лесостепи — это результат степного влияния, начавшегося в новочеркасскую эпоху и особенно усиливающегося в раннескифский период.

Глава III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В VII—V ВВ. ДО Н. Э. И ВОПРОСЫ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Едва ли целесообразно подробно рассматривать материальную культуру указанного периода в сравнительно небольшой главе, поскольку вопросы типологии и хронологии практически всех категорий скифской культуры уже исследовались, а имеющийся в нашем распоряжении материал не дает в этом плане почти ничего нового. Более важной, на наш взгляд, является попытка рассмотреть основные категории раннескифской культуры Северного Причерноморья с точки зрения их генезиса. К числу основных категорий, которые, собственно, и определяют облик раннескифской материальной культуры Северного Причерноморья, мы относим оружие, конскую узду, антропоморфные изваяния, каменные блюда и некоторые другие элементы скифской культуры VII—V вв. до н. э. Естественно, что ряд предметов материальной культуры, незафиксированных в раннескифских памятниках Северного Причерноморья, но известных по находкам в одновременных им памятникам Лесостепи, Северного Кавказа и Закавказья,— таких, как навершия, шлемы кубанского типа и пр.,— останутся за пределами нашего внимания. К их изучению, так же, как и к анализу происхождения отдельных элементов скифского звериного стиля, мы надеемся вернуться в дальнейшем.

Лук и стрелы. Археологические данные о скифском луке крайне скудны. Из архаических погребений Северного Причерноморья известны лишь единичные находки отдельных деталей лука. К их числу относятся прежде всего обнаруженные в погребении VI в. до н. э. у с. Новоалексеевки два обломка узкой подпрямоугольной пластины, являющейся накладкой на среднюю часть лука — рукоять. Длина пластины около 14 см. Исходя из аналогий с более поздним и достаточно хорошо изученным луком «гуннского» типа мы можем предположить, что эта накладка укреп-

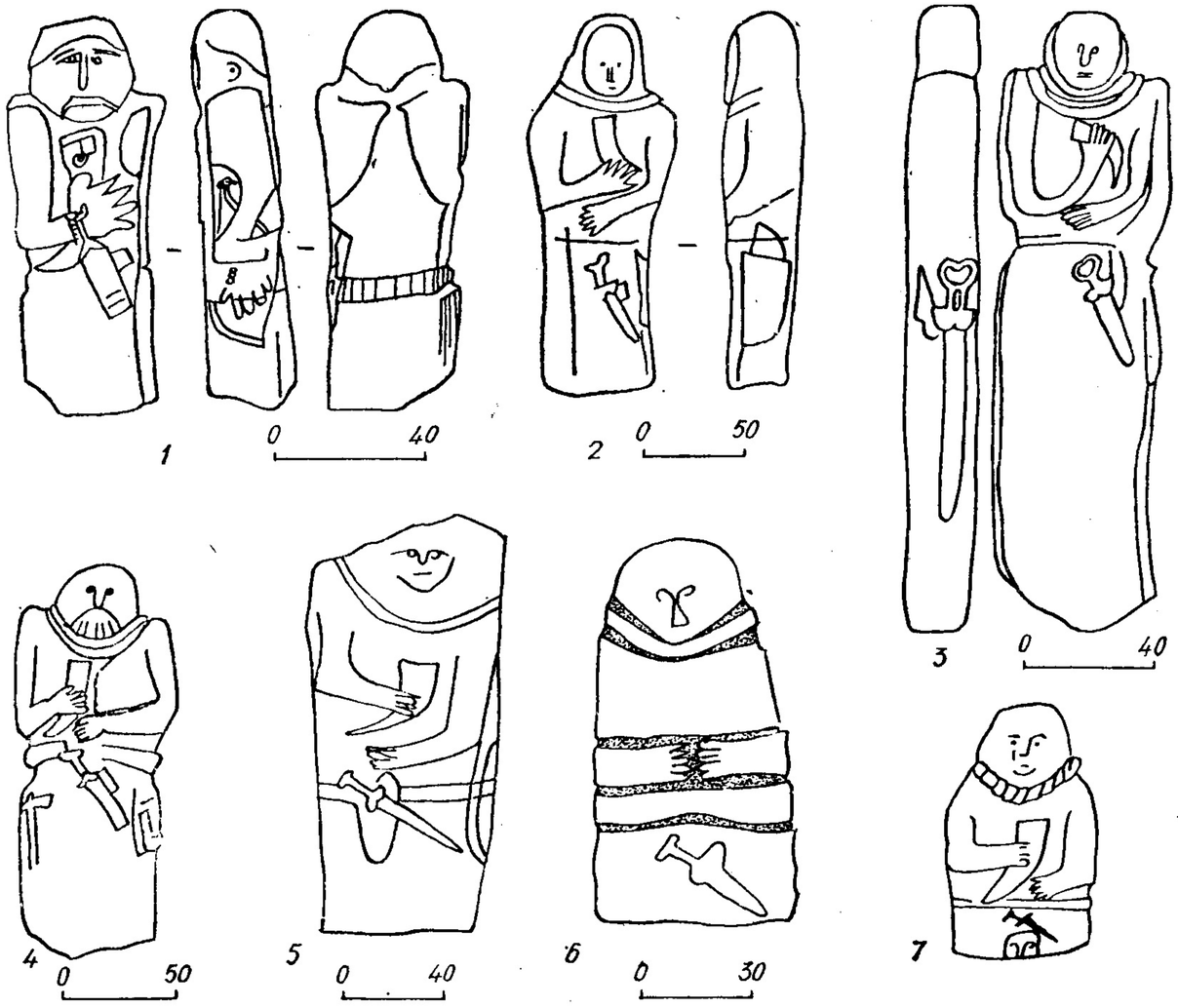

Рис. 26. Антропоморфные стелы Северного Причерноморья.

лялась на одну из сторон рукояти. Две подобные пластины длиной 10,5 см происходят из кургана № 7 у г. Жданова, датируемого V в. до н. э. (см. рис. 9, *2*).

Необходимо упомянуть три резных костяных навершия лука, оформленных в виде головок хищных птиц. Имеются в виду находки из курганов на Темир-Горе, у сел Нижние Серогозы и Семеновка (см. рис. 5, *1, 6, 13*). Назначение этих костяных изделий не вызывает сомнений. Доказательством служит изображение лука, увенчанного подобной головкой хищной птицы на стеле из с. Терновка (рис. 26, *1*), а также бронзовая модель сложного лука из с. Омарский Починок в Татарии, верхний конец которого был также украшен изображением орлиной головы [50, рис. 1; 209, рис. 75, *2*].

Столь малочисленные археологические материалы, конечно, не позволяют воссоздать форму, устройство и размеры скифского лука. Поэтому крайне важны иные источники, в том числе бронзовая модель лука из погребения V в. до н. э. некрополя Ольвии [81]. Модель представляет собой изображение

сложного, асимметрического лука с прямой рукоятью и соответствует более поздним изображениям лука на сосудах из Куль-Обы, воронежском [41, с. 149, табл. VIII, *а*] и др. Благодаря этим и другим подобным изображениям, удалось определить примерные размеры скифского лука, длина которого, по мнению большинства исследователей, колебалась в пределах 60—80 см [119, с. 14].

Эти выводы подтверждаются недавней находкой скифского лука, состоящего из трех деревянных пластин, в погребении № 3 Трехбратнего кургана. Длина его лука 64,5 см [18, с. 247]. Правда, это погребение более позднее, чем рассматриваемые нами памятники. Оно датируется IV в. до н. э., однако обнаруженный здесь лук едва ли отличался по конструкции от скифских луков более раннего периода.

Несмотря на наименование «скифский», лук описанного типа был распространен в эпоху раннего железного века у многих кочевых народов. Сложение данного типа оружия, как справедливо считают некоторые исследователи, происходит в Евразийских степях еще в эпоху поздней бронзы.

Во всяком случае на территории степной Украины сложный лук был уже хорошо известен на черногоровском этапе позднейшей предскифской культуры (IX — первая половина VIII в. до н. э.), о чем свидетельствуют бронзовые наконечники стрел, найденные в таких черногоровских памятниках, как погребение № 5 Высокой Могилы, погребение в кургане Малая Цимбалка [19, рис. 9; 198, рис. 7; 24, *5—9*] и других, морфологически напоминающие раннескифские.

Несколько более поздним временем — новочеркасским этапом позднейшей предскифской культуры (вторая половина VIII — начало VII в. до н. э.) — датируются изображения сложного лука скифского типа, имеющиеся на киммерийских стелах из Белоградца, Царевой Могилы и др. [199, рис. 2, *6*].

Примерно в это же время — в конце позднего бронзового века — происходит формирование сложного лука и в более восточных районах Евразийской степи, что подтверждается находками бронзовых двухлопастных наконечников стрел в памятниках андроновской культуры [190, рис. 2, *1—4*; 219, с. 79, 162; табл. XXXVI, *4, 6*].

Нельзя не назвать также интереснейший рельеф IX в. до н. э., происходящий из Передней Азии,— Нимруда, на котором изображена группа конных воинов, несомненно северных кочевников, возможно, киммерийцев (?), вооруженных сложными асимметричными луками [253, fig 1].

Таким образом, процесс формирования сложного лука скифского типа происходил на всей территории Евразийской степи практически одновременно. Очевидно, и в дальнейшем вряд ли удастся определить область его сложения более четко.

Несколько иначе обстоит дело с решением проблемы происхождения скифских наконечников стрел.

Как известно, к числу древнейших наконечников стрел скифов относятся бронзовые двухлопастные удлиненно-ромбические наконечники (тип Енджи), а также типологически и генетически связанные с ними жаботинские — двухлопастные асимметрично-ромбические наконечники с заметно выступающей втулкой.

Удлиненно-ромбические наконечники стрел к настоящему времени обнаружены в погребениях у сел Енджа и Белоградец в Болгарии [198, рис. 9, *3*; 16, *3—5*]. Они отличаются наличием в них вещей как предскифского, новочеркасского, так и скифского типов (рис. 27). Такие же наконечники найдены и на Сержень-Юртовском поселении кобанской культуры, погибшем в

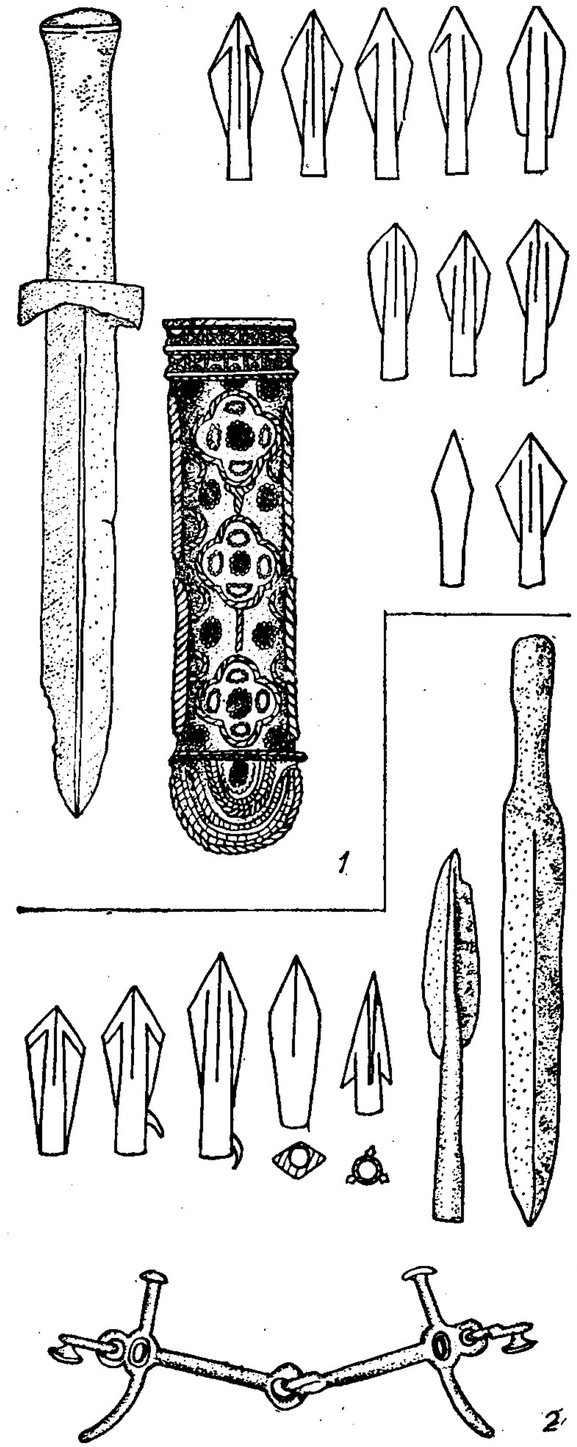

Рис. 27. Инвентарь из курганов у сел Енджа и Белоградец:
1 — Белоградец; *2* — Енджа.

результате нападения скифов в начале VII в. до н. э. [80, рис. 36, *1—3*; 27, с. 76]. Это позволило В. А. Ильинской, вслед за П. Рау [251] и К. Ф. Смирновым [179, табл. I, тип Va] уверенно датировать енджинские наконечники стрел первой половиной VII в. до н. э. [61, с. 15—17].

Жаботинские асимметрично-ромбические наконечники стрел А. И. Мелюкова датирует VII—VI вв. до н. э. [119, с. 18]. На рассматриваемой территории они известны пока лишь в составе подъемного материала, собранного П. О. Бурачковым на песчаных дюнах Нижнего Днепра [236, рис. 11, *1*; 5—6]. В сопредельных районах подобные наконечники обнаружены в таких памятниках глубокой архаики, как Алексеевский курган и курган № 524 у с. Жаботин [123, с. 338; 62, с. 62], а также Закавказья и Передней Азии [61, с. 18], где они являются одним из археологических свидетельств присутствия здесь скифов в период передне-азиатских походов.

Именно наконечники стрел енджинского и жаботинского типов сменяют в середине VII в. до н. э. на территории северокавказских и северопричерноморских степей колчанные наборы, существовавшие в эпоху Черногоровки — Новочеркасского клада.

Бронзовые наконечники стрел черногоровского времени хорошо представлены в уже упоминавшихся выше колчанных наборах из Высокой Могилы и Малой Цимбалки. Это двухлопастные наконечники с ромбической, остролистной или килевидной, по А. И. Тереножкину, головкой [198, с. 133—134], что делает их чрезвычайно похожими на раннескифские наконечники стрел. Не случайно курган Малая Цимбалка в течение длительного времени включался рядом исследователей в сводку памятников скифского времени [236, с. 39—40].

Весьма заманчиво было бы связать

формирование раннескифских стрел енджинского и жаботинского типов с эволюцией наконечников стрел черногоровского времени. Однако такая возможность исключена, поскольку время распространения стрел типа Малой Цимбалки и время появления раннескифских наконечников стрел разделены значительным хронологическим периодом, на протяжении которого на юге Европейской части СССР бытовали характерные для новочеркасского этапа позднейшей предскифской культуры двухлопастные наконечники стрел с сильно выступающей втулкой и пером листовидной формы, которому в процессе следовавшей за отливкой проковки и заточки придавалась ромбовидная или трапециевидная форма. Наконечники новочеркасского типа заметно отличаются пропорциями, многообразием форм пера, толщиной, а также особенностями производства как от предшествующих им черногоровских, так и от сменяющих их раннескифских наконечников [61, с. 24; 71]. Происхождение наконечников стрел новочеркасского типа пока не совсем ясно. Очевидно лишь, что они берут начало в степных районах Северного Кавказа и Украины, поскольку именно этими районами ограничена территория их распространения [61, с. 26]. Здесь они доживают до начала VII в. до н. э. Этим временем датируется, в частности, колчанный набор из кургана у с. Белоградец, в составе которого были наконечники стрел как новочеркасского, так и енджинского типа. Эта находка еще раз убеждает в том, что речь должна идти не об эволюции новочеркасских наконечников в сторону скифских, а о механической и быстрой смене первых вторыми в первые десятилетия VII в. до н. э. [198, с. 138—139]. Все это делает более чем вероятным предположение В. А. Ильинской о проникновении древнейших типов скифских наконечников стрел в южные районы Европейской части СССР из центральноазиатских областей [61, с. 26].

Дальнейшая эволюция бронзовых наконечников стрел в степном Северном Причерноморье на протяжении VI—V вв. до н. э. вполне соответствует закономерностям, прослеженным А. И. Мелюковой [119]. Иллюстрацией этому служат наконечники полных колчанных наборов из неограбленных погребений этого времени. Так, в погребениях VI в. до н. э. (курганы у с. Огородное, № 3 у с. Подгородное) обнаружены бронзовые двух- и трехлопастные листовидные наконечники. С конца VI—V в. до н. э. наиболее распространены базисные и опорновтульчатые наконечники стрел, наборы которых найдены в курганах у сел Верхняя Тарасовка, Новокиевка, № 12 у с. Танковое и др. Кроме бронзовых наконечников стрел, в погребениях рассматриваемого периода эпизодически встречаются костяные втульчатые наконечники, ромбические или круглые в сечении. Они найдены в курганах у сел Огородное, Нижние Серогозы, Новокиевка, Александровка и др.

Колчаны и гориты. Гориты — трапециевидные футляры для хранения лука — достаточно хорошо известны по изображениям на стелах раннескифского времени из Терновки и Калиновки (рис. 26, *1, 2*), Краснодарского музея [50, рис. 1, 2; 122, рис. 7—9] и др. Важно отметить, что гориты такого же типа изображены и на ряде стел предскифского периода [199, рис. 2, *5, 6*]. Это свидетельствует о том, что гориты, как и сложные луки, не были собственно скифским изобретением, а являлись скорее всего общеевразийской, кочевнической деталью вооружения.

Археологически раннескифские гориты практически неизвестны. Можно лишь предположить, что гориты, бытовавшие в среде кочевых скифов в VII—V вв. до н. э., были подобны гориту, обнаруженному в кургане рубежа VI—V в. до н. э. у с. Опишлянка в Полтавской обл. Высота этого горита 35,5 см, ширина по верху 29,2 см. На передней его стенке имелось отделение для стрел [255, p. 77, fig. 15].

Несколько бо́льшими данными мы располагаем относительно скифских колчанов. Насколько нам известно, в степных причерноморских памятниках VII—V вв. до н. э. к настоящему времени обнаружено три достаточно хорошо сохранившихся колчана. Один из них происходит из кургана № 1 у с. Ильичево. От него сохранились две золотые обкладки, ширина которых 12,5 см, общая длина 33,5 см. Обкладки, по-видимому, закрывали не всю поверхность колчана и он, вероятно, был длиннее.

Остатки другого колчана, содержавшего 150 стрел, были зафиксированы А. М. Лесковым в кургане № 5 у с. Архангельская Слобода. Колчан был украшен несколькими рядами золотых бляшек и закрывался крышкой, также украшенной золотым изображением оленя. Наконец, третий колчан происходит из Золотого кургана. Судя по имеющимся сведениям [137, с. 5—6], он содержал 180 наконечников. Сделан из дерева и обтянут кожей. Крышку украшала бронзовая скульптура львицы, плакированная золотом. Нижний конец колчана закруглен.

С горитами и колчанами связана еще одна категория находок в степных архаических памятниках. Это бронзовые и костяные застежки, представляющие собой небольшие круглые стержни. Следует отметить, что такие застежки встречены в основном в раннескифских памятниках (Темир-Гора, Литой курган, курган № 3 у г. Ногайска, погребение у с. Огородное и др.) и являются весьма надежным датирующим признаком.

То же можно сказать и о небольших грибовидных столбиках, довольно часто встречающихся в погребениях архаической поры (Темир-Гора, Новоалексеевка, Подгородное (№ 3) и др.). После исследования Репяховатой Могилы, расположенной на Черкасчине и датируемой VI в. до н. э. [200], стало очевидным, что такие костяные столбики служили для соединения кожаных частей горитов и колчанов.

В некоторых случаях способ крепления кожаных частей был иным. Об этом свидетельствуют четыре сшитых куска кожи, обнаруженные вместе с наконечниками стрел в кургане Аджигольского могильника [244, S. 15]. Не исключено, правда, что в данном случае мы имеем дело не с колчаном, а с кожаным мешочком, в котором хранились наконечники, как это было зафиксировано в одном из сарматских курганов Мечетсайского могильника [181, с. 118—120].

В уже упоминавшемся кургане № 3 у с. Подгородное вместе с наконечниками стрел в горите были найдены еще два предмета — кабаний клык и небольшая поделка из кости в виде трубочки с утолщенной нижней частью. Такие же предметы были найдены вместе с наконечниками стрел и в Репяховатой Могиле. Костяная трубочка была обнаружена вместе в наконечниками стрел и грибовидными столбиками при остатках горита или колчана в погребении 3 кургана № 5 у с. Койсуг, расположенном на восточном берегу Дона [83, рис. 3, *3*]. Хотя назначение этих предметов пока не ясно, связь их с горитами и колчанами несомненна.

Мечи и кинжалы. Мечи и кинжалы, их фрагменты, а также детали ножен обнаружены более чем в 30 архаических погребениях Степного Причерноморья (см. прил. 2). Типы учтенных нами мечей не выходят за рамки классификации, предложенной А. И. Мелюковой [119, с. 46 и сл.]. Поэтому нет необходимости описывать все известные мечи. Упомянем лишь те из них, которые были обнаружены сравнительно

недавно и не были включены по этой причине в сводку А. И. Мелюковой.

К их числу относится прежде всего уникальный железный меч из разрушенного кургана в Крыму. Его длина 110 см, длина клинка 95 см. Меч снабжен почковидным перекрестием, навершие утеряно [177]. Данный меч является пока самым длинным из всех известных скифских мечей и несомненно предназначен для нанесения рубящего удара с коня.

О широком распространении в среде кочевых скифов в VII—V вв. до н. э. длинных рубящих мечей свидетельствует все больше данных. Так, еще один длинный меч, к сожалению, точная длина его не зафиксирована, был обнаружен вместе с коротким акинаком в кургане № 6 у г. Жданова. Два меча — короткий и длинный — изображены на стеле из Медеровского кургана (см. рис. 26, *3*). При этом важно отметить, что длинные рубящие мечи были известны скифам еще в период переднеазиатских походов. В этом плане чрезвычайно интересен скифский меч длиной 88 см, обнаруженный при раскопках Кармир-Блура [159, рис. 53]. Учитывая эти данные, нельзя не согласиться с мнением Е. В. Черненко, который считает, что длинные мечи как эффективное средство ближнего боя уже с раннего времени занимали заметное место в вооружении скифского всадника [216, с. 36].

Заслуживают внимания и кинжалы, обнаруженные в погребениях V в. до н. э. у сел Верхняя Тарасовка и Новокиевка (см. рис. 13, *2*; 19, *3*). У первого перекрестие прямоугольное, у второго — сегментовидное. До недавнего времени такие мечи в степном Северном Причерноморье не были известны. Данные типы были выделены на основании находок в памятниках Лесостепи, Северного Кавказа, Керченского п-ова и других граничащих с северопричерноморской степью районах. Именно с этими территориями — своеобразными «окраинами» скифского мира — следует, как нам кажется, связывать появление этих типов мечей, являющихся упрощенным вариантом общераспространенных скифских мечей и кинжалов с почко- и бабочковидными перекрестиями [130, с. 57—58].

Однако наибольший интерес, на наш взгляд, представляет не вопрос о происхождении и эволюции отдельных типов скифских мечей, а проблема происхождения скифского акинака в целом.

Одну из первых попыток решения этой проблемы предпринял М. И. Ростовцев, считавший, что этот вид оружия был заимствован скифами во время переднеазиатских походов у народов Древнего Востока [170, с. 55]. О заимствовании исходных форм «скифской триады», в том числе и скифского вооружения, в странах Передней Азии писал М. И. Артамонов [13, с. 108].

Отправной точкой в системе доказательств этого положения послужило сходство скифских коротких мечей с персидскими акинаками, изображенными на рельефах Персеполя [245, fig. 120]. Подобное сопоставление вряд ли правомерно. При этом основную роль играют не столько определенные различия, прослеживающиеся в устройстве верхней части ножен, способе ношения и др., сколько то обстоятельство, что персепольские рельефы датируются весьма поздним временем — V в. до н. э. Синхронны им и немногочисленные археологические находки: оформленные в ахеменидском зверином стиле окончания ножен у персидских акинаков, а также деревянная модель таких же ножен из Британского музея [242, fig. 4—13; 241, pl. II b].

Вместе с тем вывод о генетической связи скифских мечей с переднеазиатскими вариантами был бы возможен лишь в том случае, если бы мечи, аналогичные скифским акинакам, или по

крайней мере те, которые могли бы стать исходной формой последних, бытовали на территории Передней Азии не позднее начала скифского вторжения.

Однако и археологические материалы, тщательно собранные и опубликованные М. Н. Погребовой [161, с. 34 и далее; 162, с. 50], и данные изобразительного искусства, в том числе ассирийские рельефы [240, taf. 2, 5, 59, 61], со всей очевидностью свидетельствуют о том, что на территории Закавказья и Передней Азии в это время были распространены мечи и кинжалы совершенно иных типов, не имеющие ничего общего со скифскими акинаками.

Последние появляются на территории Закавказья и Передней Азии в начале — середине VII в. до н. э. внезапно, в совершенно сложившихся формах и в течение некоторого времени сосуществуют в указанных районах параллельно с мечами и кинжалами местных типов. Показательны в этом отношении материалы Самтаврского могильника. Так, в погребениях № 71 и 293 этого некрополя широкие железные мечи закавказского типа были обнаружены вместе со скифскими двухлопастными наконечниками стрел с ромбическими головками, что позволяет сопоставить во времени эти захоронения с погребениями № 27, 50, 99, 212, 295, 24 (северный участок), в которых выявлены железные акинаки скифского типа [1, с. 125].

Таким образом, скифские акинаки проникают в районы, расположенные к югу от Главного Кавказского хребта, одновременно с ранними типами скифских наконечников стрел и архаической скифской уздой. Например, костяные трехдырчатые псалии скифского типа обнаружены вместе с акинаком с почковидным перекрестием и брусковидным навершием в погребении № 68 Тлийского могильника [201, рис. 4, *4*; 6, *2—5*]. Это явление несомненно связано с появлением в начале VII в. до н. э. в указанных районах скифских этнических элементов и, следовательно, с влиянием скифской культуры на культуру местного населения.

В свете этих данных становится очевидным, что между скифскими мечами и персидскими акинаками действительно существовала преемственность, но противоположная той, которую предполагал М. И. Ростовцев,— именно скифские мечи являлись прототипом персидского варианта этого оружия. В этом плане небезынтересно наблюдение П. Бернара о зависимости зооморфно оформленных окончаний ножен ахеменидских мечей от скифских наконечников ножен, к числу которых он относит и наконечник из Зивие [242, p. 246]. В дополнение к его аргументации мы можем добавить, что наконечник ножен из Зивие относится ко времени заключительного этапа переднеазиатских походов, датируется рубежом VII—VI в. до н. э. и выполнен местными мастерами, благодаря чему изображение кошачьих хищников на данном предмете, скифское в своей основе, несколько переработано в восточной манере. Между тем среди материалов Тлийского могильника известен целый ряд костяных окончаний наконечников ножен, орнаментированных резными изображениями животных в стиле чрезвычайно архаичных традиций скифского звериного стиля и обнаруженных вместе со скифскими акинаками, датируемыми временем не позднее VII в. до н. э. [202, рис. 288, 290]. Эти находки делают предположение П. Бернара еще более убедительным.

Однако само по себе то, что мечи-акинаки были занесены на территорию Закавказья и Передней Азии скифскими воинами, проникшими сюда из степных районов Северного Причерноморья и Северного Кавказа, вовсе не означает решения вопроса о происхождении скифского меча, ибо и в этом случае

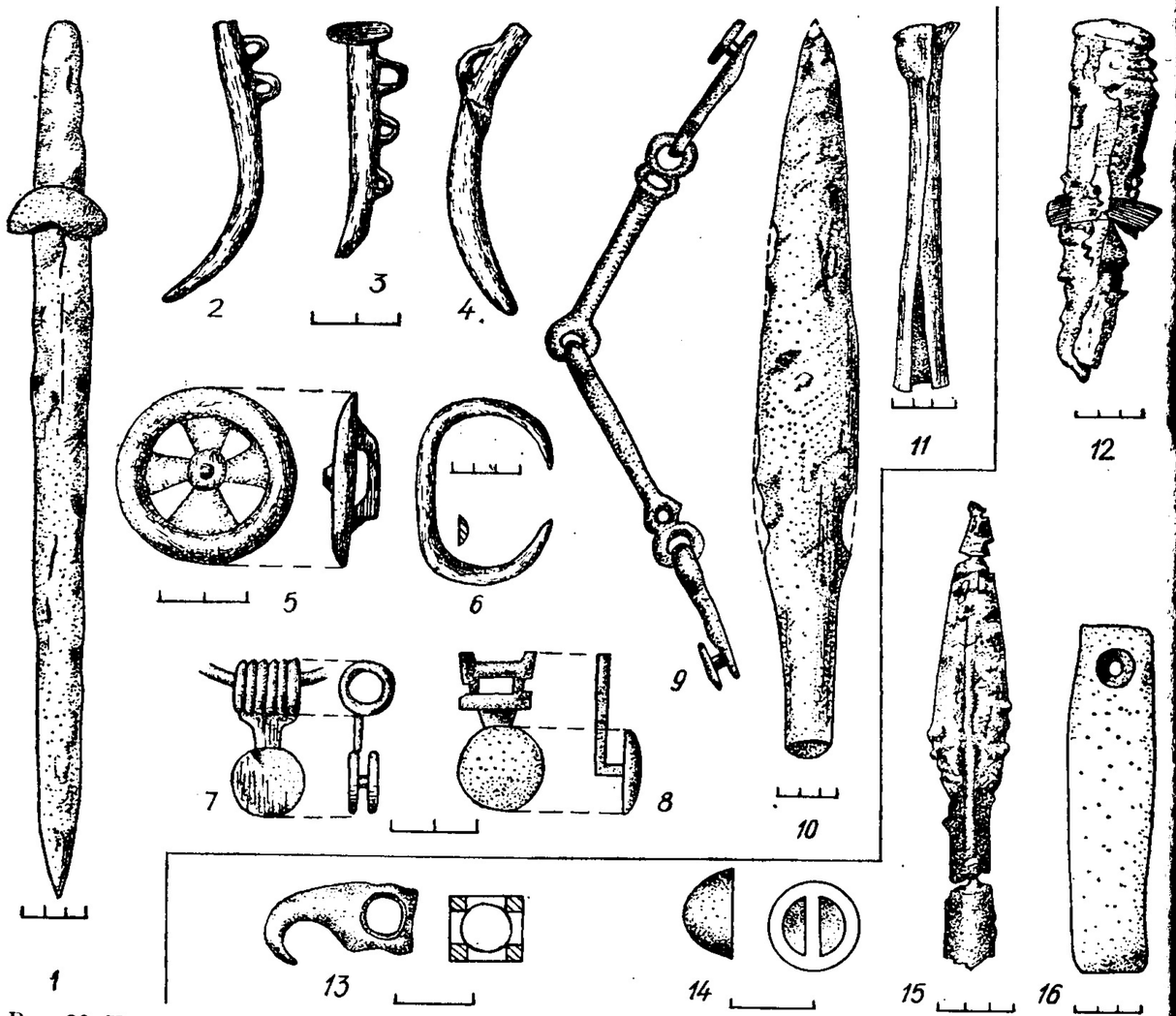

Рис. 28. Инвентарь из захоронений у Лермонтовского разъезда 1921 г. Каменномостского могильника:
1—11 — Лермонтовский разъезд; *12 — 16* — Каменномостский могильник.

возможно двоякое решение: то ли акинак является исконной формой скифского меча, сложившейся на все еще загадочной восточной прародине скифов, то ли его генетические корни кроются в материальной культуре позднейшего предскифского населения северопричерноморских и северокавказских степей.

Сравнительно недавно последнее предположение было высказано А. М. Лесковым, связывающим появление скифских акинаков с эволюцией мечей черногоровско-новочеркасского типа [98, с. 65—66].

Одним из древнейших ныне известных акинаков скифского типа является короткий меч (рис. 28, *1*) из погребения у Лермонтовского разъезда [198, рис. 79, *1*], который датируется всем комплексом обнаруженного инвентаря временем не позднее середины VII в. до н. э. Поскольку форма этого акинака целиком сложившаяся и устоявшаяся, то, в случае правоты А. М. Лескова, мы должны предполагать для более раннего времени наличие типов мечей, являющихся промежуточным звеном между скифскими акинаками и новочеркасскими мечами. В качестве таких переходных типов А. М. Лесков называет ряд мечей новочеркасского времени с уплощенными грибовидными навершиями, приближающимися к брусковидным, а также три цельножелезных меча (Зольное, Носачево, Бештау), утраченные и не дошедшие до нас перекрестия которых могли иметь, по мнению А. М. Лескова, почковидную форму [98, с. 66].

Однако наличие упрощенных наверший или двутавровых в сечении рукоятий у некоторых новочеркасских мечей, а тем более весьма гипотетичное предположение о почковидных перекрестиях зольнинской и носачевской находок отнюдь не заменяют отсутствие хотя бы одного экземпляра предскифского меча, явно сочетающего в себе новочеркасские и скифские признаки.

Эти скифские признаки не прослеживаются и в таких позднейших новочеркасских мечах, как мечи из погребений у с. Белоградца и погребения 1921 г. Каменномостского могильника (рис. 27, *1*; 28, *12*). Оба эти памятника характеризуются наличием в составе их инвентаря вещей скифского типа (енджинские наконечники стрел, уздечная бляха), датируются первой половиной VII в. до н. э. и синхронны захоронению у Лермонтовского разъезда [198, рис. 9, *1*; 76, *1*].

Последнее свидетельствует о том, что в указанный промежуток времени в северокавказских и северопричерноморских степях бытовали две группы мечей и кинжалов. Первая, представленная мечами из Белоградца и Каменномостского могильника, типологически и генетически связана с новочеркасскими мечами и продолжает их линию развития. Ее сменяет вторая группа, представленная акинаком из захоронения у Лермонтовского разъезда и несколько более поздними мечами из Келермесса, Литого кургана и др., не имеющими прототипов в новочеркасских древностях.

Предполагаемой А. М. Лесковым связи скифских акинаков с новочеркасскими мечами противоречит и то обстоятельство, что уже в VII — начале VI в. до н. э., то есть практически одновременно с появлением акинаков в северокавказских и северопричерноморских степях, мечи скифского типа бытовали на территории, намного превышающей территорию распространения новочеркасских памятников.

Об этом свидетельствует ряд акинаков, обнаруженных в Средней Азии. Один из них найден в кургане, открытом в 60 км к северу от г. Чиназа (Узбекистан) [104, с. 180, табл. V]. Акинак длиной 30 см практически цельножелезный, снабжен бабочковидным перекрестием. Из бронзы выполнено лишь брусковидное навершие и узкая обойма, охватывающая рукоять в ее верхней части. По форме перекрестия и навершия данный экземпляр весьма близок к уже упоминавшемуся мечу из Кармир-Блура, что свидетельствует о его ранней дате. Уточнить ее позволяют иные вещи из рассматриваемого комплекса, в частности наконечники стрел. Среди них выделяются двухлопастные втульчатые, форма которых напоминает наконечники из погребения № 5 кургана Высокая Могила, которое относится к черногоровскому этапу позднейшей предскифской культуры на территории степной Украины [19, рис. 9, *12—24*].

Комплекс из Чиназа, по-видимому, несколько моложе черногоровских древностей юга Европейской части СССР, поскольку меч и обнаруженное здесь же лезвие ножа изготовлены уже из железа. Это позволяет, по нашему

мнению, ограничить время рассматриваемого памятника VII в. до н. э. Не противоречит предложенной дате и находка бронзовых черешковых наконечников стрел из этого же комплекса, в частности двухлопастного черешкового, со сводчатой головкой, который, исходя из хронологии, разработанной Н. Л. Членовой, может быть также датирован VII в. до н. э. [222, с. 41, рис. 12, *10*].

Весьма архаический облик имеют и два коротких меча, обнаруженных в кургане № 10 могильника Тамды на Памире [17, с. 295—296]. Один из них, наиболее хорошо сохранившийся, снабжен бабочковидным перекрестием, аналогичным перекрестию меча из Чиназа, и брусковидным навершием. Второй меч пострадал сильнее, однако и он, очевидно, имел почко- или бабочковидное перекрестие.

Б. А. Литвинский датировал этот курган VI в. до н. э. [101, с. 29]. Несколько более ранним временем — VII—VI вв. до н. э.— датирует курган № 10, как, впрочем, и весь могильник Тамды, Н. Л. Членова [222, с. 68]. Эта дата вполне соответствует точке зрения М. К. Кадырбаева, согласно которой стремячковидные удила с дополнительным отверстием (именно такие удила были обнаружены в рассматриваемом комплексе) являются наиболее архаическим типом удил скифского времени [110, с. 385], что, видимо, позволяет уточнить датировку кургана № 10 в пределах первой половины VI в. до н. э. Но этому противоречат происходящие из этого же комплекса наконечники стрел и прямые бронзовые трехпетельчатые псалии.

К периоду глубокой архаики несомненно относится и бронзовый акинак, обнаруженный в составе Иссыкского клада в окрестностях Алма-Аты [2, с. 109, рис. 85]. Широкое бабочковидное перекрестие, брусковидное навершие, рукоять с продольными желобками позволяют поставить эту находку в один ряд с такими древнейшими акинаками скифского типа, как акинаки из Самтавро и Тли [1, табл. I, *12*; 202, рис. 2, *288, 290*], и датировать ее временем не позднее первой половины VI в. до н. э. Предложенной дате противоречат, казалось бы, найденные вместе с мечом бронзовые однокольчатые удила. Однако находки таких же удил вместе с псалием жаботинского типа в погребении № 15 некрополя Сиалк В [193, рис. 3, *8, 9*], а также однокольчатых вместе со стремячковидными удилами с дополнительным отверстием в кургане № 2 группы Тасмола V [110, рис. 15] свидетельствуют о распространении бронзовых однокольчатых удил не позднее рубежа VII—VI в. до н. э.

О. А. Вишневская датирует VII—VI вв. до н. э. погребальный инвентарь кургана № 50 могильника Уйгарак, где вместе с бронзовыми трехдырчатыми псалиями и стремячковидными удилами был найден цельнобронзовый кинжал с плоским полукруглым навершием и перекрестием, близким к почковидному [30, с. 122, табл. III, *10—13*].

Число подобных примеров можно было бы увеличить, но и уже приведенные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что меч скифского типа входит в обиход различных народов, населяющих огромную территорию, практически в одно и то же время. Мог ли акинак скифского типа, сложившись, как полагает А. М. Лесков, в районах Северного Кавказа на основе новочеркасских мечей, распространиться в результате межплеменных контактов на столь значительной территории в столь короткое время? Едва ли.

Решение вопроса о происхождении скифских мечей, с нашей точки зрения, возможно лишь в том случае, если согласиться с выводами А. И. Тереножкина о формировании акинака на территории Южной Сибири и Центральной Азии на основе карасукских мечей и кинжалов и его проникновении в более

западные области в уже сложившемся виде в результате стремительного передвижения скифских племен из глубинных районов Азии в степи Северного Кавказа и Украины [197, с. 30].

Действительно, из Южной Сибири, как показал А. И. Тереножкин, происходит целая серия бронзовых мечей и кинжалов, совмещающих признаки карасукских мечей скифских акинаков. К их числу относится меч из с. Шушенское Минусинского округа, снабженный бабочковидным перекрестием и грибовидным навершием. Подобный меч происходит из Красноярска [197, рис. 22, 5, 10]. Несколько мечей такого же типа, найденных на территории Минусинской котловины, воспроизведены в работах Н. Л. Членовой [222, табл. 3, *6—8*].

В морфологическом плане эти мечи представляют собой промежуточное звено между предскифской и скифской формами, звено, отсутствующее в памятниках Северного Причерноморья и Северного Кавказа. К сожалению, упомянутые здесь экземпляры и другие подобные им мечи найдены вне твердо датируемых комплексов. Однако их дата должна определяться тем обстоятельством, что VII в. до н. э. был временем широкого распространения акинака в его сложившейся форме. Все это убедительно свидетельствует, что территорией формирования скифского акинака как особого типа мечей и кинжалов являются восточные районы Евразии.

Копья. В результате исследования скифских памятников в степной части Северного Причерноморья в археологической литературе давно уже сложилось мнение, согласно которому находки «наконечника копья или нескольких наконечников отмечены почти в каждом неограбленном погребении скифа-воина» [119, с. 35].

Однако, как выясняется, данное наблюдение справедливо в основном для северопричерноморских памятников IV—III вв. до н. э., поскольку в более раннее время наконечники копий встречаются значительно реже. По нашим данным, последние обнаружены в 21 погребении скифской архаики (см. прил. 2). Невелико и общее число наконечников — достоверно нам известно всего лишь 32 экземпляра. Как правило, в погребениях найдено по одному или по два наконечника. Исключение составляет курган у с. Нововасильевка на Николаевщине, где обнаружено восемь наконечников. В ряде захоронений: у г. Жданова, с. Новая Розановка, в кургане 1G у с. Аджиголь и др., вместе с наконечниками были найдены и железные втоки.

Все известные нам наконечники копий происходят из памятников, относящихся ко времени не ранее конца VI в. до н. э. и отличаются пером лавро- или остролистной формы вытянутых пропорций. В памятниках степного Северного Причерноморья более раннего времени — VII—VI вв. до н. э.— наконечники копий не обнаружены. Полное отсутствие копий в древнейших скифских памятниках изучаемого района — явление отчасти случайное, объяснимое слабой изученностью этих памятников и их разрушенностью. Это позволяет предположить, что в указанный период в степной части Северного Причерноморья бытовали копья с широкими лавролистными наконечниками, которые, как демонстрируют материалы соседних с северопричерноморской степью территорий, в основном Лесостепи, предшествуют во времени наконечникам копий с более узким, вытянутым пером [119, с. 36—40]. Вместе с тем не вызывает сомнения, что в эпоху архаики удельный вес копий в комплексе скифского наступательного вооружения был весьма незначительным. Подтверждение этому мы видим в следующем. Во-первых, подобная картина наблюдается не только в северопричерноморской степи. Так, на территории Предкавказья

наконечники копий обнаружены всего лишь в шести курганах эпохи архаики, причем только один из них — Ставропольский курган 1953 г.— относится ко времени ранее V в. до н. э. [27, с. 123]. Только два наконечника копий, по данным А. И. Мелюковой, происходят из Келермесских курганов [119, с. 38, табл. VIII]. По наблюдениям В. А. Ильинской [62, с. 101], в 15 погребениях раннескифского времени, открытых в бассейне р. Тясмин, найдено 20 наконечников копий. При этом последние практически отсутствовали в наиболее древних погребениях. Несколько отличаются в этом плане памятники Посулья, где в погребениях VI в. до н. э. найдено 45 наконечников. Однако, если учесть, что к указанному времени на этой территории относятся 80 курганов, которые за редким исключением содержали захоронения знатных воинов в сопровождении большого количества оружия [59, с. 91, 181], то и здесь количество наконечников копий не так уж велико.

Во-вторых, для правильной оценки роли копий в комплексе раннескифского наступательного вооружения весьма важны материалы памятников местного населения Северного Кавказа и Закавказья, испытывавшего с VII в. до н. э. огромное и непосредственное влияние скифской культуры. В результате этого воздействия в обиход аборигенов Кавказа прочно входят мечи скифского типа, скифский лук и стрелы, скифская система узды. О масштабности этих процессов красноречиво свидетельствуют цифры. Так, в кобанских памятниках северных склонов Кавказского хребта найдено около 70 акинаков, в Тлийском могильнике — 13 [203, с. 57], в Самтаврском — 6 [1, с. 130] и т. д. При этом заимствованные у скифов формы оружия и узды зачастую вытесняют местные. Что же касается копий, то в раннескифское время здесь, как и прежде, наиболее распространены весьма характерные наконечники копий, расширяющиеся в нижней трети пера. Они обнаружены в Самтавро, Дванском и Бешташенском могильниках в Закавказье [1, рис. 80; 102, рис. 9, *3*; 90, рис. 4, *3*; табл. XVI], в могильниках Ханкальском, 1-м Алероевском и др.— на Северном Кавказе [27, рис. 34, 35]. Очевидно, непрерывность местной линии в развитии наконечников копий, отсутствие какого-либо заметного скифского влияния в генезисе этого вида вооружения прямо указывает на слабую оснащенность копьями скифских воинов в период переднеазиатских походов и сразу же после их окончания, то есть в VII—VI вв. до н. э.

Весьма симптоматично, что и в предшествующее время на территории степной части Северного Причерноморья копья, по данным А. И. Тереножкина, встречаются крайне редко. По его мнению, некоторое представление о наконечниках копий, бытовавших на новочеркасском этапе позднейшей предскифской культуры дают лишь наконечники из курганов Енджа, Носачевского и захоронения в Бутенках [198, с. 146]. Они (4 экз.) отличаются длинной втулкой, составляющей около $^1/_2$ всей длины, широким лавролистным пером и ребром, плавно соединяющимся со втулкой. Нет необходимости доказывать, что именно эти признаки сближают новочеркасские и древнейшие скифские наконечники копий. На их основе А. И. Мелюкова предположила местное, северопричерноморское происхождение лавролистных наконечников копий [119, с. 39]. С одной стороны, материалов для подтверждения выводов А. И. Мелюковой недостаточно — наконечники копий единичны как в новочеркасских, так и в древнейших скифских памятниках. Вместе с тем не является ли именно это обстоятельство, свидетельствующее об одинаковой роли копий в комплексе вооружения как

киммерийских, так и скифских воинов, дополнительным доказательством правоты А. И. Мелюковой?

Приходится признать, что проблема генезиса скифских наконечников копий еще недостаточно ясна. Очевидно лишь, что с конца VI — в V в. до н. э. значение копий в степной части Северного Причерноморья несколько увеличивается. Свидетельством этому служат данные, приводившиеся нами в начале раздела. Возможно, постепенное возрастание роли копий в составе скифского наступательного вооружения было обусловлено распространением защитного доспеха.

Защитный доспех. Вопросам происхождения, эволюции и устройства скифских доспехов посвящена довольно обширная археологическая литература. Они рассматривались в работах Б. З. Рабиновича, А. П. Манцевич, А. И. Мелюковой [167; 106; 119, с. 69—78] и других исследователей. Наиболее полно эти моменты освещены в монографии Е. В. Черненко [213], в которой учтены практически все известные к концу 60-х годов скифские средства защиты. Это позволяет нам ограничиться лишь кратким обзором защитного вооружения эпохи архаики, найденного в Северном Причерноморье.

Согласно приведенной сводке (см. прил. 2) детали защитного вооружения обнаружены в 25 погребениях. В большинстве случаев оно представлено отдельными панцирными пластинами или фрагментами панцирного набора. Сохранившиеся целиком доспехи единичны. Так, лишь в пяти случаях имеются данные о конструкции панцирей. Один из них, найденный в кургане № 6 у г. Жданова, представлял собой, согласно описанию автора раскопок П. М. Пиневича, железный наборный панцирь с длинными рукавами. Два доспеха — из нимфейского кургана 1868 г. и кургана у с. Новая Розановка — относились к группе панцирей с оплечьями. Относительно устройства еще двух панцирей — из курганов у с. Александровка и кургана 1б у с. Аджиголь, можно лишь сказать, что они не имели рукавов.

Боевые пояса зафиксированы в четырех курганах (у сел Архангельская Слобода и Новая Розановка, № 6 у г. Жданов, в Завадской Могиле). Пока достаточно подробно опубликован лишь пояс из ждановского кургана, состоявший из кожаной основы и нашитых на нее железных пластин шириной 1,5 и длиной 7—9 см, и новорозановский пояс, набранный из бронзовых пластин шириной 5 см.

Весьма разнообразны по устройству доспехи, защищавшие ноги воина. Так, наборные поножи, состоящие из длинных бронзовых пластин, нашитых на кожаную основу, были обнаружены в погребении № 2 некрополя Нимфея. Функции набедренников и наголенников сочетали в себе длинные штаны, покрытые панцирным набором, из курганов у сел Новая Розановка и Александровка. Бронзовая античная кнемида найдена в кургане № 17 нимфейского некрополя.

Шлемы обнаружены в шести погребениях. Два шлема — из Новой Розановки и Александровки — выполнены в соответствии со скифской традицией из железных чешуек, нашитых на мягкую основу. Остальные представляют собой античный импорт. Среди них два халкидских (Нимфей, № 16; курган у г. Арциз), один иллирийский (Нимфей, погребение № 2 1868 г.). Установить тип античного шлема из кургана № 6 у г. Жданова, где обнаружена лишь небольшая часть доспеха, не представляется возможным.

Единственный известный нам щит происходит из Золотого кургана. Он овальной формы и состоит из деревянной основы, усиленной железными пластинами. Размер щита 125×70 см [213, с. 105].

Упомянутые нами доспехи происходят из погребений V в. до н. э. В более ранних памятниках степного Северного Причерноморья средства защиты воина пока не найдены. Причина этому лишь в одном — в относительной малочисленности памятников этого времени, в их сравнительной бедности. Как убедительно показал Е. В. Черненко, именно в VII—VI вв. до н. э. складывается комплекс скифского защитного вооружения, главным элементом которого в это время были пластинчатые доспехи и бронзовые шлемы кубанского типа, что хорошо прослеживается по материалам Прикубанья и Предкавказья. В сложении этого вида вооружения определяющую роль сыграли походы скифов в страны Передней Азии, где скифские воины сталкиваются с противником, широко применявшим в качестве личной защиты наборные панцири, известные на этой территории с глубокой древности. На развитии скифской панопли отразилось и греческое влияние, выразившееся в использовании скифами шлемов античных типов, а также в появлении панцирей с оплечьями [213, с. 154]. Не исключено также, что уже с VI в. до н. э. часть защитного вооружения, предназначенного для скифов, производилась в специальных мастерских античных городов, подтверждением чему может служить оружейная мастерская этого времени, открытая в Пантикапее. В ней были обнаружены бронзовые панцирные пластины и свинцовая плитка, на которой они вырубались [213, с. 25]. В пользу производства значительной части скифского защитного вооружения в ориентированных на варварский рынок специальных оружейных мастерских греческих полисов свидетельствует, с нашей точки зрения, и чрезвычайная насыщенность погребальных комплексов конца VI—V в. до н. э. средствами защиты — из 80 учтенных нами захоронений этого времени, как уже упоминалось, различные доспехи зафиксированы в 25 погребениях.

Снаряжение коня. Наиболее полно в рассматриваемых памятниках представлены удила и псалии, особенно многочисленные в погребениях конца VI—V в. до н. э.

Для этого времени были характерны бронзовые и железные двухдырчатые псалии с восьмеркообразными расширениями в центре и железные петельчатые двусоставные удила. Подобное устройство удил и псалиев объясняется тем, что к отверстиям псалия крепились нащечные ремни, а сам псалий средней, наиболее узкой частью вставлялся в петлю удил [59, с. 110]. Форма удил весьма невыразительна и практически одинакова во всех наборах узды. Большим разнообразием отличалось оформление псалиев. Наиболее распространены изделия S- и Г-образной формы. Первые встречены в курганах Ак-Бурунском, Медеровском, № 1 группы V у с. Подгородное, у сел Днепряны и Червоный Яр. Вторые обнаружены в Завадской и IV Исановой могилах, на Никопольском курганном поле (курган № 1 1937 г.). В двух случаях — в курганах № 1 группы X у с. Подгородное и № 15 у с. Танковое выявлены прямые двухдырчатые псалии. Своеобразен набор псалиев Нимфейского могильника, где наряду с S- и Г-образной формами зафиксированы псалии с плавно изогнутой верхней лопастью и прямым нижним концом [176, рис. 37, *5*]. Некоторые из известных нам бронзовых псалиев оформлены в традициях скифского звериного стиля. Так, зооморфным орнаментом украшены лопасти S-видных псалиев из Ак-Бурунского кургана. Верхнее окончание псалиев такого же типа из кургана у с. Днепряны выполнено в виде головки «пантеры» (см. рис. 18, *1*), а верхняя часть Г-образного псалия из кургана № 24 Нимфейского могильника оформлена в виде головки хищной птицы.

Двухдырчатым псалиям предшествовали псалии с тремя отверстиями или петлями, расчитанные на прикрепление к трем нащечным ремням. При этом внешняя петля удил крепилась к центральному отверстию псалия посредством среднего нащечного ремня [59, с. 104—105]. Такие псалии, характерные для VII—VI вв. до н. э., подразделяются на четыре типа: костяные трехдырчатые зооморфно оформленные, трехдырчатые костяные роговидной формы, бронзовые трехдырчатые «жаботинские» и железные трехпетельчатые. На территории северопричерноморской степи известно пока лишь три экземпляра древнейших скифских псалиев: костяной из хут. Грушевка (см. рис. 5, *10*), верхняя часть которого украшена резным изображением головы грифона, и два костяных роговидных псалия из кургана у с. Константиновки (см. рис. 5, *7*).

Наиболее многочисленные аналогии первому из них найдены на территории Лесостепной Украины, в частности на территории Днепровского лесостепного Левобережья. Только в Посулье, по данным В. И. Ильинской, обнаружено не менее 120 пар костяных трехдырчатых псалиев, оформленных в традициях скифского звериного стиля [59, с. 106]. На их фоне находка из Грушевки выглядит весьма скромно, что, казалось бы, подтверждает выводы Б. А. Шрамко о связи таких псалиев с культурой населения лесостепных районов [225, с. 100]. Однако не следует забывать, что основная масса лесостепных изделий датируется VI в. до н. э. Между тем более ранние образцы псалиев данного типа известны в Закавказье и Передней Азии, где они относятся ко времени скифских походов, то есть к VII — началу VI в. до н. э. Такие псалии найдены в Тли и Самтавро, на Кармир-Блуре, а также неподалеку от с. Зивие [203, с. 67; 1, с. 131; 155, рис. 61; 63, с. 23]. Это обстоятельство недвусмысленно указывает на то, что данные псалии входили в состав древнейшей собственно скифской узды, использовавшейся участниками скифских походов в Переднюю Азию. На этом основании появление подобных псалиев в лесостепных районах следует, как нам кажется, объяснять прежде всего степным скифским влиянием. О формировании рассматриваемого типа псалиев именно в среде степных кочевников может свидетельствовать также достаточно широкое их распространение в савроматских памятниках [179, с. 80—81].

На широкой территории встречаются и костяные роговидные псалии, известные в северопричерноморской степи по материалам кургана у с. Константиновка. Они обнаружены в памятниках как предскифского, так и раннескифского периодов. К их числу относятся Субботовское поселение чернолесской культуры [198, рис. 54, *5*], одновременное ему поселение Сахарна в Молдавии [121, рис. 6], одно из предскифских погребений Кобанского могильника [96, рис. 4, *10*], памятники срубной культуры [212, рис. 2, *9*, *10*], ранние (VII—VI вв. до н. э.) могилы Уйгарака и Тасмолы [30, табл. XXVI, *4*, *5*; 110, рис. 19, *3—6*] и др. Данные этих памятников свидетельствуют, что псалии подобного типа относятся к числу общеевразийских элементов узды раннескифского времени и берут начало в эпохе поздней бронзы. Следует отметить, что основным различием между экземплярами предскифского и раннескифского времени, с нашей точки зрения, является размещение отверстий на псалиях. При этом на предскифских образцах два крайних отверстия размещены ближе к окончаниям псалия, в то время как в раннескифский период все три отверстия располагались в его средней части.

Данное наблюдение подтверждается и тем, что аналогичная закономерность

прослеживается и при сравнении раннескифских бронзовых трехдырчатых псалиев жаботинского типа с бронзовыми псалиями черногоровской ступени позднейшей предскифской культуры. Если для последних характерно расположение отверстий в середине и по концам, то на жаботинских псалиях отверстия сближены между собой и находятся в средней части стержня [198, с. 150, 208]. К сожалению, псалии жаботинского типа на территории северопричерноморской степи пока не выявлены. Их глубокая древность подтверждается находками в таких памятниках VII в. до н. э., как курган № 524 у с. Жаботин Черкасской обл. [62, табл. VII, *11*] и Алексеевский курган на Ставрополье [123, с. 331]. Кроме того, в эту же группу входят псалии из курганов № 375 у с. Емчихи [33, табл. 4, *10*], № 2 у с. Медвин [77, рис. 11, *6*] и № 183 на р. Тенетинке (Днепровское лесостепное Правобережье) [62, табл. XXIX, *9*], из бывшего Богодуховского уезда Воронежской губернии, Малого кургана в Азербайджане [54, с. 89; 56, рис. 10] и погребения № 15 некрополя Сиалк В в Иране [193, рис. 3, *9*]. Псалий такого же типа хранится в Минусинском музее [222, с. 73, табл. XVI, *27*]. Для отливки бронзового псалия жаботинского типа предназначалась также форма, найденная на Дальверзинском поселении чустской культуры в Фергане [193, с. 77]. Малочисленность псалиев этого типа, сочетающаяся с их распространением на очень широкой территории, затрудняет решение вопроса о месте их формирования. Однако повторение ситуации, прослеженной нами на примере наконечников стрел, а именно наличие форм, морфологически близких псалиям жаботинского типа в памятниках черногоровского этапа позднейшей предскифской культуры (курганы Камышевахский, Малая Цимбалка и др.) позволяет предположить, что в данном случае мы имеем дело с двумя разновременными звеньями единой линии развития бронзовых стержневидных псалиев с тремя отверстиями. В Северном Причерноморье эта линия прерывается на новочеркасском этапе позднейшей предскифской культуры, во время которого были распространены бронзовые трехпетельчатые псалии кобанского типа, что, с нашей точки зрения, дает основание исключить территорию последнего из числа возможных районов формирования псалиев жаботинского типа.

Весьма рано появляются у скифов и железные стержневидные трехпетельчатые псалии, также пока неизвестные в памятниках северопричерноморской степи. Находка такого псалия в погребении № 15 могильника Сиалк В в Иране [193, рис. 3, *11*] свидетельствует о том, что стержневидные псалии использовались еще в VII в. до н. э. Однако наиболее хорошо представлен этот тип псалиев в прикубанских и северокавказских памятниках VI в. до н. э., в частности в Келермесских курганах [55, рис. 1]. С нашей точки зрения, эта форма псалиев сложилась на основе бронзовых псалиев жаботинского типа и является результатом приспособления формы последних к технологическим особенностям обработки железа.

Наиболее древней формой скифских удил являются бронзовые стремячковидные удила. Они обнаружены в таких памятниках несомненно VII в. до н. э., как курганы Алексеевский и № 524 у с. Жаботин [123, с. 331; 62, табл. VII, *13*]. Известны также в памятниках Закавказья, где они датируются периодом переднеазиатских походов [202, рис. 2, 283]. Рубежом VII—VI в. до н. э. датируются стремячковидные удила из Келермесских курганов [55, с. 114, рис. 1]. На территории степной части Северного Причерноморья они известны по находке у с. Константиновки [см. рис. 5, *9*].

Остановимся на вопросе происхождения этого типа удил. В период существования в южных районах Европейской части СССР позднейшей предскифской культуры типа Черногоровки — Новочеркасского клада применялись два основных типа удил: стремячковидные, характерные для черногоровского этапа, и более поздние двукольчатые, датируемые новочеркасским временем [198, с. 149—160]. Несмотря на большое сходство между стремячковидными удилами черногоровского времени и скифскими, выводить форму вторых из формы первых, по-видимому, нельзя, поскольку предскифские стремячковидные удила не доживают до начала скифского периода. Непосредственно предскифскими формами являются двукольчатые удила кобанского типа, морфологически отличающиеся от раннескифских форм.

В свое время Л. Л. Иессен, рассматривая древнейшие скифские и непосредственно предшествующие им памятники Северного Кавказа, очень точно подметил, что новочеркасские двукольчатые удила являются типом, распространение которого ограничено территориально Северным Причерноморьем и Северным Кавказом, между тем как стремячковидные удила скифского типа распространены на всей территории Евразийской степи. Это дало ему основание предположить, что первоначально этот тип удил формируется на востоке, в глубинных районах Азии [55, с. 129].

Позже предположение А. А. Иессена полностью подтвердилось. В районах Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири в настоящее время выделена интересная группа стремячковидных удил с дополнительным отверстием, сводка которых дана в работе Н. Л. Членовой [222, с. 65]. Верхняя граница существования этих удил определяется М. К. Кадырбаевым серединой VI в. до н. э. [110, с. 385], нижняя же пока не совсем ясна, однако наличие дополнительного отверстия сближает этот тип удил и конструктивно, и хронологически с двукольчатыми удилами новочеркасского времени. Этот вывод подтверждается находкой стремячковидных удил с дополнительным отверстием в кургане Аржан [42, рис. 4], что свидетельствует в пользу их глубокой древности.

Эти факты подтверждают точку зрения А. А. Иессена, доказывая, что процесс формирования удил со стремячковидными концами проходил в восточных районах Евразийской степи еще в то время, когда на западе — в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа, были распространены двукольчатые удила кобанского типа. Проникновение стремячковидных удил на территорию Северного Причерноморья в скифское время связано, таким образом, с продвижением в эти районы собственно скифских элементов, пришедших с востока в начале VII в. до н. э.

Кроме удил и псалиев, в состав скифской узды VII—V вв. до н. э. входили также налобные и нащечные украшения, разнообразные бляхи и подвески.

Особый интерес в этом плане представляют бронзовые пластины из кургана, открытого у г. Никополя (см. рис. 4). Две из них вытянутой формы, боковые стороны вогнуты. Верхние концы пластин оформлены в виде круга, нижние — веерообразно расширяются. Длина наиболее хорошо сохранившейся пластины 35, диаметр верхнего круглого конца 16 см. Две другие пластины трапециевидной формы. Их длина — 31,5, ширина верхнего края 15 см. В статье, посвященной изучению данных пластин, мы пришли к выводу, что последние, так же как и близкие им по устройству бронзовые пластины из Прикубанья [108] и Вольно-Аульских курганов в Чечено-Ингушетии [27, рис. 4, 5], датируются временем не позднее VI в. до н. э. и представля-

ют собой пластинчатые налобники и нащечники, защищавшие голову боевого коня [133]. Подобные пластинчатые налобники обнаружены и в курганах V в. до н. э., например налобник из Первой Завадской Могилы (см. рис. 11, *1*), длина которого свыше 40 см, и несколько меньшие по размеру пластинчатые налобники из Нимфея [176, рис. 47, *1*; 48, *5*]. Данные находки свидетельствуют о существовании у скифов уже в период архаики устойчивой традиции защиты боевого коня, зарождение которой мы относим к периоду скифских походов в Переднюю Азию и связываем с влиянием ассирийского военного искусства [133, с. 163].

К числу налобных украшений коня мы относим [129, с. 60] также плакированную золотом бронзовую крестовидную бляху из с. Гусарка (см. рис. 17, *9*). О ее назначении может свидетельствовать наличие на обратной стороне двух петель, предназначенных для закрепления бляхи на двух перекрещивающихся ремнях оголовья. Именно таким образом была закреплена на уздечных ремнях бляха подобной формы, найденная в одном из волковецких курганов в Посулье [59, с. 127].

Из курганов конца VI—V в. до н. э. происходит серия сравнительно небольших налобников в виде объемно выполненных изображений различных животных. Такие налобники обнаружены в 5-м Ак-Бурунском кургане, Острой Могиле у г. Ногайска и др.

Весьма разнообразны по форме и декору многочисленные уздечные бляхи. К их числу относятся бляхи-пронизи круглой (с. Гусарка) и овальной (с. Подгородное) форм, бляхи, выполненные в виде различных животных (с. Константиновка, некрополь Нимфея, Бабы и др.), а также некоторые ворварки и обоймы. Очень интересна найденная в 5-м Ак-Бурунском кургане большая нагрудная бляха в виде свернувшегося кошачьего хищника.

Антропоморфные стелы. Интереснейшими памятниками скифской культуры, неизменно привлекающими внимание многих исследователей, являются каменные антропоморфные изваяния, представляющие собой скульптурные изображения мужчины-воина. По мнению М. И. Артамонова, которое кажется нам достаточно убедительным, скифские стелы — это воплощенный в камне образ героя-родоначальника [9, с. 79]. Более конкретная интерпретация смыслового содержания скифской монументальной скульптуры в настоящее время едва ли возможна.

Согласно сводкам П. Н. Шульца и Е. А. Поповой [226, с. 227—230; 165, с. 110], периодом скифской архаики датируются восемь скифских антропоморфных изваяний, обнаруженных в степной зоне Северного Причерноморья: стелы из сел Надежда, Эрделевка, Станишино (рис. 26, *7*), Грушевка (*6*), Калиновка (*2*), Терновка (*1*), а также изваяния из Днепропетровского музея (*5*) и Медеровского кургана (*3*). Недавно этот список был дополнен стелой из кургана у с. Нововасильевки (рис. 26, *4*). По данным Г. Л. Евдокимова, еще две стелы раннего времени хранятся в Томаковском районном музее Днепропетровской области [49, с. 20].

Среди названных стел особое место занимает изваяние из с. Грушевка, выделяющееся массивностью и отсутствием изображения ритона — атрибута, имеющегося на перечисленных стелах. Однако эти же особенности характерны и для ряда антропоморфных изваяний, обнаруженных за пределами северопричерноморской Скифии. Три из них найдены в Румынии [228, с. 218—219, рис. 1]; семь — из станиц Бесскорбной [227, с. 189—191] и Бургустанской [27, с. 37], селений Мескеты, Замни-Юрт, Бети-Мохх, Дагестанские Огни [111] — связаны происхождением с территорией Прикубанья и Северного Кавказа.

Стела из с. Грушевка и аналогичные ей антропоморфные изваяния несомненно представляют по стилю исполнения единую целостную группу, для которой характерна слабо выраженная антропоморфность, массивность форм, отсутствие изображений ритона. Стелы этой группы изготовлены из каменных плит, на которых плоским рельефом и резными линиями обозначена голова, а иногда и детали лица — глаза, нос. Шея едва выделена или не выделена вовсе. В тех случаях, когда руки промоделированы достаточно хорошо, удается проследить, что они согнуты в локтях и лежат на животе. Набор предметов, изображаемых на стелах этой группы, немногочислен. Зачастую, но не всегда, изображался пояс (исключение составляет стела из Замни-Юрт), причем на ряде стел (галайтинской, мескетинской, стелах из Грушевки, Ступины и др.) у пояса имелись изображения акинаков весьма архаического вида. По количеству изображенных на стелах предметов выделяются лишь изваяния из Сибиоары (Румыния) и ст-цы Бесскорбной, на которых, кроме мечей, были изображения секиры, гориты с луком, гривны. Изображение гривны имеется и на стеле из с. Грушевка.

Иначе оформлены такие северопричерноморские стелы, как калиновская, терновская, нововасильевская, медеровская и примыкающее к этой группе известное изваяние из Краснодарского музея [122, рис. 7—9]. Эти стелы отличаются подчеркнутой антропоморфностью, более вытянутыми пропорциями, четкой проработкой деталей и наличием изображений довольно многочисленных аксессуаров, в том числе обязательного ритона.

Промежуточное положение между стелами этих двух групп занимают изваяния из Станишино и Днепропетровского музея, приближающиеся по формам к стелам первой группы (типа Грушевки), но отличающиеся от последних наличием изображения ритона, характерного для стел второй группы (типа Терновки, Нововасильевки и др.).

Отмеченные выше различия в оформлении антропоморфных изваяний объясняется, несомненно, прежде всего различиями хронологическими. При этом наиболее твердо датируются изваяния второй группы. Два из них — медеровское и нововасильевское — обнаружены в курганах V в. до н. э. Этим же временем на основании наличия изображения меча с когтевидным навершием датируется стела из Терновки. Контуры подобного меча нанесены на изваяния из Калиновки. Не вызывает сомнения датировка V в. до н. э. и стелы из Краснодарского музея.

Несколько труднее датировать стелы первой группы. Однако более архаичные типы мечей, изображенные на этих изваяниях, а также то обстоятельство, что галайтинская стела была вторично использована в качестве строительного материала при сооружении каменного склепа V—IV вв. до н. э. [27, с. 37], позволяет согласиться с выводами П. Н. Шульца о принадлежности этих стел к числу древнейших памятников скифской культуры [226, с. 227 и сл.]. Приняв эту точку зрения, мы должны обратить внимание на следующее. Первое — как стела из с. Грушевка, так и стелы, обнаруженные за пределами Северного Причерноморья (в Румынии и на Северном Кавказе), несомненно являются собственно скифскими памятниками. Только этим фактом можно объяснить значительную стилистическую близость, наблюдающуюся между изваяниями, распространенными на столь обширной территории — от Румынии на западе до Каспийского моря на востоке. Второе — широкие территориальные рамки бытования стел первой группы свидетельствуют, как нам кажется, о том, что эти изваяния относятся к периоду, когда границы северопричерно

морской Скифии еще окончательно не стабилизировались. Это подтверждает раннюю датировку стел первой группы. Третье — основным отличительным признаком стел ранней группы является, с нашей точки зрения, отсутствие изображения ритона. Правда, этот атрибут не изображен и на стеле из с. Ольховчик [185], датируемой большинством авторов в пределах V—IV вв. до н. э. [228, с. 220; 165, с. 111; 34, с. 226]. Однако это исключение скорее подтверждает общее правило, поскольку манера исполнения стелы из с. Ольховчик пронизана, по справедливому замечанию П. Н. Шульца, еще старой, неизжитой архаической традицией [228, с. 221].

Определенные трудности, прежде всего из-за сравнительной малочисленности материала, вызывает решение вопроса об истоках формирования скифской монументальной скульптуры.

Одним из таких истоков, по мнению П. Н. Шульца, являлось монументальное искусство Передней Азии, оказавшее определенное влияние на окончательное сложение, оформление скифских антропоморфных изваяний, что выразилось прежде всего в заимствовании скифскими мастерами ряда художественных приемов, применение которых привело к постепенному развитию скифских стел в сторону объемных статуй [226, с. 237; 227, с. 194]. Точка зрения П. Н. Шульца обоснована достаточно убедительно. Вместе с тем мы ни в коем случае не можем согласиться с развитием его взглядов в работе Е. А. Поповой, которая считает, что «надо пойти дальше и видеть в этом не просто влияние одного искусства на другое, а корни традиций скифского монументального искусства на Ближнем Востоке» [165, с. 109]. К подобному выводу можно прийти, лишь совершенно игнорируя различное смысловое содержание скифских антропоморфных изваяний и монументального передневазиатского — хеттского и ассирийского искусства, что исключает прямое, механическое перенесение выработанных в Передней Азии образов и присущей им иконографической схемы, в иную этнокультурную, скифскую кочевую среду. По-видимому, Е. А. Попова понимает уязвимость высказанной ею точки зрения, иначе она вряд ли писала бы о том, что, вернувшись из Передней Азии в Северное Причерноморье, скифы «обратили внимание» на каменные изваяния предшествующей эпохи, которые и повлияли на окончательное сложение иконографии скифских антропоморфных стел [165, с. 109].

Вывод о влиянии, оказанном на скифскую монументальную скульптуру предскифскими древностями Северного Причерноморья, весьма проблематичен, поскольку скифские антропоморфные изваяния в значительной мере отличаются от выделенных А. И. Терепожкиным и Н. Л. Членовой киммерийских стел [199; 223], бытовавших на юге Европы в черногоровско-новочеркасский период. Эти различия, проявляющиеся в композиционных решениях, в предельной стилизации киммерийских стел, практически не имеющих антропоморфных признаков, со всей очевидностью свидетельствуют о наличии различных культурных традиций, лежащих в основе киммерийского и скифского монументального искусства.

В качестве весьма осторожного предположения мы можем допустить, что тип скифских антропоморфных изваяний сложился в восточных районах Евразии в результате эволюции оленных камней, в основе семантики которых, по справедливому замечанию В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой, лежит антропоморфный образ [31, с. 84]. В пользу такого предположения как будто свидетельствуют недавние находки оленных камней, отличающихся довольно высокой степенью антропоморфности. Согласно сводке Д. Г. Савинова и Н. Л. Членовой [172, с. 73], всего на территории Монголии и Тувы к настоящему времени обнаружено шесть таких камней. При этом несомненно предскифской, карасукской эпохой датируется камень из Уппкийн-Увэра, верхняя часть которого оформлена в виде скульптурного изображения головы человека [31, с. 84, рис. 3]. Предскифским временем датируется, с нашей точки зрения, и камень из Самагалтая (Тува), отнесенный Д. Г. Савиновым и Н. Л. Членовой к V в. до н. э. [172, с. 77]. Предложенная ими датировка явно завышена, поскольку такие детали изображения, как косые черточки на месте лица, ожерелье на шее и др., сближают изваяния из Самагалтая с предскифскими стелами из Сосновки и Уюк-Тарлага в Туве, с. Гумарово в Оренбургской области [223, рис. VI, *4—6*].

Таким образом, вполне вероятно, что в восточных районах Евразии эволюция оленных камней в сторону антропоморфных изваяний скифского типа проходила еще в карасукскую эпоху. Однако до появления новых и убедительных археологических источников, которые смогли бы доказать, что такая эволюция действительно имела место, изложенные нами выводы являются не более чем одним из возможных решений проблемы происхождения скифских антропоморфных изваяний.

Каменные блюда. По поводу назначения каменных блюд, которые в скифскую эпоху бытовали на весьма обширной территории, существует две точки зрения. Так, Б. Н. Граков [246, p. 180], К. Ф. Смирнов [180, с. 164—165], В. Г. Петренко [149, с. 36], М. К. Кадырбаев [110, с. 391—392], О. А. Вишневская [30, с. 86—87] и другие авторы считают каменные блюда предметами культа — переносными алтарями или жертвенниками. В. И. Ильинская и Г. Т. Ковпаненко находят, что эти изделия имели более утилитарное назначение и предназначались для растирания краски, использовавшейся в косметических целях [59, с. 150—151; 62, с. 154—155; 76, с. 156]. Этой же позиции при описании блюда с сильно сработанной рабочей поверхностью, обнаруженного в Закаспии, придерживается А. М. Мандельштам [105, с. 24]. По нашему мнению, вторая точка зрения более убедительна. В ее пользу свидетельствует как обычность этих предметов в памятниках скифского времени, так и следы растирания краски, обнаруженные на поверхности многих рассматриваемых изделий.

Из архаических степных памятников Северного Причерноморья известны четыре каменных блюда. Одно из них — подквадратной формы (45,3×37 см) и с невысоким бортиком по краю — было найдено в кургане у г. Константиновска. Два блюда овальной формы, размеры которых 31×19 и 44,5×31,5 см, обнаружены в кургане на западной окраине Ростова и в погребении № 2 кургана № 37 группы Широкое II (Херсонская обл.). Четвертое блюдо, форма и размеры которого нам не известны, происходит, по данным В. А. Ильинской, из скифской могилы, исследованной на Ворошиловградщине [62, с. 155]. К этой же группе изделий, по-видимому, следует причислить и плоскую каменную плиту для растирания краски, обнаруженную в кургане у с. Новокиевка.

Эти находки уже сами по себе опровергают наблюдение В. Г. Петренко относительно отсутствия каменных блюд в собственно скифских, степных памятниках и их особенно широкого распространения в Среднем Приднепровье [149, с. 36]. При этом каменные блюда Лесостепного Приднепровья, по мнению того же автора, «были заимствованы у саков Средней Азии, однако путь их проникновения совершенно неясен» [149, с. 36]. Если первая часть этого утверждения бесспорна, то вторая нуждается в уточнении. И вот почему.

Отсутствие каменных блюд в доскифских памятниках Северного Причерноморья и появление их на этой территории лишь с VII—VI вв. до н. э. (именно этим временем датируются курганы у Константиновска и Ростова, основное количество погребений с каменными блюдами на территории днепровской Лесостепи) достаточно однозначно указывает на существование прямой связи между распространением в Северном Причерноморье рассматриваемых изделий и проникновение на эту же территорию скифских этнических элементов. Этот вывод подтверждается и тем, что каменные блюда хорошо известны в районах, лежащих к востоку от Северного Причерноморья. Они, например, были обнаружены в савроматских могилах [180, с. 164—165], в сакских памятниках Средней Азии [30, с. 86—87] и тасмолинских погребениях Казахстана, где они были наиболее широко распространены [110, с. 391—392]. Следует отметить и то, что в отличие от районов, занятых савроматами, где находки каменных блюд, подобных по форме скифским, весьма редки, на территории Средней Азии и Казахстана основная масса этих изделий практически однотипна с каменными блюдами Северного Причерноморья. Значительный интерес представляет и то, что именно на территории Казахстана, в составе комплекса Айшрак, обнаружено несколько каменных блюд, которые датируются доскифским, андроновским периодом [110, табл. VII, *18, 19*]. Все это, с нашей точки зрения, достаточно ясно указывает на территорию первоначального появления этих предметов и пути их проникновения в Северное Причерноморье.

Бронзовые зеркала. В степных районах Северного Причерноморья к настоящему времени обнаружено восемь архаических бронзовых зеркал различных типов.

Наиболее ранним из них является зеркало из кургана VI в. до н. э., исследованного на окраине Ростова. Зеркало представляет собой бронзовый диск диаметром 11,2 см с вертикальным бортиком и петлевидной ручкой на обороте.

По мнению К. Ф. Смирнова, подобные зеркала проникают на территорию Скифии из более восточных районов Евразии [180, с. 155]. К этому выводу автор пришел на основании находок зеркал подобного типа в карасукских памятниках Минусинской котловины [222, с. 88, 90] и андроновских могилах Казахстана [110, с. 75], что убедительно свидетельствует о формировании в указанных районах зеркал рассматриваемого типа еще в эпоху бронзы.

Еще одно бронзовое зеркало было обнаружено в кургане № 6 у г. Жданова (V в. до н. э.). Однако из-за значительной разрушенности тип, форму и размеры зеркала установить невозможно.

Остальные зеркала, происходящие из степной части Северного Причерноморья, относятся к группе зеркал с боковой рукоятью. Это прежде всего зеркала из Рожновского кургана (см. рис. 6) и Анновки, боковые рукояти которых оформлены в виде женских статуэток. Подробный историко-искусствоведческий анализ этих находок был проведен С. А. Жебелевым и В. К. Мальмбергом, уверенно датировавшими данные зеркала второй половиной VI в. до н. э. и определившими зеркало из Анновки как продукцию дорийских ремесленников, а зеркало из Рожновского кургана — как ионийское изделие [51, с. 1—34]. Этот вывод поддержала и Н. А. Онайко [144, с. 18].

Цельнолитое бронзовое зеркало с боковой рукоятью, нижний конец которой украшен изображением кошачьего хищника, обнаружил при раскопках курганов в низовьях Днепра П. О. Бурачков [236, с. 43]. Эту находку можно включить в число так называемых зеркал ольвийского типа, получивших наименование в связи с их производством в бронзолитейных мастерских Ольвии во второй половине VI — первой четверти V в. до н. э. [208, с. 27; 37, с. 29].

Еще два зеркала античного типа найдены в Аджигольском могильнике. Оба зеркала вырезаны из цельного листа бронзы. Они датируются V в. до н. э. и сходны по форме и размерам, отличаясь при этом рядом деталей. Так, рукоять зеркала из кургана 1J оканчивается круглым расширением и украшена графированным изображением розетки и женщины с цветком. Проще оформлено зеркало из кургана 1R, ручка которого оканчивается тремя выступами.

И, наконец, восьмое зеркало происходит из кургана в г. Днепрорудном (V в. до н. э.). Оно представляет собой бронзовый диск диаметром 17,3 см, к которому с помощью двух заклепок была прикреплена деревянная ручка шириной 2,5 см (см. рис. 18, *10*). Данный экземпляр несомненно является скифским изделием, изготовленным под влиянием античных образцов.

Деревянные сосуды. Деревянные сосуды являются одной из характерных особенностей материальной культуры ранних кочевников Евразии. Во всяком случае мы знаем, что деревянная посуда была достаточно широко распространена в среде скифов, савроматов, саков и других кочевых народов [109; 180, с. 137—138; 101, с. 42].

К сожалению, сами скифские деревянные сосуды до нас практически не дошли. Об их существовании мы можем судить лишь по находкам золотых обивок сосудов в ряде скифских погребальных памятников. Из них десять — погребения в курганах № 2 группы II у с. Ковалевка, № 5 у с. Архангельская Слобода, у г. Днепрорудного [см. рис. 18, *13*], Ак-Мечетского, № 6 у г. Жданова, Чабанцевой и Первой Завадской Могилах [см. рис. 11; 4—8], у с. Александровки [см. рис. 15, *8, 9*], Бабы [см. рис. 10, *2—4*], № 4 группы Испановых Могил [см. рис. 12, *2*] — относятся к V в. до н. э. Золотые обивки этого времени украшались рельефными изображениями оленей с подогнутыми ногами (г. Днепрорудный, Ак-Мечеть, Первая Завадская Могила), рыбы (курган у с. Архангельская Слобода, Первая Завадская Могила), сцены терзания рыбы орлом, (Первая Завадская Могила), а также голов вепрей (курган Бабы) и др. Форма обивок в основном квадратная или приближающаяся к квадратной, однако встречаются и треугольной формы (курган Бабы, у с. Александровка).

Немаловажен и тот факт, что деревянные сосуды с металлическими обивками были распространены на территории юга Европейской части СССР не только в скифское время, но и в предшествующий период. Так, бронзовые бляшки, украшающие деревянные сосуды, выявлены в ряде срубных погребений — в курганах № 2 у Бутурлинских выселок и № 1 у с. Кротовки в Поволжье [86, с. 68, рис. 15, *8, 9*] в нескольких погребениях у с. Балки Запорожской области [148, с. 13] и др. Известны находки бронзовых обивок деревянных сосудов и в погребальных памятниках культуры типа Черногоровки — Новочеркасского клада [198, с. 163]. Все эти факты, казалось бы, позволяют связывать происхождение скифских деревянных сосудов с местными, северопричерноморскими традициями. Однако настаивать на этом мы не считаем возможным, поскольку использование деревянных сосудов, чрезвычайно удобных в кочевом быту, было явлением, характерным для более обширной территории, чем Северное Причерноморье.

Итак, на материале архаических погребальных комплексов мы рассмотрели основные категории материальной культуры степных скифов Северного Причерноморья в VII—V вв. до н. э. За пределами данного обзора остались вещи, представленные в комплексах

сравнительно редко: бронзовые котлы (1 экз. из кургана Раскопана Могила), бронзовые ножи (2 экз. из кургана 1G у с. Аджиголь), золотые «ворварки» — изделия в виде усеченного конуса с одним отверстием в центре верхней плоскости (4 экз. из курганов Острая Томаковская Могила, у сел Александровка, Ильичево, г. Арциза), а также украшения из драгоценных металлов и античная керамика, подробно рассмотренные Н. А. Онайко и В. Г. Петренко [144; 153].

Особо следует отметить лепную керамику. В описанных памятниках она встречается крайне редко. Так, в кургане у г. Константиновска найдены сероглиняный кувшин, ближайшие аналогии которому имеются в местных памятниках Северного Кавказа [70, с. 173], и лепной горшок с отогнутой наружу, дуговидной в разрезе шейкой. Горшки подобной формы обнаружены также в погребении VI в. до н. э., открытом на Кировском поселении, и в кургане у г. Днепрорудного. Горшок со сливом происходит из кургана, исследованного на окраине Ростова-на-Дону. В кургане № 15 у с. Танковое найден лепной сосуд с шаровидным корпусом и цилиндрической нижней частью. Интерес представляют два миниатюрных сосуда, подражающие лесостепным образцам, из кургана у г. Днепрорудного — кувшин со слегка отогнутым наружу венчиком, цилиндрической шейкой и резко выделенными плечиками, расположенными в верхней трети корпуса, и небольшая мисочка на невысоком поддоне (см. рис. 18, *12*, *14*). В кургане у с. Нововасильевка найден лепной светильник. Кроме того, в данную сводку следует включить такие курганы, как Бабы, Раскопана Могила, № 4 группы Испановых Могил, где найдены небольшие и маловыразительные фрагменты лепных сосудов.

Большинство исследователей связывают происхождение скифской лепной керамики степного Северного Причерноморья с развитием местного предскифского керамического комплекса [38, с. 68—70; 86; 96, с. 91; 113, с. 15]. Недавно этот вывод был подтвержден в специальном исследовании Н. А. Гаврилюк, проанализировавшей как крайне малочисленную керамику из упомянутых выше скифских погребальных комплексов VII—V вв. до н. э., так и обширную коллекцию керамического материала, обнаруженного на поселениях эпохи скифской архаики — Широкая Балка, Викторовка I и др. В результате она пришла к выводу, что с местной предскифской керамикой связано появление у скифов лепных горшков с дуговидной в разрезе шейкой (типа упоминавшихся нами сосудов из погребения у с. Кирово, курганов у Константиновска и Днепрорудного), составляющих основную массу керамического комплекса поселений раннескифского времени. По мнению Н. А. Гаврилюк, это доказывает, что основой для формирования скифского керамического комплекса послужила керамика местного предскифского населения [32, с. 14, 18].

Подводя итог, отметим, что сложение всего комплекса раннескифской материальной культуры проходило на основе трех различных источников. Определяющее значение при этом играли элементы материальной культуры, привнесенные скифскими кочевыми племенами в начале VII в. до н. э. с востока: двухлопастные наконечники стрел с ромбической головкой, мечи-акинаки, бронзовые зеркала с петлей на обороте, бронзовые стремячковидные удила, каменные блюда и, по-видимому, каменные антропоморфные изваяния. Именно внезапное появление этих вещей на территории Северного Причерноморья в VII в. до н. э. знаменует собой начало скифского периода.

В результате взаимодействия скифских этнических элементов с остатками местного доскифского, киммерийского населения, обитавшего в южнорусских степях, последнее оказало определенное влияние на культуру пришлых скифских племен. В области материальной культуры это влияние достаточно определенно прослеживается пока лишь на примере раннескифской степной керамики.

Значительную роль в окончательном формировании скифской материальной культуры сыграли походы скифов в страны Передней Азии, во время которых происходит сложение на основе древневосточных образцов комплекса скифского защитного вооружения, включавшего как оборонительный доспех воина, так и средства защиты боевого коня.

Таким образом, мы можем констатировать, что процесс формирования раннескифского комплекса материальной культуры происходит в течение VII и в начале VI в. до н. э. Во всяком случае, материалы курганов Келермесского, у хут. Красное Знамя, Литого, у слободы Криворожье и других одновременных им скифских памятников свидетельствуют, что к моменту окончания переднеазиатских походов этот процесс уже был завершен.

На дальнейшее развитие скифской материальной культуры несомненное влияние оказала и культура античного мира. Оно проявляется не только в наличии в степных раннескифских памятниках вещей чисто греческих типов — импортной керамики, шлемов и поножей античного производства, металлической привозной посуды и т. д., — но и в массовом производстве ремесленниками античных колоний Северного Причерноморья товаров, предназначенных специально для сбыта среди варварского населения этой территории, — «ольвийских» зеркал, крестовидных бляшек типа бляхи из с. Гусарки, уздечных принадлежностей и даже бронзовых наконечников стрел. Это производство, начало которого относится к VI в. до н. э., особенно четко прослеживается на материалах Березани, Ольвии и такого своеобразного памятника, как недавно открытое Ягорлыцкое поселение [146].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение вопроса о времени появления на юге Европейской части СССР скифских этнических элементов самым тесным образом связано с выделением на этой территории таких памятников, которые фиксировали бы это событие археологически. К их числу относятся прежде всего уже упоминавшиеся нами погребения у сел Енджа и Белоградец (см. рис. 27), у Лермонтовского разъезда и захоронение 1921 г. Каменномостского могильника (см. рис. 28).

Особый характер этих погребальных памятников определяется особым характером их инвентаря, в составе которого имеются как вещи, свойственные новочеркасскому этапу позднейшей предскифской культуры, так и вещи новых для рассматриваемой территории типов — двухлопастные ромбические наконечники стрел енджинского типа (погребения у сел Енджа и Белоградец), железный акинак с почковидным перекрестием (Лермонтовский разъезд) и бронзовая уздечная бляха, оформленная в виде птицы (Каменномостский могильник).

Как мы стремились показать в предыдущей главе, двухлопастные скифские наконечники стрел и скифские мечи, не имеющие прототипов в предскифских памятниках юга Европейской части СССР, несомненно формируются в восточных районах Евразии, а проникновение этих предметов на территорию, лежащую к западу от Волги, непосредственно связано с продвижением сюда скифских этнических элементов.

К кругу скифских древностей безусловно относится и уздечная бляха из Каменномостского могильника. Для этого достаточно вспомнить находку аналогичной бляхи в составе узды скифского типа из Кармир-Блура [156, рис. 2].

Механическое смешение в составе инвентаря отмеченных погребальных памятников вещей новочеркасского и нового, скифского, типа явилось, с нашей точки зрения, результатом контактов местного (киммерийского) и пришлого (скифского) населения, происходивших в период начального проникновения скифов на рассматриваемую территорию.

Этим же периодом, вероятно, датируется и погребение № 39 меотского могильника у хут. Кубанского [6, с. 36 и сл.], где наряду с железным мечом закавказского типа, железным копьем, бронзовым наконечником стрелы довольно аморфной формы и бронзовой биконической булавой, которая, по мнению А. И. Тереножкина, непосредственно связана с новочеркасскими древностями [198, с. 139], были обнаружены бронзовые стремячковидные удила скифского типа и бронзовый трехдырчатый псалий, украшенный на концах головками грифонов.

Значительный интерес представляет также комплекс вещей из ст-цы Махошевской в Прикубанье, в составе которого были характерные для новочеркасского времени двукольчатые удила и семь бронзовых трехпетельчатых псалиев, сочетающиеся с тремя типичными скифскими навершиями. Если этот комплекс действительно одновременен и, как предполагал А. А. Иессен, действительно представляет собой инвентарь разрушенного погребения [54, с. 63], тогда эта находка является еще одним археологическим памятником эпохи проникновения скифов в южные области Европейской части СССР.

Молчаливыми свидетелями этой эпохи несомненно являются и достаточно многочисленные отдельные находки наконечников стрел енджинского типа, выявленные на обширных степных пространствах Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Такие наконечники обнаружены в дюнах Изюмщины [174, табл. XXVII, *14*; XXVIII, *2, 4, 10*] и Нижнего Днепра [236, с. 35, рис. 11], на Сержень-Юртовском поселении кобанской культуры [80, рис. 3, *1—3*] и у с. Бажиган [61, рис. 3, *2г*] в восточной части северокавказской степи.

Абсолютный возраст перечисленных памятников достаточно четко определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, сравнительно недавно было установлено, что новочеркасский этап позднейшей предскифской культуры оканчивается приблизительно к 650 г. до н. э. [195, с. 4]. Во-вторых, первые письменные упоминания скифов, имеющиеся в переднеазиатских источниках, датируются 70-ми годами VII в. до н. э. [48, с. 245], что предполагает наличие в это время на рассматриваемой территории скифских этнических элементов. В-третьих, время бытования и наибольшего распространения двухлопастных наконечников стрел енджинского типа, как убедительно показала В. А. Ильинская, приходится на начало VII в. до н. э. [61, с. 25]. Вместе взятое позволяет отнести интересующие нас памятники, фиксирующие проникновение скифских этнических элементов в степные районы юга Европейской части СССР, к первой половине VII в. до н. э.

Археологически этот процесс прослеживается по находкам раннескифских наконечников стрел енджинского типа и ряду погребальных памятников, в составе инвентаря которых обнаружены вещи как новочеркасского, так и скифского типа. Относительная малочисленность памятников такого рода, их «разбросанность» на обширной территории от Дуная на западе до Каспийского моря на востоке свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что в первой половине VII в. до н. э. территория юга Европейской части СССР еще не была окончательно освоена скифскими племенами, а границы их расселения еще не стабилизировались. На ход и результаты этих процессов в значительной мере повлияли начавшиеся в этот период походы скифов в страны Передней Азии.

В этой связи следует вспомнить об основных материалах, документирующих пребывание скифов к югу от Главного Кавказского хребта.

По данным ассирийских источников, в 70-е годы VII в. до н. э. на границах древневосточных государств появляются пришедшие сюда вслед за киммерийцами отряды кочевых скифов [48, с. 245]. Это событие знаменовало выход на историческую арену нового, доселе неизвестного народа, стяжавшего впоследствии славу непобедимого и могущественного.

К сожалению, данные письменных источников, относящиеся к этому периоду скифской истории, чрезвычайно скудны и отрывочны. Тем не менее они успешно анализировались многими историками-востоковедами, в том числе И. М. Дьяковым [48], Б. Б. Пиотровским [154; 156, с. 145—150; 158], И. Алиевым [4], Г. А. Меликишвили [115], В. А. Белявским [15]. Здесь же лишь отметим, что начальный этап скифского присутствия в Передней Азии, связанный с именами скифских царей Ишпакая и Партатуя-Прототия, относится, как мы уже говорили, к первой трети VII в. до н. э., а одним из последних событий переднеазиатских походов явилась начатая по вине скифов война между мидийским царем Киаксаром и лидийским правителем Алиатом (Геродот, I, *74*), окончившаяся, как убедительно показал В. В. Струве, около 585 г. до н. э. [183, с. 98]. Таким образом, хронологические рамки переднеазиатских походов определяются в пределах начала VII — начала VI в. до н. э. и охватывают примерно столетний период.

Данные письменных источников о начале скифского вторжения в Переднюю Азию находят и археологическое подтверждение. Во всяком случае находки стрел енджинского типа в таких памятниках Закавказья, как могильники Самтавро и Тли [1, табл. 1, *56*; 202, рис. 2, *269*], свидетельствуют, что начало проникновения скифских этнических элементов в районы, лежащие к югу от Главного Кавказского хребта, происходило практически одновременно с началом освоения скифами степных пространств Северного Причерноморья и Северного Кавказа и приходилось на начало VII в. до н. э.

Вместе с тем эти находки не позволяют согласиться с точкой зрения М. С. Пирцхалава, которая считает, что между первыми упоминаниями скифов в переднеазиатских документах начала VII в. до н. э. и древнейшими памятниками скифской материальной культуры на территории Закавказья существует значительный хронологический разрыв, что не дает возможности, по ее мнению, считать переднеазиатские походы скифов тем фактором, который обусловил распространение вещей скифского типа к югу от Главного Кавказского хребта [160].

Отрицать роль переднеазиатских походов в распространении скифских вещей на территории Закавказья не приходится и по той причине, что наиболее насыщены этими вещами памятники, расположенные в непосредственной близости от вероятных путей продвижения скифов в страны Передней Азии.

Попытка проследить эти пути предпринималась в археологической литературе неоднократно (достаточно вспомнить работы Е. Миниза [248, p. IX], Н. В. Анфимова [5] и в особенности работы Е. И. Крупнова [88; 89, с. 60 и сл.], В. Б. Виноградова [27, с. 11 и сл.]). В результате удалось выяснить, что в период переднеазиатских походов наибольшее значение играли маршруты, пролегавшие через Дербентский и Дарьяльский проходы, через Мамисонский перевал и вдоль побережья Черного моря. Действительно, именно в этих районах обнаружено наибольшее количество памятников аборигенного населения, содержащих вещи скифского типа. Достаточно полная сводка этих памятников приведена в работе М. Н. Погребовой [162].

На территории современного Азербайджана это — Малый курган в Мильской степи [56, с. 10—35], грунтовые погребения Мингечаура [64; 65; 67: 210], захоронение № 48 Кедабекского могильника [53, с. 120].

В Южной Осетии и Центральной Грузии выявлены ныне широко известные Тлийский и Самтаврский могильники [202, с. 30—35, рис. 2; 1, с. 125 и сл.]. В Карталинии исследован Дванский могильник [102], еще южнее расположен могильник Мусиери [90, с. 48] и погребение у с. Цицамури [253, p. 300].

Интереснейшая группа памятников открыта в Западной Грузии, в Абхазии. Это могильники Кулапурвхский [206, с. 88—167] и Гуадиху [207, с. 26—29], погребение у с. Колхида [205] и др.

Эти памятники, несмотря на то что они оставлены носителями различных местных культур Закавказья,— ходжалы-кедабекской, южнокобанской, колхидской и т. д., объединяет наличие в составе их инвентаря вещей скифского типа, которые представлены прежде всего наконечниками стрел, железными акинаками и деталями конской узды. Массовость этих находок свидетельствует о непосредственных контактах скифских этнических элементов и аборигенного населения Закавказья, которые имели место в период походов.

Непосредственно на территории Передней Азии археологические «следы» пребывания скифов представлены в основном находками бронзовых двух- и трехлопастных стрел, подробная сводка которых содержится в работе Т. Сулимирского [253].

Особо отметим две бронзовые литейные формы, предназначенные для изготовления наконечников таких стрел. Одна из них обнаружена в Кархемише [253, p. 296], вторая — в Мосуле [243, 254]. Широкое распространение наконечников стрел скифского типа в Передней Азии — явление вполне объяснимое — ведь они были неотъемлемой принадлежностью каждого скифа — конного стрелка из лука. Определяющая роль непосредственно скифских этнических элементов в распространении указанных наконечников стрел в Передней и Малой Азии отражена и в известном рассказе Геродота об обучении мидийских мальчиков стрельбе из лука скифскими воинами (Геродот, I, *73*).

К числу памятников, документирующих пребывание скифов в этом районе, следует отнести также погребение на городище Норшун-Тепе в Турции [238, p. 20], где обнаружены две бронзовые уздечные бляхи, оформленные в виде когтя птицы, и погребение № 15 некрополя Сиалк В, содержащие бронзовые трехдырчатые и железные трехпетельчатые псалии, а также однокольчатые удила [193, рис. 3, *8—11*].

Уникальным источником для изучения истории скифов является Саккызский клад, обнаруженный у с. Зивие в Иранском Курдистане. Как известно, инвентарь этого погребения состоит из трех групп: чисто восточного происхождения, выполненных в смешанном скифо-восточном стиле, и типично скифских, таких, как наконечники стрел. Часть предметов восточного, а точнее, ассирийского происхождения относится к VIII в. до н. э. В этой связи Б. Б. Пиотровский совершенно справедливо отметил, что ряд предметов из этого комплекса «составляет захваченную добычу, а такой грабеж, в котором принимали участие и скифы, мог быть осуществлен, наиболее вероятно, в конце VII в. до н. э., при разгроме Ассирийского государства» [158, с. 255]. Это предположение вполне соответствует точке зрения Р. Барнетта, согласно которому Саккызский клад представляет собой инвентарь погребения скифского

вождя и датируется рубежом VII—VI в. до н. э. [239, p. 111—116].

Примерно в это же время скифские отряды принимают участие и в разгроме Урарту. Как считает М. И. Дьяконов, воинская мощь урартийского государства была подорвана в период мидийско-лидийской войны 590—585 гг. до н. э., в ходе которой войска Киаксара захватили центральные районы Урарту [48, с. 318]. Воспользовавшись ситуацией, скифы нападают на окраинные, северные города этого государства. Многочисленные следы пожаров, скифские наконечники стрел в обмазке стен рисуют яркую картину штурма и уничтожения скифами таких урартийских центров, как Кармир-Блур, Топрах-Кале, Хайкоберд [154, с. 76 и сл; 158, с. 241]. Данные материалы, обнаруженные в этих центрах и связанные с разгромом государства урартов, являются в хронологическом отношении одним из последних археологических свидетельств пребывания скифов в Закавказье и Передней Азии.

Перечисленные выше памятники, документирующие пребывание скифов на территории Закавказья и Передней Азии, важны прежде всего тем, что они археологически подтверждают данные письменных источников относительно походов скифов и характеризуют последние как массовые и опустошительные вторжения в страны Передней Азии, вовлекшие в свою орбиту значительные группы скифского населения.

В этих условиях все большее значение в истории скифов стали приобретать северокавказские степи, которые были естественным плацдармом на пути в Переднюю Азию. Освоение этой степной территории В. Б. Виноградов по праву считает основным последствием переднеазиатских походов скифов [27, с. 79 и далее].

Начало проникновения скифских этнических элементов в степные районы Северного Кавказа датируется, как уже отмечалось раньше, первой половиной VII в. до н. э. Этот процесс достаточно уверенно прослеживается по обнаруженным на данной территории погребальным памятникам типа захоронения у Лермонтовского разъезда, состав инвентаря которых отражает происходившие в этот период контакты носителей новочеркасской культуры и пришлых скифов. В результате этих контактов, едва ли отличавшихся особым миролюбием, к середине VII в. до н. э. в северокавказской степи исчезают памятники со смешанным новочеркасско-скифским инвентарем, на смену которым на данной территории появляются курганные захоронения, содержащие инвентарь ярко выраженного скифского облика.

К числу таких древнейших собственно скифских погребений Северного Кавказа следует отнести курганы Алексеевский, Ставропольские 1953 и 1924 гг. [123, с. 329—332]. Время создания этих курганов — вторая половина VII в. до н. э.— определяет и время окончательного захвата степных пространств Северного Кавказа скифскими племенами.

Значительное усиление позиций скифов на Северном Кавказе происходит в конце VII — начале VI в. до н. э., в период завершения переднеазиатских походов. Согласно сообщению Геродота, скифы, потерпев поражение в Передней Азии, возвращаются в «свою страну» (Геродот, IV, *1*), под которой он подразумевает северное побережье Черного моря. Однако не вызывает сомнения, что степи Северного Кавказа, захваченные скифами в VII в. до н. э., были для последних такой же «своей» страной, как и степные просторы Северного Причерноморья. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся нами грандиозные погребальные памятники скифских вождей — Келермесские, Костромской, ранние Ульские курганы, открытые в Прикубанье, а также курганы у хут. Красное Знамя, что на Ставрополь-

щине.

Уникальные по богатству и размерам погребальные памятники в северокавказских степях достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в конце VII — начале VI в. до н. э. в результате притока в степные районы Северного Кавказа значительных воинских контингентов скифов, возвращавшихся из походов, они становятся основной политической силой этого района. Эта ситуация отражена, по-видимому, в известном изречении Ксенофонта: «Скифы царствуют в Европе, а меоты им подвластны» (*Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе, II, 1, *10*).

Подобное положение сохранялось, очевидно, вплоть до конца VI в. до н. э. Свидетельством этому служат многочисленные скифские курганы VI в. до н. э., открытые к настоящему времени в Чечено-Ингушетии — у хут. Степной, у с. Гвардейское; в Кабардино-Балкарии — Кармовский; на Ставрополье — Сотниковский, Ставропольский 1968 г. [сводку этих памятников см.: 27, с. 31; 131, с. 27 и сл.].

Присутствие скифов на территории Северного Кавказа в VI в. до н. э. прослеживается и по многочисленным следам влияния скифской культуры на культуру местных северокавказских племен, например на материалах многочисленных кобанских могильников [27, с. 94 и сл.].

К концу VI в. до н. э. политические границы Скифии стабилизируются. При этом восточная граница скифского политического объединения проходила, согласно сообщению Геродота, по реке Танаис (Геродот, IV, *21*). Одновременно происходит и усиление меотских племен Прикубанья. В результате скифское население Северного Кавказа оказывается как бы отрезанным от основной скифской территории в Северном Причерноморье. В этих условиях скифы Северного Кавказа не только оказывают влияние на местные, аборигенные племена этого района, но и сами начинают испытывать воздействие местной культуры.

Показательны в этом отношении материалы В. Б. Виноградова, проследившего кобанские черты в степных памятниках Северного Кавказа V в. до н. э. [27, с. 40—60]. Эти черты ощущаются в таких курганах, как Константиновский, Гойтинские, Бахмутский № 5. Одновременно, с конца VI в. до н. э., обитавшие на Северном Кавказе скифы попадают и под культурное влияние проникших сюда савроматских этнических элементов [27]. Поэтому об этнической чистоте обитавших в V в. до н. э. на степных пространствах Северного Кавказа скифских племен говорить, видимо, не приходится. Однако многочисленные скифские черты, в особенности характерный погребальный обряд таких курганов, как Гойтинские, Мескер-Юртовский, поздние Ульские, позволяют заключить, что и в V в до н. э. на Северном Кавказе обитали весьма многочисленные группы кочевников, связанные со скифами Северного Причерноморья общим происхождением и культурой [131, с. 35]. Об этом свидетельствует и такой факт. После изгнания из пределов Скифии полчищ Дария I, скифские цари обратились к спартанцам с предложением о совместном нападении на Персию. При этом скифы должны были напасть со стороны Кавказа (Геродот, IV, *84*). По-видимому, важную роль при принятии данного решения сыграло наличие на Северном Кавказе территории, занятой племенами в основе своей скифскими. Эта территория, как и много лет назад, могла снова стать опорной базой скифских племен на Кавказе.

Иначе развивались события в степях Северного Причерноморья.

Как мы уже неоднократно писали, появление в начале VII в. до н. э. на территории Северного Причерноморья

древнейших собственно скифских наконечников стрел типа Енджи свидетельствует о начавшемся в это время процессе проникновения кочевых скифов в северопричерноморские степи и вытеснении ими обитавших здесь позднейших киммерийцев, культура которых на этом этапе представлена памятниками типа Новочеркасского клада бронз 1939 г.

Эта борьба к 50-м годам VII в. до н. э. оканчивается полной победой скифских племен. С этого времени на протяжении нескольких столетий на территории степной части Северного Причерноморья известны лишь памятники кочевых скифов, древнейшим из которых является погребение в кургане на Темир-Горе. О победе скифов в Северном Причерноморье к середине VII в. до н. э. косвенно свидетельствует и тот факт, что именно в это время была установлена гегемония скифов в Передней Азии, что несомненно потребовало значительной военной активности скифов в этом районе древнего Востока. В свою очередь, отвлечение значительных скифских воинских контингентов для действий к югу от Главного Кавказского хребта было возможно только при том условии, что сопротивление киммерийского, доскифского населения в Северном Причерноморье было полностью сломлено. На это недвусмысленно указывает и Геродот, из рассказа которого о возвращении скифов после падения их господства в Передней Азии в «свою» страну (Геродот, IV, *1*), то есть в степи Северного Причерноморья, совершенно очевидной становится последовательность событий древнейшей скифской истории — вначале полное завоевание степей Северного Причерноморья, а лишь затем активизация скифских воинских отрядов в Закавказье.

Древнейшие скифские археологические памятники на территории степной части Северного Причерноморья пока сравнительно немногочисленны. Самым ранним из них, как мы уже упоминали, является основное погребение в кургане на Темир-Горе, датируемое по античному сосуду, обнаруженному здесь, серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. Других скифских памятников этого времени — времени наиболее интенсивного проникновения скифов в страны Передней Азии, мы на территории северопричерноморских степей пока не знаем. Правда, присутствие скифских этнических элементов на указанной территории в это время прослеживается по начавшемуся влиянию скифской культуры на культуру южных районов Днепровского лесостепного Правобережья, где именно на протяжении VII в. до н. э. происходят, как показала В. А. Ильинская, процессы «исчезновения старых доскифских форм чернолесской культуры и замена их формами развитой скифской архаики во всех ее проявлениях» [62, с. 169]. Однако наиболее заметно это влияние лишь с конца VII в. до н. э. Данное обстоятельство, а также почти полное отсутствие скифских памятников середины VII в. до н. э. в степной части Северного Причерноморья, дает основание предположить, что на протяжении первых десятилетий второй половины VII в. до н. э. северопричерноморские степи, в отличие от более позднего времени, не играли первостепенной роли в истории скифских племен. Успешные действия скифских отрядов в Передней Азии и установление здесь с середины VII в. до н. э. скифской гегемонии приводят к значительном оттоку скифского населения из Северного Причерноморья. Одновременно с этим все большее значение приобретают степные районы Северного Кавказа, которые, как мы уже говорили ранее, становятся своеобразным плацдармом для продвижения скифов в Закавказье.

Усилившаяся экспансия скифов в Передней Азии, отток скифского населения из районов Северного Причерноморья, возрастание роли степных пространств Северного Кавказа — все это позволяет заключить, что северопричерноморская Скифия как политический организм, объединяющий различные скифские племена, в VII в. до н. э. еще не сложилась.

Появление на рубеже VII—VI в. до н. э. в северопричерноморской степи таких памятников, как курганы на р. Калитве и Мельгуновский, в которых, судя по инвентарю, погребены знатные участники переднеазиатских походов, знаменует собой начало нового этапа в истории Северного Причерноморья — этапа активного освоения этой территории вернувшимися из Передней Азии скифами. Свое археологическое выражение этот процесс находит прежде всего в заметном возрастании количества скифских погребальных памятников конца VII—VI в. до н. э. Действительно, на территории степной части Северного Причерноморья к настоящему времени открыто 20 древнейших скифских памятников. Из них лишь один (Темир-Гора) относится к VII в. до н. э., а остальные датируются концом VII—VI в. до н. э.

Примечательно также и то, что памятники конца VII—VI в. до н. э. обнаружены к настоящему времени на всем обширнейшем пространстве от Дона на востоке до Дуная на западе, то есть во всех районах северопричерноморской степи, которые и позже — в эпоху Геродота — были заняты собственно скифскими племенами.

Однако, как мы уже говорили выше, памятники этого времени, в отличие от более поздних, весьма равномерно разбросаны по всей рассматриваемой территории, не составляя отдельных групп и не концентрируясь в каком-либо районе. Необходимо также отметить, что в большинстве этих памятников (кроме курганов Мельгуновского и Криворожского на р. Калитва) обнаружен весьма скромный погребальный инвентарь.

Последнее заметно отличает памятники конца VII—VI в. до н. э., расположенные на территории степной части Северного Причерноморья, от одновременных им собственно скифских памятников Предкавказья и Северного Кавказа. Как мы уже писали в предыдущем разделе, именно на степных просторах Северного Кавказа и Прикубанья после окончания переднеазиатских походов возникают группы таких уникальных памятников, как курганы равнинной Чечни, курганы у хут. Красное Знамя на Ставропольщине, Келермесские, ранние Ульские, Костромской в Прикубанье. В них обнаружен исключительно богатый инвентарь, многочисленные сопровождающие захоронения лошадей, зафиксированы грандиозные погребальные сооружения.

Концентрация в Прикубанье наиболее богатых архаических скифских памятников побудила в свое время М. И. Ростовцева прийти к выводу о локализации центра Скифии VI в. до н. э. в степных районах, расположенных к востоку от Азовского моря [252, p. 34]. Однако его тезис не получил широкой поддержки. По-видимому, это объяснялось тем, что скифские памятники степной части Северного Причерноморья до недавнего времени были очень слабо изучены и исключать возможность открытия в дальнейшем в северопричерноморских степях «царских» погребений келермесского времени не было никаких оснований. Полностью исключать такую возможность нельзя и сейчас, однако, учитывая массовый характер нынешних археологических исследований в южных районах Северного Причерноморья, она резко уменьшается с каждым годом. Вместе с тем увеличение объема археологических работ в северокавказских степях уже дало ощутимые результаты и привело к открытию таких замечательных скиф-

ских памятников рубежа VII—VI в. до н. э., как курганы у хут. Красное Знамя.

Таким образом, учитывая новые данные, мы должны признать, что предположение М. И. Ростовцева о размещении центра Скифии VI в. до н. э. в районах, расположенных к востоку от Дона, в настоящее время полностью подтверждается археологическими материалами [131; 134, с. 28].

Каковы же возможные причины данного явления? На наш взгляд, ответ на этот вопрос содержится в «Истории» Геродота. Рассказывая о возвращении скифов в Северное Причерноморье, он писал следующее: «Когда затем после 28-летнего отсутствия скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами... От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии» (Геродот, IV, *1—4*). Полулегендарный, эпический характер данного повествования заставил усомниться в его исторической ценности многих специалистов, в том числе и такого знатока древней истории нашего юга, как С. А. Жебелева [52, с. 329—330]. Однако в настоящее время большинство исследователей склонны видеть в данном отрывке отражение конкретных событий, связанных с окончательным освоением скифами в начале VI в. до н. э. обширных пространств Северного Причерноморья. Уход в VII в. до н. э. значительной части скифов в степные районы Северного Кавказа и в Закавказье ослабил позиции скифов в Северном Причерноморье и возвращение этих утерянных позиций в конце VII—VI в. до н. э. потребовало активных военных действий.

О масштабе этих действий красноречиво свидетельствует тот факт, что именно в этот период в состав Скифии были включены лесостепные районы Приднепровья. Как убедительно показали в своих исследованиях А. И. Тереножкин и В. И. Ильинская [192; 59, с. 174; 62, с. 169—171], с рубежа VII—VI в. до н. э. культура населения этих районов в основе своей является скифской и отличается от культуры ираноязычных кочевников северопричерноморских степей не более чем отдельными локальными чертами.

Напряженная обстановка, сложившаяся в Северном Причерноморье в конце VII — первой половине VI в. до н. э., вызванная борьбой скифов за окончательное овладение этой территорией, по-видимому, и обусловила существование своеобразного центра складывающейся Скифии в северокавказских степях, прочно удерживаемых скифскими племенами еще со времен передневазиатских походов.

Однако существование центра Скифии в степях Предкавказья и Северного Кавказа было весьма недолгим. Как явствует из рассказа Геродота о вторжении в Скифию в 514 г. до н. э. войск Дария I, к концу VI в. до н. э. обширные пространства Северного Причерноморья были уже прочно освоены скифскими племенами, объединенными под властью скифов-царских. Оформились к этому времени и границы самой Скифии, причем восточная ее граница проходила по Дону (Геродот, IV, *21, 116, 122*).

Сам процесс перемещения ядра Скифии из восточных районов в Северное Причерноморье археологически проследить мы не можем. Судя по всему, это событие произошло в течение середины — конца VI в. до н. э., поскольку справедливость свидетельства Геродота о формировании Скифии к концу VI в. до н. э. в рамках Северного Причерноморья подтверждается и археологическими материалами.

С одной стороны, как мы уже говорили ранее, с рубежа VI—V в. до н. э. обитавшие на территории северокавказских степей скифские племена в значительной мере ослабляются, что было связано, во-первых, с начавшимся продвижением на эту территорию савроматских этнических элементов, а во-вторых, с консолидацией меотских племен в Прикубанье.

Вместе с тем большинство скифских архаических памятников, обнаруженных в Северном Причерноморье, относится именно к концу VI—V в. до н. э. Действительно, на территории степной части Северного Причерноморья к настоящему времени нам известно более 80 скифских памятников рассматриваемого периода, что примерно в четыре раза превышает количество открытых на этой же территории памятников VII—VI вв. до н. э.

Как мы уже писали выше, основная масса скифских памятников конца архаического периода (конец VI—V в. до н. э.) сконцентрирована в Нижнем Поднепровье и в Степном Крыму. Здесь же располагаются и наиболее богатые скифские погребения данного времени. Это дает нам основание предположить, что уже с конца VI в. до н. э. центр северопричерноморской Скифии размещался в указанных районах.

Перемещение основной массы скифских племен на запад, в степи Северного Причерноморья, прослеживается также по усиливающимся контактам скифской культуры с местными культурами Придунавья, начало которых относится к VI в. до н. э. В это время на данной территории появляются весьма многочисленные предметы скифского типа. Наличие этих вещей к западу от Дуная позволило М. И. Ростовцеву предположить, что эта территория была завоевана скифами-иранцами [171, с. 539]. Ошибочность такой точки зрения определила А. И. Мелюкова, убедительно доказав, что проникновение отдельных элементов скифской культуры в культуру местного населения Подунавья было прежде всего результатом скифского культурного влияния [116].

Наиболее многочисленные находки вещей скифского типа связаны происхождением с территорией Карпато-Дунайской области (Венгрия и Румыния). Самые полные сводки этих предметов содержатся в настоящее время в работах М. Пардуца [249; 250]. По их данным можно проследить, что скифское влияние наиболее ощутимо проявляется на данной территории с конца VI в. до н. э. в основном по находкам предметов вооружения (наконечники стрел, акинаки) и деталей конской узды (удила, псалии, бронзовые крестовидные бляхи-налобники).

Такой состав заимствований убеждает нас в том, что в данном случае мы имеем дело с явлением, аналогичным процессу, происходившему в VII—V вв. до н. э. на Северном Кавказе,— восприятием аборигенным, нескифским населением тех элементов скифской материальной культуры, которые достигли у воинственных скифов-кочевников наиболее высокого уровня развития.

Южнее Карпато-Дунайской области — в Болгарии — скифское влияние наиболее четко прослеживается на примере фракийского искусства. Дело в том, что с конца VI в. до н. э. в искусстве фракийских племен происходит значительный перелом, связанный с постепенной сменой геометрического стиля, бытовавшего ранее, звериным [25, с. 142—143], который, несмотря на своеобразные особенности, напоминает звериный стиль скифского искусства. Однако болгарские исследователи склонны объяснять данное сходство общими истоками скифского и фракийского стилей, которые они ищут прежде всего в искусстве Ирана, а также примерно одинаковым уровнем развития скифских и фракийских племен [25, с. 142—143]. Подобные доводы не совсем

убедительны. Во-первых, после исследований «царского» кургана Аржан в Туве стало совершенно очевидным, что скифский звериный стиль в основе своей формируется задолго до начала походов скифов в страны Передней Азии. Таким образом, тезис об общем происхождении скифского и фракийского звериного стилей под влиянием культуры переднеазиатских народов не соответствует действительности. Во-вторых, мы должны признать, что изображения животных во фракийском искусстве проявляются намного позже, чем на территории Северного Причерноморья, где древнейшие образы скифского звериного искусства знакомы нам с середины VII в. до н. э. (костяные изделия на Темир-Горе). Учитывая все это, мы полностью согласны с выводами А. И. Мелюковой о появлении звериного стиля во фракийском искусстве в результате прежде всего влияния искусства северопричерноморских скифов [120, с. 39].

Усилившееся в конце VI в. до н. э. культурное влияние скифов на культуру местного населения Карпато-Дунайской области, появление звериного стиля на территории Болгарии убеждает нас, таким образом, что именно в это время контакты скифских этнических элементов с народами Придунавья становятся весьма тесными. В свою очередь, данное обстоятельство еще раз свидетельствует, что к концу VI в. до н. э. большинство скифского населения уже обитало в степях Северного Причерноморья.

Перемещение основной массы скифов к концу VI в. до н. э. в Северное Причерноморье из более восточных районов было обусловлено рядом причин.

В результате появления на территории Северного Кавказа савроматских племен и усиления меотского населения Прикубанья, политические условия обитания скифов на этой территории значительно ухудшились.

Вместе с тем к этому времени районы Северного Причерноморья уже были прочно освоены скифскими племенами, окончательно покорившими как остатки доскифского населения в степной части Причерноморья, так и местные племена Лесостепного Приднепровья.

Однако основной причиной описываемого явления было, по-видимому, усиление в VI в. до н. э. торговых контактов между скифскими племенами и античными городами-колониями в Северном Причерноморье. Установление тесных торговых связей между скифскими племенами и античным миром относится ко времени не позднее VII — начала VI в. до н. э. Об этом свидетельствуют находки античной керамики в таких собственно скифских древнейших памятниках, как погребения на Темир-Горе, у Цукур-Лимана, на р. Калитве, а также обломок греческого сосуда, происходящий из бывшего Хоперского округа. Однако только с образованием на северном побережье Черного моря античных городов-государств, в частности Ольвии, данная торговля приобретает значительный размах. Хорошо известны на территории Северного Причерноморья бронзовые зеркала «ольвийского» типа, бронзовые крестовидные бляхи [37], античная керамика. Особенно многочисленные предметы античного происхождения содержатся в богатых скифских погребениях конца VI—V вв. до н. э. (Бабы, Раскопана Могила, Острая Томаковская Могила, Рожновский курган, погребение в г. Днепрорудном). Почти исчерпывающая сводка находок данных предметов была составлена Н. А. Онайко [144].

Насколько сейчас мы можем судить, в античных центрах Северного Причерноморья значительная часть ремесленников была занята именно производством продукции, расчитанной на сбыт скифским кочевым племенем. Показательны в этом отношении материалы недавно открытого античного ремесленного поселения VI в. до н. э., расположенного у Ягорлыцкого лимана. На этом памятнике вместе с остатками металлургического производства и стеклоделия обнаружены бракованные бронзовые наконечники стрел скифских типов, ворварки, браслеты, стеклянные биконические бусы, хорошо известные по раннескифским погребениям [145; 146].

Если находки вещей античного происхождения в собственно скифских памятниках, а также сведения о производстве в античных центрах Северного Причерноморья изделий, предназначенных для продажи местному населению этой территории, характеризуют в основном степень активности греческих колонистов в экономических связях с варварским миром, то стремление самих скифов к установлению непосредственных экономических отношений с городами-колониями было прослежено К. К. Марченко на примере Ольвии и Березани [113]. Исследуя обнаруженную здесь лепную керамику, К. К. Марченко пришел к выводу, что сразу же с основанием этих центров в составе населения Ольвии и Березани наблюдается присутствие варварских этнических элементов. Во второй половине VII — начале VI в. до н. э. среди них преобладают фракийцы и выходцы из лесостепных районов Северного Причерноморья. Со второй половины VI в. до н. э.— времени окончательного освоения Северного Причерноморья скифскими племенами — положение изменяется. С этого времени и вплоть до III в. до н. э. негреческая прослойка в населении этих центров почти полностью состоит из носителей собственно скифского, иранского этноса. Характеризуя комплекс лепной керамики этого времени, К. К. Марченко, в частности, пишет: «Определение этнокультурной принадлежности комплексов V — первой половины IV в. до н. э. не вызывает серьезных затруднений. Отсутствие заметных связей этого материала с кружальной греческой, а также лесостепной и гето-фракийской лепной посудой позволяет с некоторыми оговорками рассматривать его как органическое целое. Сопоставление материалов с лепной керамикой Каменского городища на Днепре — общепризнанного эталона скифской степной культуры V—III вв. до н. э.— приводит к заключению об их предельной близости. Это не оставляет сомнения в том, что варварский компонент населения Ольвии и окружающих ее сельскохозяйственных поселений состоял в это время почти исключительно из осевших в Нижнем Побужье степных скифов. Под последними можно подразумевать каллипидов Геродота» [113, с. 16—17]. Мы полностью согласны с таким выводом, поскольку в его пользу свидетельствует также и то, что материалы погребального обряда Аджигольского могильника конца VI—V в. до н. э., принадлежащего скорее всего именно каллипидскому населению, еще раз демонстрируют, во-первых, этническое единство этого населения, а во-вторых, тесную связь каллипидов с ираноязычными номадами северопричерноморских степей. На основании этих примеров можно сказать, что уже с VI в. до н. э. Ольвия и Березань как бы аккумулируют весьма значительные группы скифского, скорее всего рядового населения, вовлекаемого непосредственно в производительную (ремесленное и сельскохозяйственное производство) сферу деятельности этих центров.

Таким образом, начиная с VI в. до н. э. связи с античными городами играют довольно значительную роль в экономике скифских племен. Стремление к упрочению этих связей, к установлению тесных и непосредственных контактов с античной цивилизацией и могло быть одной из побудительных причин перемещения ядра скифских племен на завоевание Северного При-

черноморья, на территории которого размещались такие важные античные центры, как Боспор и Ольвия.

Суммируя сказанное выше, можно констатировать, что археологические материалы позволяют выделить четыре этапа в истории северопричерноморской Скифии VII—V вв. до н. э.

1. Начало — середина VII в. до н. э. Появление скифов в северопричерноморских степях и смена позднейшей киммерийской культуры новочеркасского типа собственно скифской культурой.

2. Середина — конец VII в. до н. э. Установление скифской гегемонии в Передней Азии, уход значительной части скифского населения Северного Причерноморья в степи Северного Кавказа и на территорию Передней Азии.

3. Конец VII—VI в. до н. э. Окончание переднеазиатских походов, возвращение скифов в северопричерноморские степи. Период окончательного освоения скифскими племенами Северного Причерноморья и покорения лесостепных районов Приднепровья. В связи со сложившейся здесь напряженной обстановкой своеобразный центр скифских племен размещался в это время скорее всего на территории Прикубанья и Ставропольщины, где обнаружены такие уникальные собственно скифские памятники, как курганы у хут. Красное Знамя, Келермесские, ранние Ульские, Костромской.

4. Конец VI—V в. до н. э. Окончательное сложение северопричерноморской Скифии. Образование ее центра на территории Нижнего Приднепровья и Степного Крыма. Установление тесных экономических связей с античными городами-колониями, в частности с центрами Боспора и Ольвией.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. **Основные данные о погребальном обряде курганных раннескифских захоронений Степного Северного Причерноморья**

Номер по порядку	Номер по каталогу	Наименование кургана	Датировка	Погребение		Насыпь над основным погребением			Погребение		Сооружение						Следы огня	Костяк		Погребение коня	
				основное	впускное	ров	вал материка	крепида	в яме (я), в катакомбе (к)	на горизонте	Склеп		Яма перекрыта		Катакомба			ориентировка	положение	в основном сооружении	за пределами основного сооружения
											деревянный	каменный	деревом	камнем	подбой	камера					
1	1	Криворожский	VII—VI	+						+?	+						+				
2	3	Константиновский	» »	+		+			я				+				+	з	ск		
3	4	Ростовский	VI		+				я									з	выт.		
4	5	с. Подгородное, курган № 3	VII—VI		+				я				+				+	юз	выт.		
5	6	Никопольский	VII—VI						я?		+										
6	7	Никопольское курганное поле, курган № 5	VI		+				к						+			сз	ск		
7	8	с. Константиновка	VII—VI		+				я									сзз	выт.		
8	10	с. Нижние Серогозы, курган № 3	VII—VI		+				к						+			з	ск		
9	11	с. Новотроицкое	VI		+				к						+						
10	12	с. Семеновка	VI	+					я				+								
11	13	с. Любимовка	VII—VI		+				я			+									
12	14	с. Новоалексеевка	VI		+				я									з	выт.		
13	15	Курган № 37 группы Широкое II	VI		+				я												
14	17	Темир-Гора	VII	+					я				+					з	выт.		
15	19	Мельгуновский	VII	+						+	+						+				
16	20	с. Огородное	VI		+				я									сзз	выт.		
17	21	Жданов, курган № 6	V	+					к						+		+	в	выт.		
18	22	» » № 7	V		+				я									в	выт.		
19	23	Никопольское курганное поле, курган № 1	V	+		+			к						+			сз	выт.		
20	24	Острая Томаковская Могила	V		+				я												
21	25	Чабанцева Могила	V	+		+	+	+	к						+						
22	26	Первая Завадская Могила	V	+		+		+	я	+								ю			+

Номер по порядку	Номер по каталогу	Наименование кургана	Датировка	Погребение		Насыпь над основным погребением			Погребение		Сооружение						Следы огня	Костяк		Погребение коня	
				основное	впускное	ров	вал материка	крепида	в (яме) я, в катакомбе (к)	на горизонте	Склеп: деревянный	Склеп: каменный	Яма перекрыта: деревом	Яма перекрыта: камнем	Катакомба: подбой	Катакомба: камера		ориентировка	положение	в основном сооружении	за пределами основного сооружения
23	27	Испановы могилы, курган № 4	V	+		+			к							+					+
24	28	Курган № 12 у шахты № 22	V	+					я				+								
25	29	Курган Бабы	V	+					к?						+					+?	
26	30	Раскопана Могила	V	+					к?						+					+?	
27	31	с. Верхняя Тарасовка	V		+				я									ЮВВ	выт.		
28	32	с. Волошское	V		+				я					+				в	выт.		
29	33	с. Подгородное, курган № 1, группа V	V	+					я				+				+	ю?		+	
30	34	Там же, курган № 1, группа X	V	+					я												
31	35	» » » № 7 »	V	+					я		+						+	в	выт.		
32	36	с. Александровка	V		+				я				+					юз	выт.		
33	38	Кичкасс, курган № 25	V	+					я									з	выт.		
34	39	с. Приднепровка	V						я									з	выт.		
35	40	с. Гусарка	VI—V		+																
36	41	с. Новогригорьевка, курган № 1	V?	+					я				+								
37	42	» » № 2	V?	+					я				+								
38	43	» » № 3	V?	+					я				+							+?	
39	44	» » № 4	V?	+					я				+								
40	45	» » № 5	V?	+					я				+							+?	
41	46	с. Большая Знаменка	V	+					я		+										
42	48	г. Ногайск, курган № 3	VI—V		+				я												
43	49	» » № 6	V	+				+	я												
44	50	Острая Могила	V	+					я												

Номер по порядку	Номер по каталогу	Наименование кургана	Датировка	Погребение		Насыпь над основным погребением			Погребение		Сооружение						Следы огня	Костяк		Погребение коня	
				основное	впускное	ров	вал материка	крепида	в яме (я), в катакомбе (к)	на горизонте	Склеп: деревянный	Склеп: каменный	Яма перекрыта: деревом	Яма перекрыта: камнем	Катакомба: подбой	Катакомба: камера		ориентировка	положение	в основном сооружении	за пределами основного сооружения
45	51	с. Владимировка	V	+					я												
46	53	с. Архангельская Слобода, погребение 1	V		+				я				+					з	выт.		
47	52	Там же, погребение 2	V	+					к						+						
48	54	с Новокиевка	V		+				я									з	выт.		
49	56	с. Танковое, курган № 12	V		+				я									св	выт.		
50	57	» » № 15	V		+				я									юв	ск.	+?	
51	58	с. Мартыновка, курган № 4	V		+				я									з	выт.		
52	59	» » № 5	V		+				я									ссз	выт.		
53	61	Золотой курган	V		+				я									сз	выт.		
54	62	Курган Кулаковского	V		+				я				+	+				в	выт.		
55	63	с. Ильичево, курган № 1	V		+				я			+									
56	64	» » № 4	V		+				я					+				з	выт.		
57	65	» » № 10	V						я									юз	выт.		
58	66	Курган Ак-Бурунский	V									+									+
59	67	Нимфей, курган № 1	V	+?								+									+
60	68	» » № 6	V																		+
61	69	» » № 17	V															в			+
62	70	» » № 32	V						я												
63	71	» » № 24	V									+						в			+
64	72	» » № 1 (1868 г.)	V									+									
65	73	» » № 2 (1868 г.)	V						я			+						в			
66	76	Медеровский	V	+						+	+				+				+		

Номер по порядку	Номер по каталогу	Наименование кургана	Датировка	Погребение		Насыпь над основным погребением		
				основное	впускное	ров	вал материка	крепида
67	77	с. Ковалевка, курган № 7, группа I	V	+				
68	78	» » № 2, » II	V	+				
69	79	» » № 4, » II	V	+				
70	80	» » № 6, » II	V		+			
71	81	» » № 7, » II	V	+				+
72	82	» » № 4, » III	V					
73	83	с. Новая Розановка	V	+				+
74	84	с. Христофоровка	V	+?		+		
75	85	с. Константиновка	V	+				
76	86	с. Тимофеевка	V	+				
77	87	с. Нововасильевка	V	+				+
78	88	с. Аджиголь, курган № 1_I	V	+				
79	89	» » № 1_U	V	+				
80	90	» » № 1_G	V	+				
81	91	» « № 1_O	V	+				
82	92	» » № 1_T	V	+				
8	93	» » № 1_R	V	+				
84	94	» » № 1_F	V	+				
85	95	» » № 1_S	V	+				
86	99	г. Арциз, курган № 1	V	+				
87	101	с. Червоный Яр	V	+				+

Погребение		Сооружение						Следы огня	Костяк		Погребение коня	
		Склеп		Яма перекрыта		Катакомба						
в яме (я), в катакомбе (к)	на горизонте	деревянный	каменный	деревом	камнем	подбой	камера		ориентировка	положение	в основном сооружении	за пределами основного сооружения
я												
я									з	вып.		
	+											
я									з	вып.		
я					+							
я					+							
я									в	вып.		
к							+					
я												
я												
я									з	вып.		
я				+					в	вып.		
я				+								
я				+					в	вып.		
я				+								
я												
я												
я												
я				+								
я											+	
я			+									+

Приложение № 2. **Основные данные о погребальном инвентаре раннескифских захоронений Степного Северного Причерноморья**

Номер по каталогу	Наименование памятника	Оружие				Снаряжение коня				Зеркала	Деревянные сосуды	Каменные блюда	Античный импорт		Золотые нашивные бляхи, пуговицы	Лепная керамика	Прочие вещи
		лук, стрелы	копья	мечи, кинжалы, ножны	защитный доспех	налобники, наносники	нащечники	удила	псалии				керамика	бронзовые изделия			
1	Криворожский												+				Детали ассирийского табурета
2	Разрушенный курган в бывшем Хоперском округе												+				
3	Константиновский			+								+				+	Костяная пластина с изображениями оленей
4	Ростовский									+		+				+	Пряслица, деревянная коробочка
5	с. Подгородное, курган № 3	+							+								Клык кабана, бронзовые восьмеркообразные бляшки
6	Никопольский					+											
7	Никопольское курганное поле, курган № 5																Костяные «столбики»
8	с. Константиновка							+	+								Бронзовые бляшки
9	хутор Грушевка								+								
10	с. Нижние Серогозы, курган № 3	+															Костяная пластина в виде головы птицы
11	с. Новотроицкое	+															
12	с. Семеновка	+															Костяная пластина в виде головы птицы
13	с. Любимовка	+															Точильный брусок
14	с. Новоалексеевка	+															
15	Курган № 37 группы Широкое II											+					
16	Рожновский	+								+			+		+		Нож, пряслица
17	Темир-Гора												+				Изделия из кости, застежка колчана
18	с. Кирово															+	Костяной «столбик»
19	Мельгуновский курган	+		+										+			Детали ассирийского табурета

Номер по каталогу	Наименование памятника	Оружие				Снаряжение коня				Зеркала	Деревянные сосуды	Каменные блюда	Античный импорт		Золотые нашивные бляхи, пуговицы	Лепная керамика	Прочие вещи
		лук, стрелы	копья	мечи, кинжалы, ножны	защитный доспех	налобники, наносники	нащечники	удила	псалии				керамика	бронзовые изделия			
20	с. Огородное	+															Застежка колчана, олений рог
21	Жданов, курган № 6	+	+	+	+						+		+				Бронзовый браслет, котел (?)
22	» » № 7	+		+													Бронзовая пластина в виде головы лося
23	Никопольское курганное поле, курган № 1	+	+	+					+								Железный нож
24	Острая Томаковская Могила	+		+											+		Золотая «ворварка»
25	Чабанцева Могила	+			+						+						
26	Первая Завадская Могила				+	+	+	+	+		+						Клевец
27	Испановы Могилы, курган № 4	+		+	+				+		+					+	
28	Курган № 12 у шахты № 22												+				
29	Курган Бабы										+		+	+	+	+	
30	Раскопана Могила	+	+								+		+	+		+	Бронзовый котел, нож
31	с. Верхняя Тарасовка	+		+													Бронзовая пуговица
32	с. Волошское	+															Нож, точильный брусок
33	с. Подгородное, курган № 1, группа V							+	+				+				Бронзовые бляхи
34	Там же, курган № 1, группа X	+							+								
35	» » » № 7. »	+			+												Бронзовая пластина, ворварки
36	с. Александровка	+	+	+	+						+						Золотая «ворварка»
37	остров Дубовой	+		+													
38	Кичкасс, курган № 25	+	+										+				Молоток-скипетр
39	с. Приднепровка	+		+													

Номер по каталогу	Наименование памятника	Оружие				Снаряжение коня				Зеркала	Деревянные сосуды	Каменные блюда	Античный импорт		Золотые напивные бляхи, пуговицы	Лепная керамика	Прочие вещи
		лук, стрелы	копья	мечи, кинжалы, ножны	защитный доспех	налобники, наносники	нащечники	удила	псалии				керамика	бронзовые изделия			
40	с. Гусарка	+		+		+											
41	с. Новогригорьевка, курган № 1	+	+		+												Золотая проволока (гривна?)
42	» » № 2	+			+												
43	» » № 3	+	+?	+				+							+		
44	» » № 4	+															
45	» » № 5	+															Бронзовый котел
46	с. Большая Знаменка		+											+	+		
47	г. Днепрорудный	+	+	+						+	+		+	+	+	+	
48	г. Ногайск, курган № 3																Бронзовая застежка колчана
49	» » № 6	+													+		
50	Острая Могила					+			+								
51	с. Владимировка														+		Бронзовый колокольчик
52	с. Архангельская Слобода, погребение 1	+	+		+						+				+		Нож, оселок
53	с. Днепряны								+								Бронзовая бляха
54	с. Новокиевка	+		+													Оселок, краскотерка
55	Михайловский могильник	+		+												+	Ножи
56	с. Танковое, курган № 12	+															Нож, оселок
57	» » № 15						+	+	+							+	Бронзовая серьга
58	с. Мартыновка, курган № 4	+		+													
59	» » № 5	+		+													Бронзовое кольцо
60	Ак-Мечетский курган	+		+	+						+						Бронзовый черпак
61	Золотой курган	+		+	+								+				Гривна, бронзовая бляха

Номер по каталогу	Наименование памятника	Оружие				Снаряжение коня				Зеркала	Деревянные сосуды	Каменные блюда	Античный импорт		Золотые нашивные бляхи, пуговицы	Лепная керамика	Прочие вещи
		лук, стрелы	копья	мечи, кинжалы, ножны	защитный доспех	налобники, наносники	нащечники	удила	псалии				керамика	бронзовые изделия			
62	Курган Кулаковского	+	+	+					+								Оселок, бронзовые бляхи
63	с. Ильичево, курган № 1																Гривна, золотая «ворварка», золотые пластины
64	» » № 4	+															
65	» » № 10	+															Железный нож
66	Ак-Бурунский							+	+								
67	Нимфей, курган № 1			+	+	+	+		+				+				Бронзовые бляхи
68	» » № 6						+		+								Бронзовые пуговицы, пронизи
69	» » № 17	+	+	+	+	+			+				+	+	+		Золотой перстень
70	» » № 32					+			+						+		Бронзовые бляхи
71	» » № 16	+	+	+	+								+	+	•		Золотая гривна
72	» » № 24	+	+	+	+				+				+	+	+		Золотая гривна, бронзовые бляхи
73	» » № 1 (1868)	+		+											+		Золотые серьги, золотые коробочки (?), золотое кольцо
74	» » № 2 (1866)				+								+				Золотая гривна, бронзовая бляха
75	Могильник у с. Фронтовое	+		+													
76	Медеровский		+		+			+	+				+				Антропоморфная стела, кабаний клык
77	с. Ковалевка, курган № 7, группа I	+															
78	Там же, курган № 2, группа II	+			+						+						
79	» » » № 4, »	+											+				Монеты-дельфинчики
80	» » » № 6, »	+															Бронзовые бляхи
81	» » » № 7, »												+				

Номер по каталогу	Наименование памятника	Оружие				Снаряжение коня				Зеркала	Деревянные сосуды	Каменные блюда	Античный импорт		Золотые нашивные бляхи, пуговицы	Лепная керамика	Прочие вещи
		лук, стрелы	копья	мечи, кинжалы, ножны	защитный доспех	налобники, наносники	нащечники	удила	псалии				керамика	бронзовые изделия			
82	с. Ковалевка, курган № 4, группа III	+															
83	с. Новая Розановка	+	+	+	+								+				Бронзовая бляха, ворварки
84	с. Христофоровка	+											+				Антропоморфная стела, серебряная пуговица
85	с. Константиновка												+				
86	с. Тимофеевка	+			+								+				Золотые проволочки
87	с. Новая Васильевка	+	+		+								+			+	Антропоморфная стела
88	с. Аджиголь, курган I_I									+			+				Зернотерка, нож
89	» » 1_U	+															Литейная форма, нож
90	» » 1_G	+	+	+	+								+	+			Бронзовые ножи, железный нож
91	» » 1_O	+	+										+				
92	» » 1_T			+									+	+			Железный нож
93	» » 1_R									+			+				
94	» » 1_F		+														
95	» » 1_S												+				
96	с. Анновка									+							
97	Ольвия, погребение 12	+															Железный нож, крестовидная бляха
98	Березань, № 371			+											+		
99	г. Арциз	+	+	+	+			+	+				+				Золотая «ворварка»
100	с. Островное	+			+												Железное тесло (?)
101	с. Червоный Яр				+			+	+				+				

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи бронзы и широкого распространения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— Вестн. Гос. музея Грузии, 1957, 19-А, 21-В, с. 115—140 (на груз. яз.).
2. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или.— Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1963.— 300 с.
3. *Алексеева И. Л.* Раскопки курганов в междуречьи Дуная — Днестра.— АО, 1972, с. 252—253.
4. *Алиев И.* История Мидии.— Баку : Изд-во АН АзССР, 1960.— 360 с.
5. *Анфимов Н. В.* Древние поселения Прикубанья.— Краснодар : Кн. изд-во, 1953.— 79 с.
6. *Анфимов Н. В.* Новый памятник древнемеотской культуры (могильник у хут. Кубанский).— В кн. : Скифский мир. Киев : Наук. думка, 1975, с. 35—54.
7. *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии.— УЗ ЛГУ, 1949, № 85, Сер. ист. наук, вып. 13, с. 129—171.
8. *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифов.— СА, 1950, № 2, с. 37—47.
9. *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСГЭ, 1961, вып. 2, т. 57—87.
10. *Артамонов М. І.* Загадки скіфської археології.— УІЖ, 1970, № 1, с. 23—30.
11. *Артамонов М. І.* Кіммерійська проблема.— Археологія, 1973, 9, с. 3—15.
12. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы.— Л. : Изд-во ЛГУ, 1974.— 156 с.
13. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975, с. 100—108.
14. *Баранов Л. И.* Сооружение и сожжение таштыкского склепа.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975, с. 162—165.
15. *Белявский В. А.* Война Вавилона за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии.— В кн.: Исследования по истории стран Востока. Л. : Наука, 1964, с. 89—101.
16. *Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут.— АП УРСР, 1960, 9, с. 39—87.
17. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— 1952.— 347 с.— (МИА; № 26).
18. *Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратних курганов.— В кн.: Скифские древности. Киев : Наук. думка, 1973, с. 243—252.
19. *Видзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы.— СА, 1974, № 1, с. 148—159.
20. *Бодянський О. В.* Скіфське поховання поблизу Запоріжжя.— Археологія, 1972, 7, с. 95—97.
21. *Бокий Н. М.* Скифский курган у с. Медерево.— СА, 1974, № 4, с. 262—271.
22. *Браун Ф. К.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.— ИАК, 1906, 19, с. 81—116.
23. *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону.— КСИА АН СССР, 1973, № 133, с. 54—61.
24. *Бунятян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю.* Скифский могильник у с. Верхнетарасовка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев : Наук. думка, 1977, с. 59—124.
25. *Венедиков И., Герасимов Т.* Тракийското изкуство.— София : Бълг. художник, 1973.— 146 с., 345 табл.
26. *Виноградов В. Б., Рунич А. Г.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АЭС, 1969, с. 98—117.
27. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время.— Грозный : Чеч.-инг. кн. изд-во, 1972.— 387 с.
28. *Виноградов В. Б.* Новые паходки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии.— СА, 1974, № 4, с. 258—263.
29. *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья.— МИА, 1971, № 177, с. 197—207.
30. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— М. : Наука, 1973.— 159 с.
31. *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975, с. 78—84.
32. *Гаврилюк Н. А.* Керамика степной Скифии : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.— 19 с.
33. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья : Эрмитаж. коллекция Н. Е. Бранденбурга.— М. : Наука, 1977.— 65 с.— (САИ; Вып. Д1-33).
34. *Горелик М. В.* Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям.— В кн.: Скифские древности. Киев : Наук. думка, 1973, с. 266—269.
35. *Городцов В. А.* К вопросу о киммерийской культуре.— Тр. Секции археологии РАНИОН, 1928, т. 2, с. 46—60.
36. *Граков Б. М.* Скіфи.— К. : Вид-во АН УРСР, 1947.— 96 с.
37. *Граков Б. М.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? — Археологія, 1947, т. 1, с. 23—38.
38. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.— В кн.: ВССА. М. : Изд-во АН СССР, 1954, с. 39—93.
39. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— 1954.— 240 с.— (МИА; № 36).
40. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115, с. 56—113.
41. *Граков Б. Н.* Скифы.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971.— 170 с.
42. *Грязнов М. П., Маннай-Оол М. Х.* Курган Аржан — могила царя раннескифского времени.— УЗ Тув. НИИЯЛИ, 1973, 16, с. 191—204.
43. *Грязнов М. П.* Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан.— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана : Тез. докл. конф. Л., 1975, с. 6—10.
44. *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.— КСИА АН СССР, 1978, № 154, с. 9—18.
45. *Грязнов М. П.* Аржан : Царский курган раннескифского времени.— Л. : Наука, 1980.— 61 с.
46. *Гудкова А. В.* Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наук. думка, 1978, с. 167—211.
47. *Добровольський А.* Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану р. 1927.— Зб. Дніпропетр. краєв. іст.-арх. музею, 1929, 1, с. 61—161.
48. *Дьяконов И. М.* История Мидии.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956.— 476 с.
49. *Евдокимов Г. Л.* Памятники скифского монументального искусства.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов : (Тез. докл. конф.). Киев : Наук. думка, ч. 2, с. 20—21.
50. *Елагина Н. Г.* Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея.— СА, 1959, № 2, с. 187—196.
51. *Жебелев С. А., Мальмберг В. К.* Три архаические бронзы из Херсонской губернии.— МАР, 1907, № 32.— 47 с.
52. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье.— М.; Л : Изд-во АН СССР, 1953.— 388 с.
53. *Ивановский А. А.* По Закавказью.— МАК, 1911, т. 6.— 253 с.
54. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953, № 18, с. 49—110.
55. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археоло-

гии. М. : Изд-во АН СССР, 1954, с. 112—131.
56. *Иессен А. А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 1965, № 125, с. 10—35.
57. *Іллінська В. А.* Кінська вузда VI ст. до н. е.— Археологія, 1961, 13, с. 38—61.
58. *Іллінська В. А.* Кургани скіфського часу Посульсько-Донецького Лісостепу.— Археологія, 1962, 14, с. 52—75.
59. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.— К. : Наук. думка, 1968.— 188 с.
60. *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2, с. 64—85.
61. *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів.— Археологія, 1973, 12, с. 13—26.
62. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.— Киев. : Наук. думка, 1975.— 224 с.
63. *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М. : Наука, 1976, с. 9—29.
64. *Ионе Г. И.* Археологические раскопки в Мингечауре.— ДАН АзССР, 1946, 2, № 9, с. 399—406.
65. *Ионе Г. И.* Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа.— МКА, 1953, 3, с. 81—97.
66. *Итоги* и перспективы развития Советской археологии : (Материалы Моск. археол. совещ. 1945 г.). М. : Изд-во АН СССР, 1945.— 197 с.
67. *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре.— МКА, 1949, 1, с. 9—49.
68. *Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Побужья.— МИА, 1956, № 50, с. 211—255.
69. *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, 1956, № 50, с. 154—189.
70. *Кілінко В. А., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска.— СА, 1976, № 1, с. 170—177.
71. *Клочко В. И.* Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев : Наук. думка, 1979, с. 40—46.
72. *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис.— ИГАИМК, 1935, 104, с. 90—110.
73. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский».— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск : Днепропетр. ун-т, 1978, вып. 2, с. 4—32.
74. *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифские памятники Самарско-Орельского междуречья.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск : Днепропетр. ун-т, 1979, вып. 3, с. 112—124.
75. *Ковпаненко Г. Т.* Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворскла.— КСИА АН УССР, 1962, № 14, с. 156—166.
76. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі.— К. : Наук. думка, 1967.— 186 с.
77. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев : Наук. думка, 1977, с. 40—72.
78. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Коваленка.— В кн.: Курганы на Нижнем Буге. Киев : Наук. думка. 1978, с. 7—132.
79. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.— Киев : Наук. думка, 1981.— 158 с.
80. *Козенкова В. И., Круглов Е. И.* Исследования Сержень-Юртовского поселения.— КСИА АН СССР, 1966, № 106, с. 81—87.
81. *Козуб Ю. И.* Модель лука из Ольвии.— В кн.: Скифские древности. Киев : Наук. думка, 1973, с. 270—274.
82. *Копейкина Л. В.* Родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора.— ВДИ, 1972, № 1, с. 147—159.
83. *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона.— СА, 1978, № 3, с. 167—182.
84. *Корпусова В. М.* Про населення хори античної Феодосії.— Археологія, 1972, 6, с. 41—55.
85. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, 17, с. 57—172.
86. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.— 168 с.
87. *Крис Х. И.* О впускных погребениях эпохи раннего железа в долине р. Салгир.— СА, 1976, № 2, с. 240—244.
88. *Круглов Е. И.* О походах скифов через Кавказ.— В кн.: ВССА. М. : Изд-во АН СССР, 1954, с. 186—194.
89. *Круглов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа.— М. : Изд-во АН СССР, 1960.— 520 с.
90. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети.— Тбилиси : Изд-во АН ГССР, 1941.— Т. 1. 491 с.
91. *Лагодовская Е. Ф., Сымонович Э. Р.* Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре.— В кн.: Скифские древности. Киев : Наук. думка, 1973, с. 235—242.
92. *Лапушнян В. Л.* Киммерийский кинжал из с. Березки в Молдавии.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев : Наук. думка, 1977, с. 37—39.
93. *Латышев В. В.* Раскопки Н. И. Веселовского в 1916—1917 гг.— СГАИМК, 1926, 1, с. 200—206.
94. *Лесков А. М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма.— СА, 1968, № 1, с. 158—165.
95. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев : Наук. думка, 1970, с. 7—69.
96. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177, с. 75—91.
97. *Лесков О. М.* Скарби курганів Херсонщини.— К. : Мистецтво, 1974.— 123 с.
98. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1975.— 72 с.
99. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы.— Л. : Наука, 1981.— 168 с.
100. *Либеров П. Д.* Курганы у с. Константиновки.— КСИИМК, 1951, № 37, с. 137—143.
101. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира».— М. : Наука, 1972.— 259 с.
102. *Макалатия С. И.* Раскопки Дванского могильника.— СА, 1949, № 11, с. 231—238.
103. *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермесса.— СА, 1954, № 21, с. 281—305.
104. *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары.— Алма-Ата : Наука, КазССР, 1968.— 262 с.
105. *Мандельштам А. М.* К характеристике ранних кочевников Закаспия.— КСИА АН СССР, 1976, № 147, с. 21—26.
106. *Манцевич А. П.* О скифских поясах.— СА, 1941, № 7, с. 19—30.
107. *Манцевич А. П.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитва.— СА, 1958, № 2, с. 196—202.
108. *Манцевич А. П.* Бронзовые пластины из Прикубанья.— В кн.: Исследования в чест на акдем. Д. Дечев. София : Изд-во БАН, 1959, с. 452—468.
109. *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи.— АСГЭ, 1966, 8, с. 23—38.
110. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата : Наука КазССР, 1966.— 433 с.
111. *Марковин В. Н., Мунчаев Р. М.* Каменные изваяния Чечено-Ингушетии.— СА, 1964, № 1, с. 158—164.
112. *Марковин В. И.* Скифские курганы у с. Гойты.— СА, 1965, № 2, с. 160—173.
113. *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1974.— 20 с.
114. *Мелентьев А. Н.* Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени.— КСИИМК, 1967, № 112, с. 38—44.
115. *Меликишвили Г. А.* Вопросы истории Манейского царства.— ВДИ, 1949, № 1, с. 57—72.
116. *Мелюкова А. И.* К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы.— СА, 1955, № 22, с. 239—253.
117. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— МИА, 1958, № 64, с. 5—102.
118. *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины.— МИА, 1962, № 115, с. 114—116.
119. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— М. : Наука, 1964.— 91 с.— (САИ; Вып. Д1-4).
120. *Мелюкова А. И.* Скифские элементы в гетской культуре.— КСИА АН СССР, 1965, № 105, с. 32—41.
121. *Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1972, № 1, с. 57—72.
122. *Миллер А. А.* Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом.— ИРАИМК, 1925, 4, с. 97—114.
123. *Минаева Т. М.* Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее.— МИСК, 1956, 8, с. 329—342.
124. *Мозолевский Б. Н.* Работы Северо-Рогачикской экспедиции.— АИУ 1968, с. 30—36.
125. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев : Наук. думка, 1980, с. 70—154.
126. *Мошкова М. Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука, 1972, с. 49—78.
127. *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры.— М. : Наука, 1974.— 52 с.
128. *Мурзін В. Ю.* Поховання VIII — початку VII ст. до н. е. на Херсонщині.— Археологія, 1977, 22, с. 74—78.

129. *Мурзин В. Ю.* Два раннескифских комплекса из Запорожской области.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. К.: Наук. думка, 1977, с. 54—68.
130. *Мурзин В. Ю., Евдокимов Г. Л.* Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовки.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев: Наук. думка, 1977, с. 56—59.
131. *Мурзін В. Ю.* Скіфи на Північному Кавказі.— Археологія, 1978, 27, с. 22—36.
132. *Мурзін В. Ю., Черненко Є. В.* Скіфський курган поблизу с. Дніпряни.— Археологія, 1979, 32, с. 61—63.
133. *Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.* О средствах защиты боевого коня в скифское время.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980, с. 155—167.
134. *Мурзин В. Ю.* Скифы на Северном Кавказе.— В кн.: Археология и краеведение — вузу и школе: Тез. докл. конф. Грозный, 1981, с. 27—28.
135. *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э.— В кн.: Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982, с. 47—64.
136. *ОАК* за 1882—1888 гг.— М., 1889.
137. *ОАК* за 1890 г.— Спб., 1893.
138. *ОАК* за 1895 г.— Спб., 1898.
139. *ОАК* за 1897 г.— Спб., 1900.
140. *ОАК* за 1904 г.— Спб., 1907.
141. *Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье.— СА, 1977, № 4, с. 108—128.
142. *Ольховский В. С.* Погребальные обряды населения степной Скифии (VII—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1978.— 21 с.
143. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным.— СА, 1978, № 4, с. 83—97.
144. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— М.: Наука, 1966.— 70 с.— (САИ; Вып. Д1-27).
145. *Островерхов А. С.* Ягорлыцкое поселение ремесленников.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. Киев: Наук. думка, 1975, ч. 2, с. 18—19.
146. *Островерхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1978.— 24 с.
147. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975, с. 193—206.
148. *Отрощенко В. В.* Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки.— В кн.: Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977, с. 5—15.
149. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— М.: Наука, 1967.— 179 с.— (САИ; Вып. Д1-4).
150. *Петренко В. Г., Найденко А. В., Куйбышев А. В. и др.* Раскопки курганов у с. Александровского.— АО 1973 года, 1974, с. 123—124.
151. *Петренко В. Г.* Ставропольская экспедиция.— АО 1974 года, 1975, с. 125.
152. *Петренко В. Г.* Памятники раннескифской культуры на Ставрополье.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. конф. М., 1976, с. 18—19.
153. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии.— М.: Наука, 1978.— 142 с.— (САИ; Вып. Д4—5).
154. *Пиотровский Б. Б.* Скифы и Закавказье.— Тр. Отд. истории культуры и искусства Востока (Гос. Эрмитажа), 1940, 3, с. 71—92.
155. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур.— Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950.— Т. 1. 100 с.
156. *Пиотровский Б. Б.* Скифы и древний Восток.— СА, 1954, № 19, с. 141—158.
157. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур.— Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1955, т. 3. 75 с.
158. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство.— М.: Изд-во вост. лит., 1959.— 284 с.
159. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур (альбом).— Л.: Аврора, 1970.— 41 с.
160. *Пирцхалава М. С.* Памятники скифской архаики на территории древней Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Тбилиси, 1975.— 21 с.
161. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке.— М.: Наука, 1977.— 182 с.
162. *Погребова М. Н.* Памятники скифской культуры в Закавказье.— В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981, с. 42—58.
163. *Покровська Є. Ф.* Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмин.— Археологія, 1953, 8, с. 128—137.
164. *Попов Р.* Могилниті гробове при с. Енджа.— ИБАИ, 1932, 6, с. 97—102.
165. *Попова Е. А.* Об истоках традиции и эволюции форм скифской культуры.— СА, 1976, № 1, с. 108—122.
166. *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 г.— МАР, 1911, № 31.— 21 с.
167. *Рабинович Б. З.* Шлемы скифского периода.— Тр. Отд. истории первобытной культуры (Гос. Эрмитажа), 1941, 1, с. 99—171.
168. *Ромашко В. А.* Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречьи.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья в III—I тыс. до н. э. Днепропетровск: Днепропетр. ун-т, 1978, вып. 2, с. 71—78.
169. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России.— Пг.: Огни, 1918.— 190 с.
170. *Ростовцев М. И.* Курганные находки в Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма.— МАР, 1918, № 37.— 102 с.
171. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор.— Л., 1925.— 621 с.
172. *Савинов Л. Г., Членов Н. Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности.— В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978, с. 72—94.
173. *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли.— М., 1908.— 271 с.
174. *Сибилев М. В.* Древности Изюмщины.— Изюм, 1926, 1, с. 94—148.
175. *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из Пантикапея.— МИА, 1962, № 103, с. 94—148.
176. *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69, с. 3—107.
177. *Скорый С. А.* Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма.— СА, 1977, № 1, с. 280—281.
178. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро.— Спб., 1909.— 19 с., 130 табл.
179. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.— 160 с.
180. *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— М.: Наука, 1964.— 379 с.
181. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке.— М.: Наука, 1975.— 175 с.
182. *Спицын А. А.* Курганы скифов-пахарей.— ИАК, 1918, 63, с. 87—143.
183. *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.— Л.: Наука, 1968.— 355 с.
184. *Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М.* Курганы у с. Огородного.— МАСП, 1970, 6, с. 130—155.
185. *Тахтай О. К.* Скіфська статуя з с. Ольховчик Донецької області.— Археологія, 1964, 17, с. 204—207.
186. *Телегін Д. Я.* Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я.— Там же, 1961, вип. 12, с. 3—14.
187. *Телегін Д. Я.* Розкопки курганів поблизу Запоріжжя.— АДУ, 1969, с. 53—56.
188. *Тереножкин А. И.* Памятники предскифского времени на Украине.— КСИИМК, 1952, № 47, с. 3—14.
189. *Тереножкин А. И.* Культура предскифского времени в Среднем Приднепровье.— Киев: Изд-во АН УССР, 1961.— 248 с.
190. *Тереножкин А. И.* Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента.— СА, 1962, № 3, с. 279—281.
191. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы и Кавказ.— В кн.: Тез. конф. ИА АН СССР. Тбилиси, 1971, с. 34—38.
192. *Тереножкин А. И.* Скифская культура.— МИА, 1971, № 177, с. 15—24.
193. *Тереножкин А. И.* Дата мингечаурских удил.— СА, 1971, № 4, с. 71—84.
194. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973, с. 113—186.
195. *Тереножкин А. И.* Черногоровская и новочеркасская ступени киммерийской культуры.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. К.: Наук. думка, 1975, ч. 2, с. 3—4.
196. *Тереножкін О. І.* Класи і класові відношення у Скіфії.— Археологія, 1975, 15, с. 3—13.
197. *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975, с. 3—34.
198. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы.— Киев: Наук. думка, 1976.— 220 с.
199. *Тереножкін О. І.* Кіммерійські стели.— Археологія, 1978, 27, с. 12—21.
200. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980, с. 70—154.
201. *Техов Б. В.* Раскопки Тлийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 1, с. 162—178.
202. *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, 1972, № 3, с. 18—37.
203. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э.— М.: Наука, 1980.— 92 с.
204. *Тончева Г.* Два надгробных памятника фракийским вождям.— Тракия, 1972, 1.
205. *Трапш М. М.* Новая археологическая находка в Абхазии.— КСИИМК, 1954, № 53, с. 139—142.
206. *Трапш М. М.* Труды: В 2-х т.— Сухуми: Алашара 1969—1970. Т. 1, 1970.— 210 с.
207. *Трапш М. М.* Труды.— Сухуми: Изд-во Алашара.— 1969, т. 2.— 375 с.
208. *Фармаковский Б. Ф.* Архаический период на юге России.— МАР, 1914, 34.
209. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI в. до н. э.).— М.: Наука, 1977.— 260 с.

210. *Халилов Дж. А.* Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджана.— МИА, 1971, № 177, с. 183—187.
211. *Ханенко В. Б., Ханенко В. И.* Древности Поднепровья.— Киев, 1907.— Вып. 6. 44 с., 42 табл.
212. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культуры Північного Причорномор'я.— Археологія, 1977, 22, с. 3—20.
213. *Черненко Е. В.* Скифский доспех.— Киев : Наук. думка, 1968.— 191 с.
214. *Черненко Є. В.* Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова.— Археологія, 1970, 23, с. 176—181.
215. *Черненко Е. В.* Погребения с оружием из некрополя Нимфея.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев : Наук. думка, 1970.— 190—198.
216. *Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии.— МИА, 1971, № 177, с. 35—38.
217. *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов : Тез. докл. конф. Киев : Наук. думка, 1975, ч. 2, с. 11—12.
218. *Черненко Е. В., Бунятян Е. П.* Курганная группа Широкое II.— В кн.: Курганы южной Херсонщины. Киев : Наук. думка, 1977, с. 45—93.
219. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88, 1960.— 271 с.
220. *Черняков И. Т.* Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одесчине.— АИУ, 1968, с. 136—138.
221. *Черняков И. Т.* Киммерийские курганы близ устья Дуная.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев : Наук. думка, 1977, с. 29—36.
222. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история тагарской культуры.— М. : Наука, 1967.— 253 с.
223. *Членова Н. Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху.— В кн.: Studia Thracica,1975, 1, с. 69—90.
224. *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул.— СА, 1970, № 3, с. 208—212.
225. *Шрамко Б. А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии.— МИА, 1971, № 177, с. 92—102.
226. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М. : Наука, 1967, с. 225—237.
227. *Шульц П. Н., Навротский Н. И.* Прикубанские изваяния скифского времени.— СА, 1973, № 4, с. 189—204.
228. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М. : Наука, 1976, с. 218—231.
229. *Щепинский А. А.* Погребение начала железного века у Симферополя.— КСИА АН УССР, 1962, № 12, с. 57—65.
230. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э.— Симферополь : Крым, 1969.— 328 с.
231. *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание погребений в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев : Наук. думка, 1970, с. 136—179.
232. *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе.— СА, 1972, № 3, с. 259—267.
233. *Яковенко Е. В.* Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н. е.— Киев : Наук. думка, 1974.— 150 с.
234. *Яковенко Э. В.* Древнейший памятник искусства скифов.— СА, 1976, № 2, с. 236—240.
235. *Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска.— ВДИ, 1956, № 1, с. 157—165.
236. *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э.: Археологические памятники степного Приднепровья VII—V вв. до н. э.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 36.— 119 с.
237. *Яценко И. В., Раевский Д. С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы.— НАА, 1980, № 5, с. 102—121.
238. *Anatolian Stadies.*— J. Brit. Inst. Archeol. Ankara, 1971, 21.
239. *Barnett R. D.* The Treasure of Ziwiye.— Iraq, 1956, 18, p. 34—51.
240. *Barnett R., Forman W.* Assyrische Palastreliefs.— Prague : Artia, 1960.— 40 S., 173 Bilder.
241. *Barnett R. D.* Median Art.— Iranica antigua, 1962, 11, p. 77—95.
242. *Bernard P.* A propos des bouterrolles achemenides.— Rev. Archeol., 1976, N 2.
243. *Coghlen H. H.* Casting mould made in metal.— MAN, 1952, 52, p. 162—164.
244. *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn Gouv. Cherson (Süd—Russland).— Praehist. Z. 1913, 5, 157 S.
245. *Godard A.* La Art de l'Iran.— Paris : Arthaud, 1962.— 537 p.
246. *Grakov B.* Deux Tombeaux de l'epoque aux environs de la ville d'Orenbourg.— ESA, 1929, 4, p. 169—182.
247. *Leskov A.* Die skythishen Kurgane.— Antike Welt, 1974.— 85 S.
248. *Minns E. H.* Scythians and Greeks.— Cambrige : Univ. press, 1913.— 720 p.
249. *Parducz M.* Probleme der Scythenzeit im Karpatenbecken.— AAH, 1973, p. 27—63.
250. *Parducz M.* Die charakteristeschen Funde aus dem Karpatenbecken und die damit verbundenen etnischen fragen.— In: Simpos. Probl. jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974, S. 311—336.
251. *Rau P.* Die graber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet.— Pokrowsk, 1929.— 112 S.
252. *Rostovtseff M.* Iraniens and Greeks in South Russia.— Oxford : Clarendon, 1922.— 260 p.
253. *Sulimirski T.* Scythian antiquities in Western Asia.— Artibus Asiae, 1954, 17, N 3/4, p. 282—318.
254. *Underwood L.* Bronze age technology in Western Asia and Norther Euorope.— MAN, 1958, 58, p. 17—22.
255. *Zakharov A.* Zaretsky's exavations in goverment of Charcov.— ESA, 1932, 7, p. 74—83.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

256. *Ковалева И. Ф.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Фрунзенской оросительной системы.— НА ИА АН УССР, № 1973/35.
257. *Черненко Е. В., Полин С. В., Брелов-ская Э. И.* Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы и раннего железного века на территории Скадовского и Голопристанского районов Херсонской области.— НА ИА АН УССР, № 1974/7.
258. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Бочкарев С. С., Гребенников Ю. С., Рычков Н. А., Ребедайло Г. П., Клюшинцев В. Н.* Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г.— НА ИА АН УССР, № 1973/8.
259. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин А. М., Гребенников Ю. С.* Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1975 г.— НА ИА АН УССР, № 1975/3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	— Археологічні дослідження на Україні
АИУ	— Археологические исследования на Украине
АО	— Археологические открытия
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭС	— Археолого - этнографический сборник (Грозный)
БАН	— Българска академия на науките
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ДАН АзССР	— Доклады АН Азербайджанской ССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИБАИ	— Известия на Българския археологически институт, София
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК	— Материалы по истории Ставропольского края
МКА	— Материальная культура Азербайджана
НАА	— Народы Азии и Африки
НА ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии АН УССР
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
УІЖ	— Український історичний журнал
УЗ ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
УЗ Тув. НИИЯЛИ	— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ААН	— Acta archeologica Hungaricae (Budapest).
ESA	— Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. РАННЕСКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 11

ГЛАВА II. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СТЕПНЫХ СКИФОВ В VII—V вв. до н. э. 48

ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В VII—V вв. до н. э. И ВОПРОСЫ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ . . 66

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 92

ПРИЛОЖЕНИЯ 105

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 124

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 132

Вячеслав Юрьевич Мурзин

СКИФСКАЯ АРХАИКА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редактор
Т. Н. ТЕЛИЖЕНКО

Художественный редактор
И. П. АНТОНЮК

Технический редактор
А. М. КАПУСТИНА

Корректоры
С. А. ДОЦЕНКО,
Э. Я. БЕЛОКОПЫТОВА,
В. Н. СЕМЕНЮК

Информ. бланк № 6429.

Сдано в набор 03.06.83. Подп. в печ. 20.12.83. БФ 00787. Формат 70×90/16. Бум. тип. № 1. Обыкн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 9,95. Усл. кр.-отт. 10,24. Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 2000 экз. Зак. 3—1469. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией, г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8, с матриц Головного предприятия РПО «Полиграфкнига», 252057, Киев-57, Довженко, 3. Зак. № 759.